ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

РОМАНЕНКО Анастасия Вячеславовна

Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры (на примере России и США)

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
д. филол. наук, проф. Н.В. Иванов

Москва – 2018

Оглавление

Введение **3**

Глава 1. Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры **14**

1.1. Генезис политического интервью как культурного феномена 14

1.2. Драматургия политического интервью в коммуникативном поле политического дискурса 26

1.3. Особенности межкультурной коммуникации в политическом интервью России и США 40

Выводы по Главе 1 56

Глава 2. Культурные основы прагматических коммуникативных стратегий в политическом интервью России и США **58**

2.1. Культурные спектры речевых стратегий и тактик политического интервью политиков на примере России 58

2.2. Коммуникативные стратегии и тактики в интервью американских политиков 72

2.3. Культура убеждения в стратегии персуазивности ораторского искусства политика 81

Выводы по Главе 2 87

Глава 3. Национально-культурные маркеры речевых стратегий политического интервью России и США **90**

3.1. Лингвокультурологические особенности речевых стратегий русского политического интервью 90

3.2. Лингвокультурологические особенности стратегий речевого поведения американских политиков 116

3.3. Компаративистский лингвокультурологический анализ стратегий и тактик речевого поведения политиков России и США 135

Выводы по Главе 3 159

Заключение **162**

Список литературы **166**

Приложения **196**

Введение

Актуальность проблемы исследования американского и русского политического интервью в контексте лингвокультуры обусловлена переходом мирового сообщества к концепции высокотехнологичного информационного обмена (Э. Тоффлер, М. Порат, П. Друкер, М. Кастельс, Дж. Пелтон, Д.Г. Балуев и др.). Современные международные отношения, рост политизированности общества повлияли на повышение интереса к языку политиков и их речевому поведению, в особенности к языку первых лиц, традиционно воспринимаемых как символы государства, от позиции которых зависят место страны на международной арене и ее эмоционально окрашенный образ. Имидж страны формируется от способов ее презентации политиками через выбор ими выразительных средств и эффективных стратегий речевого поведения, культуру речи. В политическом аспекте изучаются направленность и сила массового воздействия политического интервью среди других форм влияния; в коммуникативном – внутренняя структура интервью как вида диалога и представленных в нем форм коммуникативного воздействия. Культурный контекст политического интервью предполагает наличие особой культурной среды.

Каждое политическое интервью раскрывается в контексте ценностной ситуации, которая связана с цивилизационными, историко-культурными особенностями политической коммуникации. Возникнув как форма литературно-философского жанра, в котором постепенно развивались характерные культурные риторические и стилистические приёмы, политическое интервью сегодня играет заметную роль в сфере политической коммуникации. В рамках политического дискурса интервью – более воздействующая форма на массовую аудиторию, включающая основные программные положения партии или самовыдвиженцев.

Политическое интервью – форма текста, обладающая наибольшей эффективностью при формировании имиджа политика.

До настоящего времени политическое интервью исследовалось как коммуникативный и политический феномен, но важно понимать и его культурное значение. Необходимость культурного контекста политического интервью обусловлена тем, что «культура как всякая человеческая деятельность, имеет разные проявления, включая в себя все способы и формы самопознания и самовыражения, накопленные социумом и отдельной личностью». [Hofstede]. Как культурный феномен политическое интервью ранее изучалось недостаточно. В основном разрабатывались политологические и коммуникативные подходы, между которыми не было должной взаимосвязи. Культурологический подход позволил расширить рамки изучения политического интервью, проследить его во взаимосвязи с другими родственными явлениями в системе политической и, в частности, межкультурной коммуникации, понять современный статус интервью в жанрах публицистики через эволюцию других риторических форм. Именно культурологический подход обладает качеством широкого охвата в понимании роли политического интервью как средства массового политического воздействия, способностью выявить важные механизмы диалоговой регуляции в сфере массовой коммуникации.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема исследования политического интервью как особого жанра политического дискурса – не нова. В разное время к ней обращались как зарубежные (П. Бурдье, М. Вебер, Н. Смелзер, Р. Лакофф и др.), так и отечественные ученые (Е.И. Горошко, В.В. Ворошилов, Т. Д. Венедиктова, А.В. Кирилина, А.Н. Тепляшина, Е.С. Долгина, В.В. Потапов, Е.А. Попова, И.Г. Ольшанский, И.И. Халеева и др.). Предлагаются различные варианты его функциональной и структурной классификации (Д.Г. Бекасов, В.М. Горохов, А.А. Грабельников, М.М. Лукина, Т.В. Шумилина, Н.В. Колода, В. Д. Пельт и др.); проблемой интервью в системе речевых жанров занимались журналисты-теоретики (А.И. Соков, Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина, З.С. Смелкова,

Л.В. Ассуирова, М.Р. Савова, О.А. Сальникова, Е.И. Шейгал и др.); прагматическое влияние эмоции и оценки на выбор коммуникативных стратегий в политическом интервью исследовали Ю.Д. Апресян, М.А. Зайцева, Н.В. Иванов, К.О. Клочко, В.И. Шаховский, М.В. Юрина и др. Формирование жанра политического интервью как вида диалогового общения прослеживается в ряде диссертационных исследований (С.А. Борисова, Н.А. Кобзева, А.В. Прокопенко, А.М. Чащина и др.).

Необходимость компаративистского анализа текстов политического интервью России и США обусловлена расширением культурных границ, увеличением числа культурных контактов, что в свою очередь требует разработки эффективной системы межкультурной коммуникации между странами. Теория межкультурной коммуникации разрабатывается целым рядом авторов: *Л. Г. Веденина* (теория межкультурной коммуникации и значение слова; человек в лингво-этнокультурном пространстве); *С.Г. Тер-Минасова* (язык и межкультурная коммуникация; война и мир языков и культур); *Т.М. Гуревич* (национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации); *Т.Д. Венедиктова (основы теории коммуникации); Кизима М.П.* (американская культура и «мультикультурализм»); *Е.В. Воевода* (обучение лингвокультуре и коммуникации в условиях глобализации); *В.П. Терин* (массовая коммуникация и исследования в США); *В.С. Глаголев* (психология американцев: базовые факторы и динамика тенденций) и др. Изучение феномена политического интервью в сравнительно-культурологическом аспекте органично вписывается в контекст такого рода исследований.

Особое значение имеет изучение жанра политического интервью как формы коммуникативного воздействия. Индивидуальная форма межличностного диалога здесь вырастает до масштаба массового влияния. Политическое интервью приобретает характеристики свойственные формам публичного общения. Различные виды публичной коммуникации образуют пространство политического дискурса. Так, в частности, ряд исследований касается изучения политического дискурса на основе анализа эпидейктических текстов: *Е.И. Шейгал* (инаугурационное обращение

как жанр политического дискурса); *О.Н. Паршина* (российская политическая приветственная речь, пресс-конференция, обращение к избирателям, дебаты и т. д.); *Д.В. Игнатов* (экспрессивно-выразительные средства языка в политическом дискурсе); *О.В. Спиридовский* (категория выразительности в президентской коммуникации) и др.

Несмотря на значительный ряд исследований, освещавших разновекторные проблемы массовой коммуникации, вопросы политического интервью в контексте лингвокультуры на примере России и США не получили должного отражения в научных исследованиях. Предпринятые попытки исследования лингвокультурных особенностей текстов российских и американских политических интервью не в полной мере учитывали выбор политиками речевых стратегий и тактик, ориентированных, с одной стороны, на иноязычное восприятие, с другой – на внутреннюю аудиторию и особенности национального характера.

Необходимость исследования вытекает также из **противоречия** между высокой политизированностью общества; растущим интересом к политическому интервью, наиболее точно и оперативно представляющему политическую точку зрения, и недостаточным отражением в научных исследованиях социального статуса политического интервью, его культурного генезиса, в контексте представленных в нем дискурсивно-коммуникативных стратегий и тактик политической риторики России и США.

Данное противоречие обусловило основную проблему исследования: каковы лингвокультурные особенности речевого поведения политиков России и США в ходе интервью, раскрывающиеся в выборе ими наиболее эффективных дискурсивно-коммуникативных стратегий и тактик, определяющих силу массового воздействия речи политика на материале жанра интервью как наиболее динамичной формы коммуникативного воздействия.

В соответствии с представленной проблемой определена **тема исследования:** «Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры (на примере России и США)».

Объект исследования – интервью политических деятелей России и США в культуре массового политического общения каждой из стран.

Предмет исследования – лингвокультурные характеристики российских и американских политических интервью.

Гипотеза исследования. Политическое интервью – это важнейший и наиболее гибко эволюционирующий элемент публичного общения в структуре национального политического дискурса. Тексты политических интервью характеризуются высокой лигвокультурной маркированностью, специфика которой выявляется методом жанрового лингвокультурного сопоставления.

Цель исследования – сопоставительное изучение структурных и прагматических особенностей текстов интервью политических деятелей России и США (1990 –2017 гг.), как эффективных форм массового воздействия в культурах политического общения двух стран.

Согласно установленной цели и положениям гипотезы исследования, были поставлены **задачи,** которые одновременно являются этапами исследования:

1. Рассмотреть предпосылки изучения феномена политического интервью как культурогенного фактора в рамках политического дискурса.

2. Описать литературный и риторический генезис политического интервью; проследить эволюцию его форм в контексте современной политической культуры.

3. Определить выбор речевых стратегий межкультурной коммуникации русскими и американскими политиками, раскрыть внутреннюю драматургию реализуемых в нем дискурсивно-коммуникативных тактик с точки зрения взаимодействия субъекта интервью (интервьюируемого) и адресата (аудитории).

4. Проанализировать англоязычные и русскоязычные тексты политического интервью в культурологическом, прагматическом, лексико-стилистическом аспектах с выявлением общих и индивидуальных особенностей речи политиков.

5. Выявить культурные особенности форм политических интервью и порядка их проведения на аксиологическом и национально-психологическом уровнях России и США; сопоставить типы дискурсивно-коммуникативных стратегий и тактик в структурах политических интервью государственных деятелей обеих стран.

6. Установить характер и масштаб влияния фактора политического интервью в опыте межкультурного диалога России и США.

Материалом исследования послужили тексты политических интервью, информативные с точки зрения возможностей их культурологической и лингвистической интерпретации, публикуемые **в российских и американских периодических изданиях** («Российская газета»; «РБК daily»; «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ» (частное независимое журналистское предприятие), «Завтра» (общественно-политическая газета освещения политических и экономических проблем), «The New York Times», «The Christian Post», «ABC World News Tonight», «Pool/ABACAPRESS»; интервью, даваемые по телевизионным каналам (Россия-1 ВГТРК, RT, (rt-russian.com/ RT на русском), авторская радиопрограмма Жанны Немцовой «Интервью» на Deutsche Welle», Радио «Говорит Москва», Телекомпания НТВ, Телеканалы CBS и PBS США; интервью, размещаемые на интернет-сайтах (Last-modified. http://last-modified.com/ru/ USA – круглосуточный информационный телеканал; РИА Новости.ria.ru, youtube.com).

К рассмотрению привлекались интервью политических деятелей России и США в период 1990–2017 гг. Общий объем текстовой выборки составил 154 интервью (2 700 000 п. з.; более 2 000 с.).

Методологическую основу комплексного культурологического изучения феномена политического интервью составляет ряд теоретических подходов, формирующих ракурсы теоретического рассмотрения объекта: *аксиологический,*

связанный в выделением ценностных и нормативных аспектов культуры, разработанный зарубежными (М. Вебер, К. Мангейм, П. Сорокин) и отечественными учеными (О.Г. Дробницкий, Б.С. Ерасов, В.М. Межуев, М.В. Силаетьева и др.); *коммуникативный подход* с элементами прагматического и риторического анализа (М.М. Бахтин, А.А. Бодалев, Т.В. Венедиктова, Ю.В. Вознесенская, Л.Б. Головаш, А. Н. Леонтьев,); *политологический подход* (А.Е. Бовин, Э.А. Поздняков, И.П.Шадрина, Г.Х. Шахназаров и др.); *дискурсивный подход, представленный в работах* зарубежных (А. Вежбицкая, Р. Барт, З. Харрис, П. Серио, М. Фуко, Т. Ван Дейк) и отечественных (М.М. Бахтин, А.Н. Баранов, Т. А., Ю. М. Лотман, Н. И. Лавринова, А. К. Михальская, О. Н. Паршина, А.М. Чащина, Е.И. Шейгал и др.) авторов; *компаративистский подход*, раскрывающий особенности языка и национальные особенности соответствующих языков и культур (В. фон Гумбольдт, В.Д. Аракин, В.Г. Гак, В.В. Виноградов, Л.Г. Веденина, Е.В. Воевода, Т.М. Гуревич, М. В. Горбаневский, Н.В. Иванов, В.И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А.М. Метелкин, С.Г. Тер-Минасова, и др.); Изучение феномена политического интервью в контексте лингвокультуры (на примере России и США) основано на анализе многочисленных текстовых источников, главный критерий отбора которых – репрезентативность и корреляция с целями и задачами исследования. Существенный критерий отбора – особенность и частотность выбора американскими и русскими политиками средств образно-эмоциональной выразительности, связанных с особенностями национальной культуры.

При работе с материалом использовались дискурсивный, коммуникативно-прагматический, риторический **методы;** коммуникативный, лингвистический стилистический, лингвокультурологический и контент-анализ анализ. Все эти методы применялись в рамках широкого культурологического сопоставления, направленного на выявление функциональных, содержательных и структурных особенностей политического интервью как формы политической коммуникации в контексте политических дискурсов России и США.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

– осуществлен генезис и эволюция форм политического интервью как коммуникативного жанра в контексте лингвокультуры;

– выявлена и описана драматургия политического интервью в предметном и прагматическом аспектах;

– реализована систематизация дискурсивно-коммуникативных стратегий и тактик участников политического интервью;

– проведено дискурсивно-коммуникативное сопоставление культурных особенностей политического интервью России и США.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что:

– расширена область культурологического анализа и межкультурного сопоставления жанра политического интервью России и США;

– выявлена и раскрыта на текстовом материале эффективность методов коммуникативного и лингвистического анализа в межкультурном сопоставлении;

– показана взаимосвязь политического и культурологического подходов в изучении дискурсивной природы феноменов массовой коммуникации.

Практическая значимость состоит в том, что:

– полученные прикладные результаты могут служить элективными материалами в вузовских курсах теоретических дисциплин: межкультурной коммуникации, лингвострановедения, сопоставительной политической лингвистики и коммуникации, в спецкурсах по международной журналистской этике; курсах, касающихся разновидностей интервью, международных аспектов деятельности журналистов и средств массовой коммуникации;

– прикладные результаты работы могут быть использованы при обучении будущих журналистов навыкам публичных выступлений, успешного проведения интервью, написания научных публикаций, а также в создании универсальной модели построения публичных выступлений политиков с учетом культурной специфики.

– **Хронологические рамки** диссертационного исследования охватывают 1990–2017 гг. Нижняя временная граница обусловлена разрушением культурной и политической парадигмы России, сопровождающаяся отказом от многих традиционных ценностей, использованием зарубежных экономических и политических моделей, принятием новой Конституции (1993 г.). В рамках указанного периода центральным событием является 1991 год – год распада СССР, изменением политического климата в США, улучшением российско-американских отношений, но постепенно ухудшающейся (г. Мюнхен, 2007 г.) политической риторикой, отражающейся в политическом дискурсе обеих стран. **На защиту выносятся следующие положения:**

1. Политическое интервью – центральное, наиболее активно развивающаяся часть политического дискурса, в которой наглядно раскрывается в форме живого диалога культура политического общения, свойственная политическому дискурсу специфика массового коммуникативного воздействия, характерные риторические и литературно-стилистические механизмы формирования в массовом сознании образа политика.

2. Генезис политического интервью как культурного феномена в контексте других форм политической коммуникации раскрывается в литературно- жанровом и коммуникативно-риторическом аспектах. В первом случае политическое интервью представляет собой характерную исторически развивающуюся литературно-диалоговую форму личностного выдвижения автора – субъекта диалога на фоне имплицитного, неявного присутствия образа автора в других политических формах. Во втором случае политическое интервью представляет собой наиболее эффективную форму массового коммуникативного воздействия при условии эксплицитного моделирования позиции адресата (массового слушателя). В обычном литературном тексте имплицитная модель диалога характеризуется подчинением автора адресату. Эксплицитная модель диалога политического интервью показывает подчинение адресата автору – субъекту интервью.

3. Выбор речевых стратегий в ходе политического интервью зависит от формы и направленности вопроса со стороны интервьюирующего. Хотя вопрос задаётся в личной форме, по своему функциональному предназначению он моделирует позицию адресата, часто не совпадающую с позицией политика. Реплика политика имеет целью сопряжение позиций автора и адресата, которое достигается за счёт изменения позиции адресата.

4. Диалоговая динамика политического интервью проводимого по сценарию прямого контакта интервьюера с респондентом (субъектом интервью) показывает его общность с постановочными приёмами драмы/спектакля: 1) связь зрелищного и соревновательного элементов (внутреннее диалоговое напряжение); 2) сюжетность (наличие сюжетной кульминации); 3) персонификация (ролевой статус общающихся); 4) направленность на решение ролевой/имиджевой сверхзадачи (по Станиславскому). В политическом интервью, в отличие от театральной постановки, несоизмеримо больше коммуникативной свободы и импровизации. В то же время и здесь наблюдаются элементы тематической и сюжетной топикации, характеризующие драматургию современного политического интервью.

5. Сравнительный анализ текстов интервью в российском и американском политических дискурсах - это сопоставление большого разнообразия жанровых форм политического интервью в политической межкультурной коммуникации. Риторика политического интервью предполагает широкое использование политиками средств образного и выразительного воздействия на аудиторию.

6. Компаративистский подход представляет собой выявление универсальных и специфических характеристик в формах политического интервью в российском и американском политических дискурсах, моделирование ситуаций межкультурного контакта, значимые межкультурные лакуны и эффективные способы достижения межкультурного понимания. Значимость такого подхода особенно обнаруживается при изучении интервью ориентированных на иноязычную аудиторию.

Степень достоверности и научная апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в форме докладов на Международной научно-практической конференции «Традиционная и инновационная наука: История, современное состояние и перспективы», 15 ноября 2016 г., г. Екатеринбург; в ходе участия в рамках IX Конвента Российской ассоциации международных исследований 27–28 октября 2015 г. – «Многосторонние институты: глобальная эффективность, национальные интересы»»; X Конвента Российской ассоциации международных исследований 8–9 декабря 2016 г., посвященный теме «25 лет внешней политике России» (РАМИ 2015 г. , РАМИ 2016 г.). Общее число работ: 6 статей 2,2 п. л., в том числе опубликованных в редактируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ – 5 статей (2,0 п. л.).

Структура диссертации состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка литературы.

Глава 1. Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры

1.1. Генезис политического интервью как культурного феномена

Термин «культура» представлен в многочисленных научных исследованиях, где культура – явление, созданное человеком, представляющее одну из форм человеческой деятельности. У Хофстеде культура – «есть всякая человеческая деятельность, имеющая разные проявления, включая в себя все способы и формы самопознания и самовыражения, накопленные социумом и отдельной личностью». [163]. Малоисследованной областью остается культура политического диалога, наиболее частотной формой которого является *политическое интервью,* призванное регулировать общение электората с политическими группами, движениями и партиями. Целью данного параграфа является исследование культурологических основ политического интервью, связанное с проблемами становления и развития политического диалога, характер которого влияет на успех/провал в международных переговорах. Культурология призвана исследовать любые формы человеческой жизнедеятельности, объектами которой являются, в том числе политический дискурс, политическая деятельность, диалог, интервью и т. д. Поэтому обоснование политического интервью как культурного феномена, направленность включенных в него представителей разных стран и культур, чрезвычайно актуально.

Основной принцип построения «интервью – диалог» – это сращение, спайка двух терминов. Более того, в отдельных работах, анализирующих интервью, используется термин «диалог» как *синоним* интервью. (Е. И. Голанова, Н. В. Кодола, М. М. Лукина, Е. А. Пустовар, А. М. Чащина, М. П. Чуриков и др.). Отсутствие культуры в политическом диалоге разъединяет народы, вносит в международные отношения семена отчуждения, несогласия и национальной обособленности, что в

итоге способно привести человечество и мировую культуру к самоуничтожению. Культура человеческих взаимоотношений в ходе политического интервью расширяет и углубляет международные связи. Культура диалога – это терпимость к другому мнению, умение дискутировать, аргументированно спорить, доказывать свои взгляды без навязывания собственного мнения, без духовного «угнетения» оппонентов. Тесная взаимосвязь культуры и политического интервью просматривается в том, что культура – это условие и результат диалога политиков, где под условиями понимается комплекс определенных знаний, культуры поведения, мышления, профессиональных качеств, без которых сложно прийти к согласию сторон. Культурный феномен политического интервью определяется качеством взаимодействия культур и служит благоприятной основой для развития межэтнической, межкультурной коммуникации.

Каждое политическое интервью раскрывается в контексте ценностной ситуации, которая связана с цивилизационными, историко-культурными особенностями масштаба политической коммуникации. Возникнув как форма литературно-философского жанра, в котором постепенно развивались характерные культурные риторические и стилистические приёмы, политическое интервью сегодня играет заметную роль в сфере политической коммуникации. В рамках политического дискурса интервью – более воздействующая форма на массовую аудиторию, включающая основные программные положения партии или самовыдвиженцев, самостоятельно собирающих подписи в свою поддержку. Политическое интервью – форма текста, обладающая наибольшей эффективностью при формировании имиджа политика.

Политическое интервью сегодня играет важную роль в создании официального политического текста, отражающего специфику программной речи политика, где используются средства образно-эмоциональной выразительности, влияющие на успех или провал на выборах, а следовательно, и на судьбу страны.

Культура политического интервью – важная часть культурологического комплекса, включающая определенные политические нормы, идеологию, взаимное сосуществование политических субъектов. Успех политического диалога (интервью) зависит от знания и умения политиками владеть техниками общения. Б. С. Ерасов определяет коммуникативную деятельность как часть психосоциальной системы общения, представляющая коммуникативную функцию культуры. [48]. Мы убеждены в том, что не может быть наднациональной модели политического интервью, поскольку политический дискурс любой страны обладает присущими только ей культурно-историческими особенностями (как пример, США и Россия). Культура политического интервью включает в себя собственные национальные традиции, социолингвистические, социовизуальные аспекты, стили речевого поведения, определяющие как содержательные, так и коммуникативные характеристики диалогового взаимодействия.

Культура политического интервью формируется на основании национального, конкретно-исторического и социально-культурного компонента, практического использования определенных речевых стратегий и техник управления людьми, на системном понимании сущности общения с электоратом. Исследование культурологических основ политического интервью имеет не только теоретический, но и прикладной характер, цель которого в формировании у политических деятелей соответствующих психологических и нравственных качеств как важных условий их повседневной политической деятельности, умения пользоваться специальными технологиями общения.

Культурологические основы политического интервью представляют систему нравственных принципов и норм, регулирующих процесс взаимодействия в межкультурном диалоге политиков в сферах политического дискурса. По мнению Ю.М. Лотмана, «культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта…. негенетическую память коллектива. Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной,

интеллектуальной, духовной жизни общества и человечества». [87, с. 55]. Опираясь на положение Ю. М. Лотмана о том, что исторический анализ всегда может обеспечить непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни общества и человечества, мы предприняли анализ становления политического интервью, позволивший понять его историю от возникновения до современных форм. Вместе с тем процесс формирования жанра политического интервью как формы диалогового общения не совпадает с процессом появления самого термина «интервью», поскольку первоначально возник диалог, логику возникновения которого можно проследить в ряде диссертационных исследований (С. А. Борисова, Н. А. Кобзева, А. В. Прокопенко, А. М. Чащина и др.). Понятие «политический диалог» представляет собой «способ публичного выражения политических взглядов, мнений, оценок, стилей политического мышления коммуницирующих между собой субъектов». [286, с. 111]. Культурная функция политического интервью должна обеспечить создание в политическом диалоге культурные образцы и нормы общения.

Диалог как самостоятельный литературно-философский жанр появился в античной Греции с развитием античной демократии, в ходе диалогических споров, поскольку общественная жизнь составляла важный компонент жизни и считалась успешной, если *грек владел умениями публичной речи и публичного спора*. Разнообразные типы культуры определяли разнообразные формы обмена мнениями. К примеру, в индийской культуре, где борьба религий проявлялась *в открытой полемике,* превалировали публичные дискуссии при большом скоплении людей, характер которых имел *помпезный характер* с элементами театрализации (украшалась сцена, подбирались костюмы, раскрашивались лица участников полемики). В итоге появилась индийская традиций спора, суть которой в понимании точки зрения оппонента, нахождении аргументов и опровержении его точки зрения, и далее - изложении собственной позиции.

Китайские философы и логики в ходе споров с оппонентами привлекали различные способы обоснований и аргументаций. Китайская традиция спора имела глубокий психологический аспект, так как участники полемики имели высокую мотивацию для спора и спорящие всегда старались уточнить суть и смысл употребляемых понятий. [38, с. 44].

Диалог как предтеча будущего интервью поначалу развивался как форма литературно-философского жанра и коммуникации, в котором постепенно развивались и усложнялись культурные риторические и стилистические формулы диалогической коммуникации. Культурными риторическими и стилистическими формами диалогической коммуникации активно пользовались философы, ученые, писатели.

Согласно исследованиям Н. Д. Арутюновой, В. С. Библера, Т. М.Гуревич, С. Ю. Головина, С. Ю. Курганова, В. М. Межуева, любой литературный текст является сообщением, получателем которого является читатель. «Литературная коммуникация, как и всякая межличностная коммуникация, это всегда диалог, взаимодействие автора и читателя». [206, с. 143–149]. Н. Д. Арутюнова отмечала, что «для литературной коммуникации, как и для повседневного человеческого общения, присущи такие прагматические параметры, как – *автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект* – эстетическое воздействие на читателя». [181, с. 365]. Литературный диалог обусловлен тем обстоятельством, что каждое сообщение должно иметь адресата: коммуникация между писателем и читателем, обмен точками зрения, взглядами на мир, мнениями. Данные высказывания нацеливают на то, что диалог, рожденный как форма литературно-философского жанра и коммуникации, эволюционировал, усложнялся, приобретая культурные риторические и стилистические формулы диалогической коммуникации, разветвляясь в иные культурные и социальные формы общественной жизни – такие как политический диалог, политическое интервью. Политическое интервью так же, как и литературный диалог, имеет идентичное достижение цели –

заинтересовать, увлечь, завоевать и удержать внимание. И если в литературном диалоге предполагается завоевание и удержание интереса читателя, то в политическом интервью – это завоевание и удержание власти электората.

Диалоговая форма общения не была статичной, она постоянно развивалась, эволюционировала, приобретала новые культурные формы, предпосылки которых лежат в общинных полилогах догосударственной эпохи, имеющие давние исторические корни и традиции, восходящие к временам античной культуры. Жанр диалога возник в эпоху античности, доказательством чего могут служить известные беседы-диалоги Сократа (Платон: «Ты, Сократ, прекрасно спрашиваешь, а тем, кто хорошо спрашивает, мне и отвечать приятно»). [280, с. 88]. Общеизвестно, что Сократ был мастером диалога, который никогда не давал готовых ответов, а своими вопросами и возражениями подводил собеседника к правильным решениям. С. Ю. Головин пишет: «Сократ утверждал, что продуманные вопросы стимулируют человека логически выверять свои мысли и оценивать их достоверность». [280, с. 80]. Философ в совершенстве владел искусством диалога, открыто боролся с софистами, призывавшими изучать человека линейно, часто доходя до абсурда и субъективизма. Сократ же рассматривал диалектику как искусство вести беседу, как рассуждение с целью выявления истины. Другими словами, «диалектик, по мнению философа, это человек, умеющий ставить вопросы и подбирать ответы, давая тем самым толчок к развитию нового жанра беседы-диалога – интервью». [там же, с. 112]. Вместе с тем беседы-диалоги не всегда предполагали обмен мнениями, реплик персонажей. Диалоги-беседы как предтеча интервью появились в первых прообразах газет первого века до нашей эры, которые готовились и выпускались по велению Юлия Цезаря под названием «Acta diurnal populi Romani» («Ежедневные дела римского народа») и «Acta Senatus» («Протоколы о работе Сената»), которые выставлялись на видных местах, а затем распространялись по городам и провинциям Рима. Главное свидетельство того, что газеты явились прообразом будущего интервью – это факт сбора информации в виде опроса чиновников, диалог между

государственными служащими и жителями Рима, но оформлялась сама газета как сплошной новостной текст.

Диалогическая речь в форме *политического интервью* – это содержательная связь реплик «вопрос – ответ – добавление», где «добавление» отвечает за дополнительное пояснение, разъяснение, уточнение, а также согласие или возражение участников коммуникации. Диалогическая речь, по мнению ряда исследователей (В. Ю. Апресян, Е. А. Баженова, Л. Ю. Иванов и др.), – естественная форма языкового общения. Политическое интервью как жанр диалогового общения возник в процессе установления и развития контактов между политиками и электоратом, который обеспечивался журналисткой профессией, общественными и государственными деятелями. М. М. Лукина обращалась к христианским истокам журналистики, выделяя в ней главные характерные черты как диалогичность и накопление информации. В беседах, передаче и обмене информацией зарождался будущий жанр диалога интервью. [88, с. 90]. В журналистике форма диалога предполагает высокий уровень доверия между собеседниками, поскольку существует не только равенство участников, но и открытость, откровенность партнеров по коммуникации. Приведенные характеристики дают возможность отнести к прообразу интервью и человеческие исповеди, предполагающие честные, откровенные повествования человека о себе, собственной истории.

Полилог как особая форма интервью зародился еще в догосударственную эпоху, поскольку задачи человеческого выживания можно было решать только коллективно, в кругу общины. При этом информация являлась достаточно доступной всем и каждому, и любой присутствующий имел право голоса. Гайд Кларк (Hyde Clarke) определяет термин «полилог» как «разговор нескольких участников, когда роль говорящего достается попеременно каждому из участников, а иначе беседа-полилог может превратиться просто в монолог». [162, p.44]. Данный коллективный принцип полилога эволюционировал, что можно наблюдать на форумах, круглых столах, конференциях, коллоквиумах, в спорах, дискуссиях,

политических ток-шоу и аналитических программах, набирающих на телевидении все большую популярность. В журналистике на долю интервью приходится от 80% до 90% рабочего времени журналиста. Становление журналистики как жанра межличностной коммуникации и профессии шло неровно: стихая в ходе распада Римской империи и пика рассвета инквизиции и возрождаясь в эпоху Просвещения с изобретением книгопечатания в середине XV века. Далее, в первой половине XVII века, стали публиковаться первые английские и немецкие печатные издания, появилась общественно-политическая газета Европы – «Lia Gazette». Но, несмотря на тот факт, что информация добывалась через форму диалога, сам диалог не был зафиксирован в газетах, а преподносился по-прежнему – *как сплошной новостной текст*. В это же время возникает русская журналистика, с выходом первой газеты «Куранты» для царя Алексея Михайловича, с сообщениями на придворную, дипломатическую, торговую и военную темы. Далее появилась газета «Ведомости», созданная по инициативе Петра I, которую он часто сам редактировал, подбирал материалы, привлекая своих соратников, главные цели которой – пропаганда вводимых петровских реформ, новости внешней и внутренней политики государства, распространение материалов о науке и культуре, о справедливости войны со Швецией и Турцией, о достоинствах военной стратегии русских. Вслед за «Ведомостями» газеты стали выпускать Московский Университет и Академия Наук («Санкт-Петербургские ведомости»). Университетской газетой руководил М. Ломоносов, публикуя материалы о жизнедеятельности университета, донесения с театра военных действий. Все печатные материалы имели просветительский характер. Позже, с появлением нового жанра и разновидности художественно-публицистического произведения, направленного против политического строя в целом или его отдельных сторон – памфлета, (pamphlet), появились и первые периодические газеты, журналы. Известный исследователь газетного жанра публицистики А. И. Акопов отмечает, что «первым европейским журналом стал «Journal des Savans» («Журнал учёных»), изданный в 1816 г. (в иных источниках –

1653 г.), особенность которого заключалась в его форме подачи – эпистолярного жанра. С появлением эпистолярного жанра (письма) стала распространенной формой общения – *дискуссия,* обеспечивающая активное обсуждение между персонажами какого-либо актуального спорного вопроса, когда в научной беседе сталкивались разные точки зрения, вызывая полемичность рассуждений». [1, с. 322–324]. Ученые могли писать друг другу письма, спорить, обсуждать, находясь на расстоянии, которое не мешало им полемизировать на определенные темы. Диалоговое письмо предоставляло возможность задавать друг другу вопросы и получать на них ответы, что отчасти уже стало напоминать издалека вопросно-ответную форму интервью.

На протяжении всего XVIII века интервью не получило должного внимания, доминировал по-прежнему эпистолярный жанр, переписка и связанные с ней дискуссии и споры. Реальные оттенки жанра интервью можно найти в XIX веке, в ставших традицией застольных разговорах «table-talks», которые представляли собой небольшие истории-повествования из жизни знаменитостей, позже приобретшего форму журналистского очерка. Ю. М. Лотман приводит собрания коротких смешных историй фольклорного жанра (анекдот) Александра Сергеевича Пушкина. Достаточно известный и рассказ-история, написанный А. С. Пушкиным в 1824 г., – «Воображаемый разговор с Александром I», написанный в форме разговора-диалога. [87, с. 200]. Журналисты беседовали с политиками, государственными деятелями, дипломатами, публиковали материалы, ссылались на источник информации, передавая суть беседы. К концу XIX века высказывания известных ученых и общественных деятелей стали появляться в журналистских публикациях уже в виде прямых цитат.

Особенно поулярным интервью стало в США, где журналисты часто интервьюировали политиков, ученых, общественных деятелей. Вслед за Америкой жанр интервью, опубликованный в газете, начинает активно распространяться по всей Европе. Война всегда вызывала интерес со стороны историков, писателей и военных журналистов, но первые профессиональные военные корреспонденты были

аккредитованы во время Крымской войны (1853–1856 гг.). XX век – век эпохи формирования нового типа человека под влиянием бурного развития технологий (фотографии, телевидения, кинематографа). В условиях информационных войн жанр интервью играет ведущую роль, поскольку по факту журналистское интервью можно доподлинно отследить в масс-медиа, через технологии и институты, централизованно распространяющие информацию и другие формы символической коммуникации. Период между Крымской войной и Первой мировой войной называют «Золотым веком» военной журналистики. Особый толчок популяризации и распространенности политического интервью дали события Первой мировой войны, где ощущались потребности ведения пропаганды через военную журналистику. Военная журналистика Советского Союза отличалась тем, что в ее рядах пребывали журналисты, которые были одновременно и военнослужащими. Хорошо известны отечественные и зарубежные писатели с мировым именем, ушедшие на фронт военными корреспондентами (Алексей Николаевич Толстой, Всеволод Вишневский, К. Г. Паустовский, Эрнест Хемингуэй, Дос Пассос, Эрих Мария Ремарк и др.). После Первой мировой войны интервьюирование стало хорошо развитой областью газетной журналистики. Интервью читали с особым интересом, который обеспечивался свежими новостями, оригинальностью, необычностью вопросов, а также «эффектом присутствия» при беседе с интервьюируемым. Во многом этому способствовало появление телеграфа и телефона, предоставившие возможность корреспондентам оперативно передавать информацию в газету. «Появление телеграфной прессы предполагало, что ее сообщения должны быть понятны всем, что делало ее предпочтительным средством межкультурной коммуникации как коммуникации для всех». [127, с. 51].

Развитие радиоинформации, телеграфа, телефона в период Второй мировой войны способствовало активному развитию и журналистики. Фронтовым репортером Второй мировой войны принято считать Константина Симонова, который реалистично на протяжении четырёх лет вел свой репортаж, часто непосредственно с

передовой. И уже в послевоенные годы К. Симонов не раз выступал в роли журналиста, беседуя с советскими генералами, реальными участниками военных лет (интервью с маршалом Георгим Жуковым, генералом Михаилом Лукиным и др.).

Достаточно популярным жанр политического интервью стал в 90-е гг. XX столетия, в связи с изменившимися политическими и технологическими условиями (развитие интернета, телекоммуникаций), когда у журналистов появилась возможность представлять в беседе с интервьюируемым собственную точку зрения. В современной социологии журналистики термин «интервью» имеет достаточно широкое значение, представляющее собой «акт коммуникации, основанный на диалоге журналиста и респондента при последовательном чередовании вопросов и ответов, информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес». [272, с. 60–62]. Политическое интервью отражает суть и содержание политической деятельности интервьюируемого, его речевую деятельность. А. К. Михальская определила специфику политического интервью как речевого и самого распространённого жанра политического дискурса, где «интервью – высококонвенциональный, публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности». [230, с. 68]. Однако изначально интервью не было связано с политикой. Жанр политического интервью образовался достаточно естественно из диалога политиков и потребности общества собирать, передавать и обмениваться важной социально-политической информацией. Своевременность исследования генезиса политического интервью обусловлена также необходимостью в дополнении достоверных, научно обоснованных знаний о закономерностях речевого поведения политиков, участвующих в диалоге, а также в углублении сведений об особенностях употребления языка в сфере межкультурной коммуникации.

Итак, обращение к анализу становления политического интервью как культурного феномена, обеспечило, с одной стороны, понимание его современных форм, жанров и типологии, с другой – продемонстрировало необходимость дальнейшего поиска и дополнения достоверных, научно обоснованных знаний о сущности и содержании лингвокультурологических особенностей речевого поведения политиков России и США, участвующих в политическом диалоге и использующих в ходе интервью собственную специфику речевого поведения. Вопрос политического интервью русских и американских политиков в сфере межкультурной коммуникации приобрел еще большую остроту в эпоху глобализации. Политика глобализма предъявила новые требования к правящим элитам, несущим ответственность перед своими народами и странами за обеспечение безопасности и сохранение суверенитета национальных государств. Значительная роль в этом вопросе принадлежит политическим лидерам, к которым предъявляются особые требования в уровне коммуникативных способностей и ведения эффективной межкультурной коммуникации. Сегодня интервью - акт коммуникации, основанный на диалоге адресанта и адресата с целью получения необходимой информации, представляющей общественный интерес. Диалог как предтеча будущего интервью развивался как форма литературно-философского жанра и коммуникации, в котором постепенно развивались и усложнялись культурные риторические и стилистические формулы диалогической коммуникации. Культурными риторическими и стилистическими формами диалогической коммуникации активно пользовались философы, ученые, писатели. Понимание участниками политического дискурса действительного содержательно-структурного родства драматургии и интервью сделает результативными поставленные коммуникативные задачи.

1.2. Драматургия политического интервью в коммуникативном поле политического дискурса

Известно, что диалог как предтеча будущего интервью поначалу развивался как форма литературно-философского жанра и коммуникации, в котором постепенно развивались и усложнялись культурные риторические и стилистические формулы диалогической коммуникации. Драматургия интервью – важная часть политической технологии, имеющая свои специфические особенности, а также общие черты, присущие для организации театрального действа на сцене. Театр – один из важнейших социальных институтов. Оказывая влияние на человека, театр объясняет мир, формирует эмоциональные стимулы для многообразной деятельности, воспитывает, воздействует на общественные процессы. Политическое интервью, любое выступление первых лиц государства и театральная постановка объединяются характером связи, связью с аудиторией, обществом в целом. Так же, как политическое интервью, театр представляет собой сложную коммуникацию, которую сложно представить без аудитории. Без аудитории нет и политического интервью, всегда присутствует третья сторона, кому обращена информация.

Драматургия интервью – это драматургия реального политического факта, а не чисто художественного вымысла. Но если театральные произведения искусства предполагают их использование на долгие времена и повторение сюжетов, то планирование или сценарий интервью с политиком ограничен в реальном времени, так как максимально приближен к реальной ситуации, общественной жизни. Интервью всегда имеет конкретное время и место действия, рассчитано на конкретную аудиторию. Поэтому ценность политического интервью, которое осуществляет журналист с политиком всегда оригинально, неповторимо. Обращение к драматургии интервью позволит коммуникантам более эффективно решать поставленные коммуникативные задачи. Постановка интервью и постановка драмы,

спектакля на сцене достаточно схожи: интервью так же, как и драма, требует предварительного планирования, написания сценария, подбор актеров (героев) и сама игра на сцене. Драма, в отличие от трагедии, представляет собой действие с серьёзным сюжетом, но без трагического исхода, что ее роднит с политическим интервью, где также могут разыгрываться различные социальные сюжеты и драмы. (*Вспомним сюжет противостояния США и КНДР с демоснтрацией силы).* Политическое интервью так же, как и постановка драматического спектакля, представляет собой итог кропотливой трудоемкой работы сотрудников СМИ и политических деятелей, являясь следствием коллективного ума профессионалов. Политика так же, как и драматическое искусство, требует не только обширных профессиональных знаний, умений хорошо разбираться в текущей политике, актуальных проблемах, но и обладания речевым искусством, мастерством ведения диалога. Драматургия политического интервью, как правило, проводится по определенному сценарию, предполагающему прямой контакт интервьюера с респондентом (опрашиваемым).

Разрабатывая сценарий интервью, журналист должен помнить, что главное действующее лицо – не сам журналист, а его герой. Политик является главным коммуникатором, в его распоряжении – информация, и он может распоряжаться ею так, как он пожелает. Данный принцип роднит интервью и спектакль, где главный герой – актер. Режиссер же – теневой участник.

В театральном спектакле так же, как и в интервью, существуют идентичные требования:

1. Продолжительность действия не должна превышать продолжительности его воспроизведения.

2. Действие, происходящее на сцене, должно проходить все время на одном и том же месте.

3. Интервью и спектакль должны включать в себя зрелищный и соревновательный элементы, сохраняя и следуя развлекательной концепции.

4. Персонификация политического интервью и персонификация актеров на сцене.

5. С целью сохранения увлекательного характера при освещении политических интервью (театральной постановки) важно делать акцент на создании определенной интриги и драматизации ситуации.

Обратимся к фактам, делающих родственными профессию политика и профессию актера, режиссера. Первое, что объединяет политика с профессией актера и режиссера – *это популярность и публичность*. То есть популярность и публичность – это ресурс актера и политика для воздействия на чувства, ум публики, обращаясь к чувствам, памяти, мысли, воле слушателя, зрителя. Другая схожесть – *заразительность,* убедительность, артистизм, использование невербальных жестов и выразительных средств. Все это, как и актера, так и политика, может обеспечить успех при решении коммуникативных задач. Как режиссер в процессе репетиций, так и политик, и опрашивающий его журналист должны обладать способностью яркого эмоционально-волевого воздействия на электорат. Политику, как и актеру, важно «захватить» внимание и интерес слушателей с первой же минуты удерживать его до самого конца интервью. Для политика также важно грамотно построить логику своего выступления, использовать яркие выразительные средства так, чтобы речь была воспринята и понята аудиторией. Также аналогично и режиссер выстраивает драматургическую логику своего спектакля, достигая полного диалога со зрителем, влияя на него, захватывая его внимание и убеждая в собственной позиции. Умение политика убеждать, завоевывать и удерживать внимание людей, склонять электорат поверить в него и принять его позицию очень сближает его с актером, перед которым стоят те же задачи, а различия выражены содержанием политического и театрального искусств – завоевание власти политиком и завоевание актером эстетического внимания и художественной власти над зрителем. Все это делает актуальным для политика изучение принципов системы К.С. Станиславского,

которая приобрела «значение эстетической и профессиональной основы искусства сценического реализма». [124, с. 98–100].

Система Станиславского – это теоретическое выражение реалистического направления в сценическом искусстве, которое К.С. Станиславский назвал *искусством переживания*, которое требует не имитации, подражания, а подлинного переживания артиста на сцене, полного вживания в образ, иначе зритель не поверит, не будет захвачен во власть художественного наслаждения. Стала легендарной фраза Станиславского – «Не верю!», которую сегодня активно используют режиссеры театра и кино в случае, если игра актера на площадке выглядит неправдоподобной, неискренней. Политику, не искренне служащему своему народу, не сумевшему в ходе своих выступлений убедить электорат, также можно сказать: «Не верю!». Перед политиком и актером всегда стоит «сверхзадача», которую Станиславский объясняет как реализацию главной идеи произведения. Достижение сверхзадачи политика – это донести до избирателей главную идею избирательной программы, того, как жизнь людей сделать лучше, как достичь благосостояния.

Общность и характер профессии политика и актера приводят к тому, что достаточно часто артисты театра и кино уходят из профессии на пике славы, меняют ориентацию и становятся политиками. Причем данное явление можно наблюдать на примере звезд кино как в США, так и в России.

Можно отметить также, что цели постановки драмы и сценария политического интервью – идентичны: в случае с интервью – завоевание и удержание власти, в случае театрального искусства – завоевание художественного интереса и эстетической власти над зрителем. И то и другое предполагает манипулирование, игру, публичность. Политическое интервью и драматургию роднят общие принципы построения обоих жанров. В работах Е.И. Голановой представлены главные принципы построения интервью, что напрямую относится и к сценическому искусству - *диалогичность, публичность, непосредственное общение, вопросно-ответный тип:* «интервью – это целенаправленный диалог, материалы которого

предназначены для распространения информации в СМИ; характер беседы – *публичный*; *очное (непосредственное) общение* собеседников и *вопросно-ответный тип*». [201, с. 109–110]. То есть, интервью – это беседа, которая организуется с целью дальнейшей публикации полученного сообщения в СМИ. Сообщение, как правило, включает поэтическую функцию. Другими словами, любое сообщение имеет выразительность. (Р.О. Якобсон).

Согласно ряду исследований, политическое интервью представляет собой разговор журналиста именно с политиком, политическим деятелем, лидером партии и т. д., но не разговор с публичным человеком на политическую тему. Специфика политического интервью заключена в многослойном характере его коммуникативной цели. Известно, что интервью с политиком – большое искусство: журналист должен понять мотивацию политика, участвующего в беседе, помнить о том, что политик приходит со своим определенным сценарием (домашней заготовкой), поэтому журналист должен «быть в теме», быть готовым к импровизации и избегать конфликтов. Именно конфликт может разрушить структуру и ход интервью, обнулить поставленные коммуникативные задачи. Журналисту важно постоянно держать в голове основную тему интервью и не дать сбить себя с намеченного пути, при необходимости переформулировать вопрос, чтобы получить правдивую информацию. Но при этом стараться избегать конфликта. Одно из главных положений, которым должен руководствоваться журналист, – это подбор вопросов, интересных и социально значимых для аудитории, он должен избегать банальных вопросов, касающихся его программы. Самые удачные вопросы в политическом интервью – это неудобные вопросы, но тактичные и не оскорбляющие личность опрашиваемого. Журналист может задавать интересные вопросы, которые «выводят на чистую воду» политика, но без излишних эмоций, спокойно и уверенно. Экспрессивное поведение и конфронтация – худший способ вести беседу с политиком. Конечно, журналист не обязан быть экспертом во всех вопросах, но тезисно изучить вопрос на заданную тему – необходимо.

Профессионализм журналиста в том, что он получит от политика нужную информацию, не повышая голоса. И еще один фактор – журналист должен быть честным, без чего не получится хорошее политическое интервью. Мотивация, с которой приходит политик на интервью, – это информирование электората, широкое обсуждение острых вопросов в обществе, решение проблем людей. Но в то же время преданность своей партии, желание остаться в своей должности, идеология и личные проблемы могут заслонить основные вопросы. Работа журналиста состоит в том, чтобы в информационном потоке, исходящем от политика, отыскать те факты, которые станут ответами на актуальные вопросы. Известно, что политик – слуга народа, которого выбрали с цель выполнения намеченных задач народом, поэтому излагаемые факты должны тщательно проверяться. В интервью журналисту принадлежит важная роль – говорить с политиком от имени всего народа, задавать ему вопросы от лица всей аудитории.

Поскольку интервью – достаточно оригинальный речевой жанр, то и оформляется оно специальным способом, предполагающимй: *а) запись со стороны журналиста своих вопросов* и *б) дословных ответов интервьюированного*. Первые классификации видов интервью были освещены в книге «Теория и практика советской периодической печати», опубликованной в 1980 г., где рассматриваются такие виды интервью: «интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-диалог, интервью-зарисовка, интервью-мнение, форумы и анкеты, пресс-конференция». [128, с. 55]. Долгое время была принята единая классификация жанра интервью – информационное, интервью-протокол радио-интервью, социально-психологический портрет.

В ходе эволюции жанр интервью неуклонно претерпевал изменения «Сегодня интервью приобрел целый ряд модификаций: интервью-диалог, интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-зарисовка, интервью-мнение, коллективное интервью и анкета». [45, с. 7]. Каждый исследователь, изучающий жанр интервью, имеет авторскую классификацию видов интервью. В работе А.А. Тертычного

«Жанры периодической печати» представлены такие жанры интервью, как *информационное интервью, блиц-опрос, вопрос-ответ, аналитическое интервью, аналитический опрос, беседа*. [132, с. 34]. Представленные классификации интервью демонстрируют определенную схожесть между собой, многие виды и жанры дублируют друг друга. Предложенные классификации видов интервью могут в полной мере иметь политическое содержание, политическую окраску, поэтому их можно отнести и к политическому интервью. На протяжении полувека жанр интервью менялся, что было определено в большей степени социокультурным контекстом.

М.К. Барманкулов в докторской диссертации предлагает разбить жанр интервью на четыре группы: а) интервью-мнение, интервью-информация, интервью-эмоция, б) интервью – социологическое исследование и по характеру интервьюирующего – на две группы: в) интервью, которое берет журналист, г) интервью, которое берет читатель, телевизионный зритель или радиослушатель [11, с. 25]. Далее автором дается описание каждого из жанров интервью: *интервью-мнение* предполагает обращение к известной личности, достаточно авторитетной, которую знают все, это может быть политик, общественный деятель, президент, вице-президент страны; и*нтервью-информация* предполагает обращение к должностному лицу, фамилия которого может быть и не известна широкому кругу; *интервью-эмоция* – это обращение к очевидцу или участнику известного события, но при этом фамилия и должность которого никому не известны; *в социологическом интервью личность* интервьюируемого не берется во внимание, отодвигается на второй план – отвечающий может быть и анонимным. Данная жанровая характеристика предполагает то, что в первом случае на первый план выдвигается *личность,* во втором – *должность интервьюируемого*, а в третьем – может быть просто *случайный свидетель*, в четвертом – *аноним*. Политическое интервью является наиболее частотной жанровой событийной формой политического дискурса, включающей наряду с интервью партийные традиции, собрания, ритуалы

и праздники; встречи депутатов со своими избирателями и т. д. Однако *именно политическое интервью* более востребовано в среде политической коммуникации, имеет разнообразные типы и классификации.

Проблема исследования политического интервью как особого жанра политического дискурса – не нова. Дискурс – одно из самых сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики. В Энциклопедическом словаре термин «“дискурс” (от фр. discours – речь, выступление) определяется как речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий». [292, с. 211].

Исследователи политического дискурса убеждены, что речь человека с самого начала уже «политически нагружена», являясь знаком единства интересов, задач, стандартов и взаимопонимания с другими членами сообщества, употребляющих один и тот же язык. Междисциплинарность изучения политического дискурса объясняется тем, что появилось новое направление и в языкознании, именуемое как политическая лингвистика. Лингвистические подходы к определению политического дискурса имеют также разное наполнение. К примеру, Е.И. Шейгал трактует данное понятие широко, определяя политический дискурс как «любые речевые образования, субъект, адресат, содержание которых относится к сфере политики» [149, с. 23]. Известный современный исследователь политического дискурса, профессор, американист, возглавляемый кафедру теории дискурса и коммуникации Татьяна Дмитриевна Венедиктова пишет, что самые большие доки по части производства дискурсов – американцы… само слово «дискурс» – строй научной речи или язык научной школы – специфический характер описания, обсуждения и структурирования материала, опосредованный иноязычным употреблением… Будучи разом и специализированны и взаимопроницаемы, они (дискурсы) сотрудничают в поле междисциплинарности, эклектическом и динамичном, относительно легко заимствуют друг у друга аналитические приемы, тактики и терминологию». [192, с. 99–196].

А.Н. Баранов предлагает рассматривать политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса или формирующих конкретную тематику политической коммуникации». [10, с. 246]. Более ограниченного, одностороннего взгляда на данное явление придерживается голландский лингвист Т. Ван Дейк, определяя политический дискурс как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно – политикой. [275, p. 134]. О. Н. Паршина пишет, что «политический дискурс политической элиты составляет устное речевое поведение». [175, с. 4–9]. Автор представляет жанровую характеристику устного политического дискурса, разграничивая его на: *диалогические* (теледебаты, общественно-политическое ток-шоу, «прямая линия с президентом» и *монологические* жанры (инаугурационная речь, программная речь). Остановимся подробнее на каждой из жанровых характеристик. Диалогические жанры – теледебаты, общественно-политическое ток-шоу, «прямая линия», построение и структура которых отражает своеобразный «спектакль», публичное шоу.

Диалогические жанры.

Теледебаты

Примерно с 60–70-х гг. прошлого века телевидение стало основным источником политической информации, поскольку оно начинает освещать вооруженные конфликты, политические теледебаты, борьбу за гражданские права и т. д. Телевидение становится полем политической борьбы: кандидаты начинают отслеживать собственный имидж, определенную жестикуляцию, внешние данные, звучание речи, ее стиль, образность. «Уже с 70-х годов в США стали практиковать телевизионные обращения президентов, трансляции пресс-конференций, политических дебатов. Одновременно телекамера меняет и сам характер политики, которая больше становится похожа на конкуренцию образов, имиджей политиков, которые начинают создаваться по законам рекламного бизнеса». [268, с. 44–49]. Теледебаты – самый эффективный способ влияния на электорат и самый

популярный жанр ввиду того, что: а) как информационные шоу включают в себя зрелищный и соревновательный элементы, сохраняя и следуя развлекательной концепции телевидения; б) обеспечивают персонификацию политических вопросов, где каждый претендент или лидер партии представляет собственную программу, ее преимущества перед другими, собственную позицию; в) в большей степени раскрывают личностные особенности участников избирательного процесса.

Теледебаты сегодня используются и как эффективная избирательная технология, обладающая сильным психологическим воздействием на избирателей. Психологи отмечают, что для восприятия политической фигуры важно грамотно создать «фон». «В качестве этого фона может выступать другая, контрастная фигура. Нужна пара антагонистов – «святой» («свой») и «злодей» («чужой»). Публичная борьба двух политических оппонентов, игра в героя и злодея наркотизируют массового зрителя и дезориентируют его в реальных политических проблемах». [7, с. 18]. Сам способ подачи политической информации тяготеет к представлению такого характера избирательной кампании, где ведется соревнование между политиками. Другими словами, теледебаты используются с целью поддержки определенных политических сил. Для выполнения данной задачи журналисты используют всевозможные *приемы. Психологическая уловка оператора* – эффект неожиданности, когда «свой» политик знает перечень вопросов и заранее подготовился к ответам, а «не свой» – не готов. Типичный пример таких уловок приводит О.А. Феофанов в статье «Что может политическая реклама. Из американского опыта»: «В 1960 г. на пост президента США баллотировались *Р. Никсон* и *Р. Кеннеди.* Телевизионная команда, которая вела передачу, была настроена против Никсона. В студии был поставлен чрезвычайно яркий свет. Лицо Р. Никсона постоянно показывали крупным планом. У него была тонкая кожа, и при ярком свете он казался небритым, что расценивалось как неуважение к избирателям. Софиты поставили очень близко, и через несколько минут по лицу Р. Никсона покатились росинки пота, которые он спешно раздвигал платком. При этом на него

были нацелены семь телекамер, но его не предупредили, в какую из них надо смотреть, и он смотрел то одну, то в другую. На экране же получалось, что глаза Никсона «бегают». Все это производило впечатление, что у него нечиста совесть. В итоге симпатии телезрителей безоговорочно были отданы Р. Кеннеди». [134, с. 70–71].

В работе «Теледебаты как избирательная технология» В. А. Сороченко пишет об уловках, которые эффективны тогда, когда в теледебатах принимает участие трое и больше участников. К ним он отнес *порядок очередности выступлений* (участники отвечают на вопросы телеведущего по очереди, но в такой последовательности, что «свой» политик всегда получает слово последним, так как запоминается более всего); *принцип контраста* и т. д.

Общественно-политическое ток-шоу

Данное ток-шоу является предельно персонифицированной экранной формой. Г. В. Кузнецов отмечает, что «классическое ток-шоу представляет собой треугольник: ведущий – приглашенные собеседники (эксперты) – зритель в студии. Ток-шоу соединяет приемы журналистики и сценические приемы. И каждый из участников ток-шоу – какова бы ни была его служебная функция внутри программы – одновременно является персонажем с заданной ему авторами ток-шоу ролью». [219, с. 59]. В число участников политического ток-шоу приглашаются, как правило, и обычные люди, как-то связанные с обсуждаемой проблемой, пассивные наблюдатели – зрители. В ток-шоу в последнее время интегрируются телерепортажи с мест событий, организовываются телемосты. *То есть политическое ток-шоу – это событийный жанр, имеющий единую тему разговора, задаваемую ведущим, предполагающую дискуссионность обсуждения. Набор элементов, представленных в ток-шоу: мнение, возражение, критика, речь в прениях, предложение.*

«Прямая линия с Президентом»

«Прямая линия с Владимиром Путиным» – ежегодная телевизионная программа, в ходе которой президент России в прямом эфире отвечает на вопросы

российских граждан. В обсуждении «прямой линии» аналитиками было отмечено, что аналогов этой «прямой линии» нет нигде в мире, ни в одном политическом дискурсе.

Данная форма устного политического дискурса представляет собой длительный словесный марафон вопросов, задаваемых Президенту, и ответов. По сложившейся традиции в ходе прямого общения с гражданами России глава государства отвечает на интересующие россиян вопросы. В основном рассматриваются темы, имеющие отношение к общественно-политической и социально-экономической жизни России. Также в ходе прямых линий президент традиционно уделяет внимание международной обстановке. Иногда глава государства отвечает на личные вопросы россиян и даже выполняет некоторые их просьбы. Несмотря на длительный период времени проведения данной формы политического диалога, популярность этого мероприятия растет и будет, видимо, востребовано ещё длительное время. Каждый год прямая линия президента тщательно планируется, все участники скрупулёзно инструктируются, проводятся соответствующие репетиции. Мероприятие начинается в полдень по московскому времени и транслируется на федеральных теле- и радиоканалах. Можно задавать свой вопрос в письменном виде на официальных сайтах мероприятия, принимаются видеообращения от граждан. Сотни тысяч вопросов обрабатываются круглосуточно, и тема номер один – недостатки в социальной сфере. Вопрос В. Путину могут задавать гости, приглашенные в студию, и те граждане из различных регионов России, с которыми глава государства беседует в ходе прямых включений. В 2017 г. программа «Прямая линия с В. Путиным» стала юбилейной – она проходила в 15-й раз. Несмотря на то что в мире под ораторской техникой подразумевается чрезмерная яркость и эпатаж во время выступлений, у В. Путина этого явно не наблюдается, а совсем наоборот – видна взвешенность, последовательность, выдержанность и характерный ритм, в котором и кроется главный секрет риторики Путина.

Монологические жанры. Инаугурационная речь

Инаугурационная речь как монологический жанр политического интервью достаточно подробно описан в работах отечественных (В.В. Богданов, М.В. Гаврилова, Е.И. Шейгал, В.И. Шаховский) и зарубежных ученых (К. Джеймисон, Р. Джослин, К. Кэмпбелл и др.). «Инаугурационное обращение президента занимает особое место в жанровой структуре политического дискурса. Оно однозначно маркировано единичным адресантом, жестко привязано к определенному политическому событию, фиксировано во временном и пространственном плане». [148, с. 205–214]. Согласно исследованиям К. Кэмпбелл и К. Джеймисон (Campbell, Jamieson, 1986), известным американским исследователям президентской риторики США, аналитикам президентской инаугурационной речи, можно заключить, что данной речи присущи все черты эпидейктической речи. [274, p. 90]. А именно, инаугурационная речь является важнейшей составляющей торжественной церемонии, где соединяется осмысление прошлого и будущего нации, но с привлечением событий настоящего времени. В речи данного формата прославляется все то, что объединяет общность народа, используется достаточно элегантный литературный стиль и приемы усиления, часто присутствуют некоторые преувеличенные пафосные акценты того, что уже известно широкой аудитории [Campbell, Jamieson, 1986]. Наряду с этим инаугурационная речь не содержит каких-то полемических высказываний, которые могли бы вызвать чье-то несогласие или возражение, что свидетельствует о высокой степени ритуальности данного жанра, в которой преобладает *фатика,* речевая коммуникация, направленная на контакт над информативностью. Более важным в ней является не столько содержание речи, сколько сам факт его произнесения. Именно в этом состоит важнейшая особенность инаугурационной речи как жанра, являющаяся «не просто речевым действием, но политическим действием. Вместе с тем произнесение инаугурационной речи одновременно является актом формального введения нового президента в должность и фактически инаугурационную речь следует относить к политическим

перформативам». [294, p.111].

Монологические жанры. Программная речь

Программная речь можно представить и как составляющую уже упомянутого жанра политического дискурса – теледебаты, которая в официальной ситуации представляет собой сообщение о личном убеждении, о своем видении ситуации, своем понимании того, как и в каком направлении должно двигаться общество. Согласно многочисленным исследованиям [12; 33; 67; 112], *программная речь* как сложный речевой жанр может включать в себя и субжанры – мнение, критику, предложение. И еще одна важная характеристика программной речи заключается в том, что в теледебатах она отличается достаточной вариативностью и свободой построения. Обязательным элементом программной речи является изложение собственного мнения выступающего, а главная задача заключается в предъявлении и аргументации собственного восприятия современной ситуации или явления.

Т.В. Анисимова относит программную речь к информационным жанрам. [3, 33 с.], но Е. И. Шейгал предполагает, что само наличие аргументации в программной речи, использование аргументативной стратегии предполагает включение этого жанра в разряд убеждающих. К особенностям политического дискурса относят также такие информационные жанры, как *пропаганда и манипуляция*, которые рассматриваются как содержательная и инструментальная сторона политического процесса.

Итак, исследование проблемы драматургии, структуры политического интервью в коммуникативном поле политического дискурса, формы его организации продемонстрировало, что, несмотря на внушительное число работ, посвященных данной проблематике, она остается востребованной в «рамках адекватной организации и проведения политического диалога». [246].

Итак, понимание драматургии политического интервью, грамотный выбор его формы позволит политику продуктивно решать поставленные коммуникативные задачи. Драматургия постановки политического интервью так же, как и постановка

драматического спектакля, представляет собой итог кропотливой трудоемкой работы сотрудников СМИ и политических деятелей, являясь следствием коллективного ума профессионалов, имея идентичные требования к постановке спектакля: продолжительность действия не должна превышать продолжительности его воспроизведения; действие, происходящее на сцене, должно проходить все время на том же месте; как информационное шоу, и интервью, и спектакль включают в себя зрелищный и соревновательный элементы, сохраняя и следуя развлекательной концепции; персонификация интервью, где каждый претендент представляет собственную программу, и персонификация актеров на сцене, играющих собственную роль, – с целью сохранения увлекательного характера при освещении политических интервью (театральной постановки). Проанализированные нами многочисленные классификации интервью, демонстрируют определенную схожесть между собой. Урегулирование межнациональных и межэтнических конфликтов расширяет круг взаимодействующих партнеров, государств и регионов, и когда речь идет о политических разногласиях между странами, то подчеркивается необходимость грамотного ведения, развития и построения структуры политического диалога, разновидностью которого является политическое интервью, нуждающееся в дальнейшем перспективном анализе.

1.3. Особенности межкультурной коммуникации в политическом интервью России и США

Современные глобализационные процессы способствуют более широкому взаимодействию цивилизаций. Взаимодействие стран базируется на основе информационной интеграции, экономической, торговой, технологической базы, что ведет к росту культурного самосознания наций. Культурные сообщества, различные

по собственной истории, общественному устройству, проводимой политике, языку, религии, обычаям и традициям, тем не менее – тесно взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга посредством межкультурной коммуникации на основе только ей присущих законов и правил. Наравне с этим глобализация демонстрирует и другое движение – стремление наций к сохранению уникальных культурных ценностей и норм.

Межкультурная коммуникация – сложный, противоречивый процесс, по-разному осуществляющийся в разные эпохи. Иногда культуры демонстрировали мирное сосуществование, без ущемления достоинства друг друга, иногда межкультурная коммуникация, особенно в сфере политического дискурса, показывает жесткую конфронтацию подчинением одного из участников диалога. Все это потребовало особого внимания к межкультурной коммуникации политиков, так как ее эффективность представляет важное условие разрешения споров и налаживания международного сотрудничества между странами. Любая форма политического интервью есть диалоговое взаимодействие, которое происходит в виде встреч или договоренностей двух или более лиц. Межкультурная коммуникация в ходе политического интервью представляет собой диалог между носителями разных социокультурных традиций общения. Однако диалог политиков может быть взаимно полезен при условии, если сохраняется уникальность каждого участника информационного обмена, равенство друг перед другом, устремленность каждого из них к пониманию другого, несмотря на различия обмениваемых точек зрения.

Термин «межкультурная коммуникация» появилось в 60-е гг. (Э. Холл и Г. Трейгер), суть которого в том, что «культура – это идеальная цель, к которой человек должен стремиться, чтобы эффективнее адаптироваться к окружающей среде». [264, p.77]. Однако окружающая среда часто оказывается для человека не только знакомой, своей, дружелюбной, но и чужой, неизвестной, иногда враждебной, поэтому участники межкультурной коммуникации, выступающие от

разных культур, должны понимать и осознавать не принадлежащий к их культуре феномен «чужая культура». Позже Холл пишет книгу «Молчаливый язык»/«The Silent Language», оказавшую влияние на дальнейшее развитие межкультурной коммуникации [161]. Важно понимать, что теория Э. Холла не объясняет поведение представителей той или иной культуры в ходе межкультурного диалога, поскольку в среде одной и той же культуры сосуществуют индивиды и низкоконтекстных, и высококонтекстных культур. То есть каждая крупная культура предполагает внутри себя собственную регионализацию, членение в зависимости от места проживания в нем этносов (РФ).

В понимании исследователями понятия «межкультурная коммуникация», несмотря на более чем 60-летний путь его развития, не все в нем гармонично и определенно. Сегодня прослеживаются два подхода к вопросу межкультурного взаимодействия. Оба подхода признают наличие национальных особенностей. Но, согласно первой точке зрения, глобализационные процессы, приведшие к интенсивности межкультурного общения, как бы «стирают» национальные границы и формируют единые нормы и правила коммуникации. Сторонники второго подхода отводят национальным традициям одно из центральных мест в межкультурной коммуникации, утверждая, что трудности на переговорах возникают из-за различиям и в ожиданиях, обусловленных различиями культур. Но, в случае определенной близости культур, традиций (русские-европейцы, русские-американцы), препятствием межкультурного диалога могут стать национальные интересы государств. Примером могут служить долгие и плодотворные отношения США – ОАЭ с 1972 г. (оборона, торговля, энергетическая политика, образование), имеющие в культуре и традициях разительные отличия. «При значительном совпадении интересов сторон, то есть при сотрудничестве, национальные различия не замечаются, но стоит возникнуть конфликту интересов, как национальные различия начинают играть важную роль». [234, с. 44]. По сути, неудача межкультурной

коммуникации происходит по причине конфликта интересов, культур, столкновений различных мировоззрений.

Исследователи в своих работах демонстрируют возможность достижения взаимопонимания между представителями различных культур при учете всей совокупности культурных различий между ними. «Уважение к культуре страны пребывания, культуре своего партнера способствует взаимопониманию и успешному развитию как политических, так и экономических отношений». [35, с. 19]. Автор подчеркивает, что полноценный диалог двух культур возможен при условии, если каждая сторона учитывает совокупность знаний, суждений о «чужой» культуре, ее истории, религии, традициях, ценностях и культурных артефактах, а также будет использовать их в практике коммуникации. Межкультурная коммуникация представляет собой «общение людей, представляющих разные культуры» (С. Г. Тер-Минасова); «межкультурная коммуникация – непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных лингвокультур» (О.А. Леонтович). То есть межкультурная коммуникация в ходе политического интервью России и США – это обмен политической информацией, национальными интересами, мировоззренческими установками, осуществляемый носителями культур, что значительно влияет на эффективность поставленных коммуникативных задач.

Положительное решение данного вопроса предполагает использование культурологического подхода, предполагающего систему взаимосвязанных культурологических принципов, механизмов, обеспечивающих исследование мира человека и его культурного окружения. Культурологический подход в межкультурной коммуникации позволяет определить и понять смыслы, которыми наполнена жизнь и деятельность конкретной личности, ее культурные отличия и особенности.

Взгляд на исход межкультурной коммуникации, как на взаимодействие равнозначных, равностатусных партнеров, представлен Н.В. Барышниковым:

«Знания о речеповеденческих тактиках общения, принятых в культурных традициях стран изучаемых языков, безусловно, нужны, но не для того, чтобы им подражать, а для того, чтобы в реальной межкультурной коммуникации адекватно понимать своего партнера по речевому взаимодействию и быть на равных». [13, с. 109–113]. Мы разделяем мнение Н.В. Барышникова и его взгляд на межкультурную коммуникацию, представляющую такой тип межкультурного взаимодействия, где главные отличия включают то, что: межкультурная коммуникация не всегда представляет собой сбалансированное, доброжелательное, но часто политизированное и идеологизированное общение представителей различных языков и культур, которая реализуется под влиянием политических мировых и региональных процессов; в ней используются манипуляции, уловки, трюки, спецтехнологии с целью оказания коммуникативного прессинга, получения выгод в одностороннем порядке; ей свойственны ответственность за переговорный процесс и его результативность. Автор говорит, что изменить негативный тон речевой коммуникации с западными партнерами можно, если подготовить новое поколение специалистов-международников, которые будут владеть целым комплексом коммуникативных стратегий и тактик, нейтрализующих и упреждающих откровенные выпады зарубежных партнеров. Нужно отметить еще один подход к межкультурной коммуникации, представленный Г.Б. Паршуковой в проведенном ею исследовании межкультурной коммуникации, куда были привлечены национальные группы (русские, немцы, итальянцы, американцы, испанцы, японцы), суть которого в том, «что нет никакого способа, выявить национальную или этническую принадлежность в коммуникации… результатом всегда будет набор различий в *реакции поведения* между группами». [100 с. 100]. Другими словами, межкультурная коммуникация в большей степени охватывает ту часть культуры, которая обусловлена особенностями поведения личности, совокупностью обычаев и традиций, принципами и правилами. В этой части межкультурной коммуникации речь идет о важности толерантного поведения между участниками разных культур,

построением толерантного диалога между участниками, активным слушанием друг друга и откликом на потребности и интересы партнера.

Политическое интервью в сфере межкультурной коммуникации призвано освещать причины проблем, которые возникают при интервьюировании представителей иностранных государств, а также помогает поиску путей по налаживанию эффективной межкультурной коммуникации. Проблема развития политического интервью в профессиональной межкультурной коммуникации делает необходимость проведения анализа диалога культур, понимания культурных ценностей. Для построения эффективной стратегии политического диалога, тактики межкультурной коммуникации участникам важно знать ценностные, антропологические, национально-психологические особенности участников коммуникации. Антропоцентричность предполагает, что в центре интервью всегда стоит личность политика, имеющего свой внутренний мир, чувства, ценностные установки, субъективный взгляд на окружающий мир, особенности национальной культуры и языка. Через образ политика (русского и американского) отображается идеология страны, поэтому политическое интервью имеет ярко выраженный аксиологический аспект, что не могут не учитывать коммуниканты на практике. Одна из важнейших задач при разборе межкультурной коммуникации, базирующейся на ценностных основаниях культур России и США, состоит в определении национальной системы ценностей, которая представлена в культуре стран.

Каждый политик в своей деятельности руководствуется определенной системой ценностей, которая помогает ему выражать собственное отношение к окружающим людям, миру, политике стран. Анализ текстов многочисленных политических интервью (М.В. Гаврилова, Г.Г. Матвеева, Н.А. Кобзева, Л.Н. Синельникова, И.А. Стернин, О.В. Степанищенко, М.П. Чуриков и др.) продемонстрировал, что ценностью для политиков считается все то, что имеет определенную значимость или какой-то личностный смысл. Одна из важнейших

задач при разборе межкультурной коммуникации, базирующейся на ценностных основаниях культур России и США, состоит в определении национальной системы ценностей, которая представлена в культуре стран. Понятие «ценность» формируется в человеческом сознании через сравнения разных предметов и явлений действительности в отличие от норм, которым следуют граждане …..ценности подразумевают выбор личностью того или иного объекта, состояния, потребности, которые имеют для него более высокое предназначение». [48, с. 123]. Помогая человеку понять что такое хорошо и что такое плохо, справедливое и несправедливое, нравственное и безнравственное, ценности определяют и формируют отношение личности к природе, культуре, социуму, окружающие людей и человека с самим собой.

Т.М. Гуревич пишет, что «активизация межкультурных контактов, стремительное развитие процесса глобализации, сформировали впечатление полного взаимопонимания Запада и Востока. Однако это не более чем «технологическое взаимопонимание». На самом деле, в мире продолжают сосуществовать совершенно различные, в значительной мере обособленные культурные пространства со своими, не похожими на других основополагающими архетипами сознания, определяющими отношение к миру, роль личности и тип мышления. [172, с. 7]. К примеру, в американской культуре ценность межличностных отношений носит часто временный и поверхностный характер. Люди легко вступают в дружеские отношения и так же легко прерывают их. Межкультурная коммуникация американских политиков обусловлена ценностями американской культуры, предполагающей набор наиболее ярких, значимых, типологических черт американского этноса. Опираясь на выявленные Э. Холлом и Г. Хофстеде отличия американцев как представителей низкоконтекстной культуры от представителей высококонекстных культур, можно предположить, насколько сложно им осуществлять межкультурную коммуникацию. Например, в Китае или Японии человек, не согласный с мнением говорящего, молчит, так как невежливо возражать

открыто. Следовательно, в данных культурах молчание – скорее признак несогласия, чем согласие. В Американской политической культуре и большинстве европейских культур молчание, напротив, скорее говорит о согласии и единодушии в каком-либо вопросе. [160]. При межкультурном общении представители высококонтекстуальных культур считают низкоконтекстуалов агрессивными, наивными, нетерпеливыми и заносчивыми. Американцы полагают, что с политиками высококонтекстуальных культур сложно договориться, что они их не понимают, что они не уверены, не решительны, уклоняются от прямого ответа.

Важным фактором продуктивного межкультурного диалога-интервью является понимание участниками невербального поведения, уметь «читать» произвольность/непроизвольность «поведения тела» собеседника. Современный политик способен достичь своих целей, воздействуя на аудиторию, используя жесты, позы, которыми пользуются профессиональные тележурналисты, актеры и комментаторы. Имя данной науки – кинесика, автором разработки которой стал американский антрополог Рэй Бирдвистел, объединивший свои исследования с исследованиями других ученых. [19, с. 90-94]. Вывод исследований состоит в том, что значительная часть жестов (кинов) люди используют в конкретных ситуациях. Кины складываются в кинемы, как слова в предложении, которые могут служить замещением речевых сообщений – жестов, мимики, позы, взглядов. В Америке традиционно даже близкие друзья не обмениваются рукопожатием. Рукопожатие возможно при первом знакомстве или при прощании, потому что американцы не относят себя к контактным культурам. Здесь действует правило «Keep your hands to yourself» (держи руки при себе). Американским мужчинам в отдельных случаях позволительно друг друга похлопать по плечу в случае одобрения или при встрече. Важным элементом в культуре жестов принадлежит - улыбка. Улыбка как элемент мимики - культурно обусловлена социальным знаком-жестом, который выполняет определенные функции в ходе коммуникации. В каждой национальной культуре сложились свои правила использования жеста улыбки и собственный взгляд на

улыбку как феномену человеческой жизни, определяющему символическое значение. Иностранцы, посещающие Россию, удивляются тому, что русские часто напряжены, не улыбчивы, что расценивается как не радушие, не гостеприимство. Русские, путешествуя по Америке также могут удивляться тому, что в общественных местах им улыбаются незнакомые люди. В Америке – улыбка важная часть разговора и, встречаясь в общественных местах со взглядом незнакомых людей, американцы демонстрируют улыбку. Улыбка американцев демонстрирует доброжелательность, вежливость, иногда замену благодарности, а также собственное состояние – «Смотрите, я в полном порядке». Американцы улыбаются даже тогда, когда дела могут идти не очень хорошо. Для американцев улыбка – это норма поведения лица, поэтому Трамп часто улыбается, привлекая внимание. Хрестоматийный пример – экс-президент Рональд Рейган, в речи которого, по мнению экспертов, не было ничего оригинального, но его улыбки и визуальный контакт с аудиторией прекрасно соответствовали тем чувствам, которые выражали его слова. Вежливая улыбка прохожему в русской культуре, является, в большей степени, приглашение к более близкому знакомству. Но в случае, если улыбка адресована человеку другого пола, то она вызывает определенные эмоции, читается русскими как приглашение к знакомству. По мнению исследователей, чаще всего, улыбка русского человека обусловлена настроением, состоянием души, что замечено в поведении деревенских простых жителей или провинции. [133, с. 55-59]. Все это говорит о принадлежности русских к иной национальной культуре.

Анализируя жесты (кины) американских политиков, сложно не согласиться с мнением о том, что можно не поддерживать политику Дональда Трампа, но не замечать его как оратора, притягивающего к себе внимание толпы, нельзя. Трамп обладает выразительным языком тела, часто карикатурным, но ярким. Аналитик Жефф Бити в книге «Переосмысление языка тела» отмечает, что если ваше лицо передает эмоции, то люди начинают верить в то, что вы говорите, если даже вы несете бред. Исследователи микровыражений Трампа пытались найти расхождения

между его словами и языком тела, но не нашли разногласий. Вывод: Трамп действительно всецело верит в то, что говорит. Тот же Бити, долгое время наблюдавший за американским президентом, отметил, что у Трампа мощный язык тела, отшлифованный безупречными жестами просто до художественного уровня. Алан Стивенс, эксперт в области коммуникаций, в ходе интервью «Euronews» отметил, что Трампа от других кандидатов отличает активная жестикуляция в ходе беседы и выступлений. К примеру, если Билл Клинтон и Барак Обама имели привычку отходить от трибуны, чтобы быть ближе к людям, то Трамп всегда остается на месте, но энергично работает верхней частью тела, транслируя избирателям полное и уверенное ощущение власти и контроля, чем партнерства.

Известно, если оратор выступает с активной жестикуляцией, он лучше запоминается. Самый известный жест у Трампа по наблюдениям того же Ж. Бити – это «Ок» – складывание в кольцо указательного и большого пальцев, демонстрирующих точность и контроль. Американцам нравится этот жест у Трампа, так как он не только демонстрирует пристрастие тому, что сообщает, но и добавляет значение сказанному на подсознательном уровне. С целью сказать, что все плохо, Трамп начинает размахивать руками, но позже возвращается к четким жестам. Хорошо известен его жест «Trump – The OK+L»: после сомкнутых пальцев следом он демонстрирует букву L, вытягивая большой и указательный пальцы. Данная фигурация означает переход к следующей части выступления. Профессор А. Стивенс, проанализировав прошлых американских политиков, не вспомнил тех, кто бы использовал так активно подобные жесты. Часто политики используют жест кулака, но покрытый большим пальцем, что использовал Б. Обама, заменив его на более агрессивный поднятый вверх указательный палец, но это не относится к Трампу. Трамп часто и намеренно использует поднятый указательный палец («указующий перст»), как бы показывая силу президента и то, что он готов и будет управлять людьми. Данный жест вытянутого указательного пальца профессор

наблюдал у Х. Клинтон, но он больше смотрелся как коготь, похожий на коготь ведьмы, менее располагающий к себе аудиторию.

Об открытости американских политиков свидетельствует жест с открытыми ладонями, что часто использует Трамп. Он открыт, расслаблен, доволен собой, он не чувствует напряжения в теле, поэтому руки его широко разведены в сторону. То есть Трамп всю территорию считает своей. Битти говорит, что раскрытые ладони Трампа говорят следующее: «Смотрите, я честный», но существует множество примеров, когда данный жест сопровождал и довольно негативную информацию. Среди движений тела Трампа выделяют его жест, когда он обеими руками как бы говорит: «Оставайтесь на месте», руки расположены близко друг к другу и движением вперед толкают нас на воображаемую стену. Тем самым он напоминает о двух важных пунктах своей избирательной программы – строительство стены на границе с Мексикой и запрет на въезд мусульманам в США. [121]. Президент часто демонстрирует наклон корпуса вперед, почти в заискивающем реверансе, что может означать, по мнению психолога Светланы Филатовой, либо неуверенность, либо растерянность. Но может быть и иное прочтение – Трамп просто хочет понравиться публике. Не стоит сомневаться в том, что в США на высоком уровне находится имеджмейкерство, обслуживающее, в том числе, политическую элиту. Поэтому Трамп часто использует открытые жесты, располагающие и притягивающие к себе аудиторию. Известно, что в Нью-Йорке, где родился Трамп, принято в ходе беседы активно размахивать руками. Но в случае с Трампом жестикуляция – не просто дань американской культуре и традициям, но и соответствие американской культуре поведения. Каждый поворот тела, каждое движение, каждый взгляд имеют огромное значение для американской культуры и поведения американцев.

Особенности политического интервью русских политиков также обусловлены историей народа, его культурой, собственным набором ценностей. По мнению Ф. М. Достоевского, обстоятельства мирного общежития многочисленных этносов, религий на территории России способствовали формированию национальной

снисходительности и «всемирной отзывчивости» русских. Терпеливость дала возможность выжить в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы. Формированию терпеливости способствовали также бесконечные войны, потрясения, тяготы жизни в условиях 250-летнего татаро-монгольского ига. Жизнь в суровых условиях требовала от русского человека объединения в коллективы, в артели, в общины. Отсюда – счастье, благополучие общины, интересы государства часто ставились выше личного счастья отдельного человека. Постоянная внешняя угроза, нападки противников формировали в русском человеке такие ценности, как стойкость, героизм и жертвенность. Вследствие долгого совместного проживания с другими этносами очевидная ценность русских – толерантное отношение к общинам иной веры. Русская ментальность делает русских, с одной стороны, щедрыми и гостеприимными, толерантными и милосердными, но одновременно склонными к риску и роскоши, желающими славу и несогласными с любыми ограничениями, правилами и законами. Русская культура сформировалась на огромном пространстве Восточно-Европейской равнины, что обусловило непрерывное влияние географического фактора на развитие ее культурных элементов. От Византии Русь взяла духовные традиции, от скандинавской цивилизации – политическую и военную культуру, родословную Рюриковичей. Но полного слияния этих двух культур не произошло, что подтверждает тезис Холла о ее принадлежности как к высококонтекстной, так и к низкоконтекстной культурам, определяющим ее противоречивость во взглядах и на Запад, и на Восток. Николай Бердяев писал, что «Россия может осознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада». [51, с. 12]. Это объясняется и географически, и исторически, так как Россия сочетает в себе и то и другое, но противоречие в том, что, с одной стороны, Восток в виде России соединяется с Западом, а с другой – они расходятся. Для Запада значимо социальное положение, статус, на Востоке – родственные связи, общность, коллективизм, потом – отдельный индивид. На Западе же, на первом месте индивид, только потом – группа, коллектив.

Особенности русской культуры, национального поведения отражаются и в жемтах, поведениях русских политиков – сдержанность в движениях, скромность, негромкий голос. Мы обратились к материалам известного ученого М. В. Виноградова, комментировавшего поведение В. Путина в ходе «Прямой линии» (2017 г.). Начало интервью: в кадре напряженное лицо президента, передающее ответственность и соредоточенность, так как предстоит непростой диалог со страной. Однако напряженное лицо быстро сменяется легкой улыбкой, когда ему приходится доказывать очевидное или отвечать на провоцирующие вопросы. Поза Путина характеризуется как поза человека, готового к обороне, так как прямой эфир всегда предполагает любые вопросы, в том числе провокационные. Путин редко жестикулирует, но использует характерный жест, который психологи называют «указующий перст». Известно, использование «указующего перста» предполагает стремление политика убедить не только аудиторию, но и возможно и самого себя. Оценка западными аналитиками (Сара Вагенкнехт, Алекс Джонс, Эд Кан) В Путина: активные занятия спортом (восьмой дан по карате, хоккей, верховая езда) способствовали, с одной стороны, научиться быть расслабленным «в кадре», с другой – хорошо владеть эмоциями, которые находятся в глубине, а не на поверхности; Путин обладает превосходными когнитивными навыками, способный принимать решения быстро, основываясь на обширной информации и данных. Анализируя международные саммиты и форумы, можно наблюдать, как многие участники используют позу «перекрещивание ног» или «нога на ногу», что является признаком негативного или оборонного отношения человека к оппонентам. Этот жест часто используется европейцами для «выражения сдержанной, защитной позиции». Путин никогда не использовал данный жест.

Если проанализировать мимику, движение и жесты В. Путина в ходе Послания к Федеральному собранию, то можно заметить, что Путин не почти не жестикулировал, был сдержан, иногда облакачивался то левой, то правой рукой на

кафедру, иногда – на обе руки, что свидетельствовало о том, что он тщательно подготовился и полностью контролировал ситуацию.

Многие аналитики, в том числе западные, отметили хорошо отработанную и продуманную речь, что предполагало собранность президента уже вначале выступления. Его выход на сцену был встречен аплодисментами, которые Путин прервал кротким «спасибо» и легким движением руки успокоил зал. В первой части Путин использовал риторические вопросы, разводя при этом ладони в сторону, стараясь быть открытым, призывая аудиторию к рассуждению. В ходе выступления, особенно во второй части, Путин использовал формулировки об исторической правде и справедливости в области отношений «Россия – Запад», делая при этом характерное выражение лица, которое сочетало в себе твердость и упорство, иногда раздражение. Путин особо подчеркнул, что к России должны прислушиваться. «С нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. Послушайте сейчас». Для подобных эмоций характерны сведенные брови, которые иногда подчеркивают чувство недовольства. Говоря о международном праве, Путин часто делает характерный жест правой рукой, будто бы что-то отталкивая от себя. Поскольку это происходит одновременно с произнесением слов, можно сказать, что движение наглядно демонстрирует его позицию.

Несмотря на жесткую полемику между США и Россией, часто непримиримую, личные встречи двух президентов, как отмечают эксперты по невербальной коммуникации (Даррен Стэнтон), демонстрируют определенное взаиморасположение. Свидетельством может служить невербальная коммуникация двух президентов на полях саммита G20 – 2017 в Гамбурге. Рукопожатие. Рукопожатие – важный элемент невербальной коммуникации. Фото (См. Приложение 15) демонстрируют горизонтальную ладонь Трампа, обращенную вверх, называемая «супинатор». Смысл данного рукопожатия – дружеское расположение к собеседнику и проявление уважения. Аналитики предполагали, что произойдет, если Трамп захочет в своей привычной манере потянуть руку Путина на

себя. При рукопожатии Трамп далеко вытянул руку (для рукопожатия), демонстрируя то, что он «как бы нуждается в поддержке, призывая на помощь». После рукопожатия Д. Трамп похлопал Путина по предплечью, что может означать и дружеское расположение, и демонстрацию силы одновременно. Все зависит от силы данного похлопывания, о чем можно только догадываться. Но судя по тому, что Путин продолжал улыбаться, скорее данный жест можно отнести к первому значению.

Подтверждая исключительность американской нации, Дональд Трамп и здесь хотел казаться главным: сложив руки ромбиком, который именуется «шпилем», передавал уверенность и превосходство. В. Путин сидел в обычной позе (с широко расставленными ногами), читаемой как классическая властная поза. Известно, что это была первая встреча двух президентов. Однако вместо запланированного часа, главы государств провели в диалоге более двух часов, что беспрецедентно для подобно рода контактов в рамках крупного международного мероприятия. (РИА Новости https://ria.ru/accents/20170708/1498114965.html). Наряду с жестами, позами и рукопожатиями можно отдельно подчеркнуть темп и звук речи носителей разных языков. Тоны в языках представителей русской и американской культур также различны. Американцы говорят громче, причем тон и громкость американцев не зависит от характера их отношений с собеседниками. [288, с. 367].

Итак, кинесика репрезентирует совокупность телодвижений, жестов, поз, мимики лица, которые используются в ходе простого общения и межкультурной коммуникации. Изучение особенностей кинетического поведения русских и американских политиков позволяет получить важную дополнительную информацию, а также способствует взаимопониманию.

Анализируя язык тела политиков, нельзя его интерпретировать вне зависимости от произнесенных слов. Часто язык политиков идет в сочетании со словами или их опровергает. С. Г. Тер-Минасова называет язык зеркалом культуры, поскольку «он отображает реальность и творит собственное миропонимание, специфичное и

оригинальное для каждого этноса, национального языка, отдельной этнической группы, которые используют язык как средство коммуникации». [130, с. 27]. Действительно, язык отражает комплекс ценностей народа: его обычаи, традиции, понимание окружающего мира. В народных пословицах, поговорках, в фольклоре, в литературе, устной и письменной речи язык хранит культурные и духовные ценности своего этноса. Язык является транслятором и носителем культуры из поколения в поколение, через него передаются вековые и современные достижения национальной культуры. Язык не может существовать вне культуры, овладевая которым, его представители впитывают совокупный культурный опыт предшествующих поколений. А. И. Субетто отмечает, что «язык – явление сложное по своей внутренней организации, по организации смыслов, равное сложности внутреннего мира народа, который говорит на этом языке». [126, с. 88]. В данном контексте можно говорить о языке и как о главной ценности существования народа, и как о своеобразном вербальном, «словесном геноме народа и человека, носителе системогенетики культуры» (А. И. Суббето) и в целом социальной организации жизни народа. Язык несет в себе концентрированную (свернутую) социокультурную, историческую, ландшафтно-географическую, духовно-ценностную и нравственную память нации.

Анализ ценностных особенностей языка политического интервью, для его лучшего понимания участниками коммуникации важно помнить, что язык представляет собой многоцветие окружающего поликультурного мира с собственными миропониманием и мироощущением. Для каждого участника политического интервью ценность представляет свой собственный язык, который способствует наиболее полному самораскрытию. Ценностные особенности языка политического интервью, используемые политиками выразительных средств выявляют определенный характер межкультурной коммуникации.

Итак, межкультурная коммуникация России и США в ходе политического интервью обусловлена разными, наиболее устойчивыми ценностными основаниями и

ориентациями, характерными для американской и российской культур. Эффективность межкультурной коммуникации возможна при устремленности каждого из политиков к пониманию, равенству друг перед другом, осознанием уникальности каждого участника информационного обмена. Характер межкультурного диалога особенно важен сегодня в рамках политического дискурса, так как, благодаря информатизации, в политический процесс вовлекаются многочисленные этнокультурные сообщества и культуры. Перспективным направлением в исследовании межкультурной коммуникации в ходе политического интервью может стать проблема построения модели новых ориентиров межкультурных взаимоотношений, при которых политик, представляющий любую культуру, выступает как равноправный партнёр. Межкультурный диалог между политиками имеет право быть результативным, если помнить, что у истоков всех культур, межкультурных взаимодействий стоит общий источник – человек. Политики могут найти способ межкультурного взаимодействия, если политическое интервью будет основываться на взаимоуважении, признании каждой стороной общечеловеческих ценностей и равноправии наций.

Выводы по Главе 1

Итак, политическое интервью, пройдя эволюцию, сыграло важную роль в составлении официального политического документа. Особенность официальных политических интервью в том, что они отражают не просто индивидуальное мнение, а точку зрения официальной власти, политической партии или политического движения. Исследование генезиса политического интервью продемонстрировало необходимость дальнейшего поиска и дополнения достоверных, научно обоснованных знаний о сущности и содержании политического интервью,

культурологические особенности речевого поведения политиков, участвующих в диалоге и использующих в ходе интервью особенности языка в той или иной сфере межкультурной коммуникации, а также его драматургии, типов и структуры.

Эффективность межкультурной коммуникации возможна при устремленности каждого из политиков к пониманию, равенству друг перед другом, осознанием уникальности каждого участника информационного обмена. Политики могут найти способ межкультурного взаимодействия, если политическое интервью будет основываться на взаимоуважении, признании каждой стороной общечеловеческих ценностей и равноправии наций.

Драматургия постановки политического интервью так же, как и постановка драматического спектакля - итог кропотливой трудоемкой работы сотрудников СМИ и политических деятелей, являясь следствием коллективного ума профессионалов, имея идентичные требования к постановке спектакля.

В условиях речевого взаимодействия ценностные смыслы образуют определенное пространство через интеграцию, представляющая комбинирование различных элементов, принадлежащих к разным областям знания, необходимых для реализации речевой направленности. Результативность политического интервью зависит, насколько политик обладает грамотной устной (письменной) речью, приемами речевого воздействия, силой убеждения.

Глава 2. Культурные основы прагматических коммуникативных стратегий в политическом интервью России и США

2.1. Культурные спектры речевых стратегий и тактик политического интервью политиков на примере России

Выбор речевых стратегий и тактик диалогового взаимодействия в ходе политического интервью всегда неразрывно связан с личностью политика, особенностями его культуры, способностью правильно оценивать речевую ситуацию, готовностью при необходимости изменять ранее намеченный план речевого взаимодействия, адекватно использовать различные приемы аргументации, убеждения, получения информации.

Главной особенностью русских является *глубокая вера*. Русский народ издавна жил по христианским законам, и вся русская культура во всех своих проявлениях опиралась на христианские законы. Духовная культура формировала образцы для повседневной бытовой жизни и культуры быта. Дома строились по образу и подобию храма, а «домострой» диктовал идеальную картину повседневной жизни человека. Церковь и государство были едиными понятиями, русский народ зависел от власти и трудился – в большей степени – во благо государства. Изчестно, что Холл отнес русскую культуру к высокому, и одновременно, к низкому контексту. В рамках того, что многие русские политики считают нормальным заниматься одновременно несколькими делами, то здесь их можно отнести, скорее к высококонтекстным культурам, что часто приводит к изменению планов, расписания. Но это не нравится западным партнерам, журналистам, планирующим интервью. Журналисты приводили в пример раннего Владимира Жириновского,

пригласившего к себе в офис журналистов и заставившего ждать несколько минут. А в ходе интервью Жириновский умудрялся отвечать на телефонные звонки, извинившись перед прессой, и подписывать документы у помощника. В связи с этим часть намеченных интервью оказывается на грани срыва. То же относится и к пониманию концепта «время» русскими политиками, чиновниками, суть которого в том, что опоздание на 15–20 минут часто является частью протокола и иногда даже не рассматривается как констатация значимости положения опоздавшего или наличия у него особого статуса. В полихронных культурах не рекомендуется начинать встречу журналиста и политика сразу с обсуждения деловой темы, что считается невежливым. Нормальным считается, когда обсуждение в интервью между русскими политками начинается с каких-то общих фраз, общего настроения или предварительного вопроса о том, насколько может расчитывать адресант. Национальная культура России обычно тяготеет к высокой степени избежания неопределенности, хотя исследователи отмечают, что для большинства молодых бизнесменов степень избежания неопределенности существенно снижается по мере развития предпринимательской деятельности России. То же самое можно наблюдать в российской политике, где уровень избегания неопределенности и рисков – очень высокий. Политики и первые лица государства стараются просчитывать все риски в политической деятельности и принимаемых решениях. В России, которую относят в большей степени к высококонтекстной культуре, делается больший упор на отношения, где используется компромисс, учитывается жизненный опыт и общественная жизнь.

В процессе составления интервью должны учитываться национально-культурные особенности собеседника для того, чтобы установить контакт, определить культурно обусловленную коммуникативную речевую стратегию и тактику ведения интервью. Знания особенностей культуры, менталитета актуальны в ситуации общения, способны устранить непонимание и предотвратить возможные конфликты в процессе коммуникации. Политический дискурс и проводимое в его

рамках политическое интервью в первую очередь реализует функцию борьбы за власть. Это находит отражение в речевых и коммуникативных действиях политиков, основой которых является стремление воздействовать на интеллектуальную и эмоциональную сферы адресата, а также побудить к совершению желаемых для адресанта действий. В политической коммуникации активно используется инструментальная функция языка, реализуемая с помощью речевых стратегий.

За рабочее определение термина «стратегия» мы берем дефиницию О. С. Иссерс, где «речевая стратегия – это совокупность речевых действий, направленных на достижение определенных коммуникативных целей, которая включает планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от условий общения и личностных особенностей коммуникантов, а также реализацию этого плана». [68, с. 57–59]. Основную задачу коммуникантов политического интервью с привлечением первых лиц государства, лидеров политических партий можно представить как выстраивание комплекса коммуникативных стратегий в области информационной политики по продвижению главных ценностей национальной культуры и интересов страны, ее идеологии с активным использованием различных методов, форм коммуникации и коммуникативных стратегий. Понимать специфику и особенности коммуникативных стратегий, используемых в политическом дискурсе, важно, потому что благодаря всеобщей глобализации значительно расширились межнациональные контакты; развивается политическая и антропоцентрическая лингвистика, которая делает акцент на проблеме межнационального общения, национальных языках, но более всего актуализировались межэтнические конфликты, требующие всеобщего урегулирования, что повышает важность исследований коммуникативных и речевых стратегий политического дискурса.

О.В. Мякотина пишет, что «имидж политического лидера представляет собой *мультикультурный символ,* синонимами которого выступают образ, роль, амплуа, типаж, репутация, прогнозируемое ожидание». [174, с. 17]. Согласно исследованиям О.В. Мякотиной, имидж политика активно моделируется с помощью современных

коммуникационных технологий, позволяющих представить комплекс свойств, вызывающих определенное отношение окружающих к лидеру. Коммуникативные стратегии и речевое поведение, используемые в ходе политического интервью, позволяют продвинуть имидж ряда отличительных черт, которые заметны в речевом поведении политика как представителя той или другой социальной группы, определяющего его коммуникативную индивидуальность, его национальные особенности и культурную специфику. Выбор интервьюируемым в ходе политического интервью определенных коммуникативных стратегий, технологий, речевого поведения должен основываться также и на тех особенностях, которые свойственны интервьюируемому (политику) как личности, как представителю определенной социальной группы и национальной общности. Все участники политического интервью ставят перед собой цель убедить адресата («перетащить» на свою сторону), вызвать в нем определенные действия, склонить к определенным поступкам. Принято считать, что наиболее активным участником интервью является сам интервьюер, который, планируя вопросы, ведет ход беседы, создает определенную атмосферу коммуникации. Вместе с тем интервьюируемый может смириться со своей ролью подчиненного, повиноваться, плыть по течению и следовать тому тону, который задал интервьюер. Но может, напротив, переломить ситуацию, взять инициативу в свои руки, направляя развитие диалога в определенном русле. Информация, полученная в процессе интервью, адресована не только коммуникантам, но и аудитории, наблюдающей за ходом процесса. Аудитория чаще всего не участвует непосредственно в ходе политического интервью, но это не снижает ее значимости как участника диалога, так как пожелания и социальный заказ аудитории, ее потребности, интересы всегда учитывает и тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Все перечисленное является основой построения политического интервью, которое должно строиться с позиции эффективного коммуникативного взаимодействия и правильного выбора коммуникантами типов речевой коммуникации. Если участниками интервью

избраны адекватные стратегии речевого поведения, то коммуникативное взаимодействие, согласно исследованию Е. А. Пустовара, определяются как «кооперативное», «партнерское», «дружеское», либо как «нейтральное»; если, речевые стратегии подобраны неправильно, то речевое поведение называется «конфликтным», «спорным», «конфронтационным», а его участников называют недоговороспособными. Во избежание конфронтации в ходе интервью политикам важно изучать и владеть определенными принципами и правилами речевого поведения. [105, с. 99].

Известно, что в ходе интервью каждому из участникам отводятся определенные роли, которые определяют часто и выбор коммуникативных, речевых стратегий. *Провокативная стратегия* в политическом интервью предполагает определенную коммуникативную провокацию, побуждение участников общения к действиям, которые описаны рядом авторов (О. С. Волкова, А. А. Левашкинка, М. В. Юрина) как «стратегия деструктивного поведения, целью которого является вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения. Стратегия провокации способствует ухудшению отношений и получает реализацию в интеракции дисгармоничного типа с применением «провокатором» не только типично агрессивных тактик коммуникативного поведения: возмущения, упрека, сообщения заведомо ложной информации, гипертрофированной демонстрации эмоций, но и позитивных, толерантных, тактик: похвалы, совета, извинения, заверения, восхищения, убеждения и др.». [195, с. 50–55]. Как пример политика, использующего *провокативные стратегии*, агрессивные тактики, можно привести лидера Либерально-Демократической Партии России В. Жириновского, использующего в ходе интервью и политического ток-шоу *агрессивные тактики*, сопровождая свою речь жестами, повышением тона голоса, криком, перебиванием оппонента. Попробуем с помощью рисунка показать место и позицию политического интервью в коммуникативном поле политического дискурса, где активно задействованы

политиками *коммуникативные речевые стратегии и тактики* в ходе политического интервью (Рис.1).

Рис. 1. Структурно-функциональная иерархическая модель демонстрации позиции политического интервью в коммуникативном поле политического дискурса

В. Жириновский использует разные стилистические приемы, тропы, синтаксические и стилистические фигуры, смысловые и ритмические паузы, речевые стратегии и тактики. Он первым ввел в устную публичную речь политика то, что считалось возможным только в бытовой разговорной речи и было абсолютно недопустимым в публичной речи политика: повышенную экспрессивность, фамильярность, элементы агрессии, характерные для бытовой ссоры». [37, с. 25]. Слова, часто употребляемые политиком, ставшие его визитными карточками:

«подонок», «однозначно», «негодяи», «мерзавцы», – формируют имидж Жириновского, способствуя его запоминанию.

Интервью грузинскому телеканалу «Region TV» «Жириновский о Грузии, ВТО и Японии», 30 марта, 2011 (Печать. РБК daily. 02.04.2011):

– Вы Курилы хотели? Вот и будете разбирать обломки всех ваших зданий. И сдохнете все 120 миллионов, если еще потребуете Курилы от нас! Так и все остальные.

– О своем будущем пусть думают. Тоже мне еще – грузинские вина, или какие-то там наблюдатели. А не хотите, чтобы забыли слово Грузия в мире?! И будет русско-турецкая граница!

Текст наполнен словами угрозы со стороны политика («*И сдохнете все 120 миллионов…»*), злой иронией («*Вы Курилы хотели?»*) и оскорблениями («*А не хотите, чтобы забыли слово Грузия в мире?! И будет русско-турецкая граница!»).* Или – «*Тоже мне еще – грузинские вина»* и т. д.

Ирина Левонтина пишет, что «оскорбление – это травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека. Русский язык очень «щепетилен» – он располагает богатейшими возможностями для описания разного рода моральных травм. Он проводит тонкие различия между обидой, оскорблением и унижением. Он отличает издевательство от глумления. Он тщательно классифицирует травматичные ситуации, которых следует избегать». [224, с. 56– 59].

В. Жириновский в интервью часто демонстрирует *воинственность* и *агрессивность* (1991 г. Интервью А. Невскому «600 секунд». Вечерний выпуск):

– А. Невский: *Как Вы видите решение вопросов национальной политики?*

– В. Жириновский: *Русский солдат еще будет мыть свои сапоги в Индийском океане!*

Ответ В. Жириновского о национальной политике и о границах РФ 1991 г. демонстрирует определенную воинственнсть и агрессию.

Следующая стратегия – *оборонительная стратегия коммуникативного поведения или встречного нападения.*

Оборонительная стратегия предполагает уклонение политика от конфронтации, попытку сглаживания «острых углов». Языковой чертой оборонительной коммуникативной стратегии является сдержанность речи, отсутствие категоричности интервьюируемого политика в собственных высказываниях, а также применение *тактики уклонения* от острых вопросов или не ответов на вопросы, которые им задают журналисты. Политику уклонения М. П. Чуриков понимает как «реакцию политика, которая сводится к избеганию прямого ответа на поставленный вопрос, отказ публично комментировать явления и факты, скрытие собственного мнения по какой-либо проблеме». [178, с. 12]. А. Н. Баранов в докторской диссертации опирается на концепцию иллокутивной структуры диалога, утверждая, что «стратегия уклонения в политическом интервью представляет собой речевой акт, при котором политик намеренно не обращает внимания на иллокутивное принуждение, заключенное в предыдущей реплике журналиста, целенаправленно не сообщает полную информацию». [8, с. 112]. Иллокутивная цель представляет собой смысл или цель определённого типа иллокуции, когда у просьбы и приказа одна цель – побудить слушающего что-то сделать (А. Н. Баранов). Другими словами, *стратегия уклонения* от ответа на вопрос в политическом интервью представляет собой реакцию на стимул – реплику журналиста, когда интервьюируемый политик игнорирует, не отвечает на иллокутивное принуждение ответить на вопрос со стороны интервьюера.

Ряд зарубежных (П. Булл и К. Мйер; Bull, Mayer. 1993 г.) и отечественных исследователей (Л. Б. Головаш, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, М. П. Чуриков, М. В. Юрина) указывает на многочисленные классификации выделенных параметров тактики уклонения. Все классификации и типы стратегии уклонения основываются на двух основных подходах – *коммуникативном и структурно-семантическом* (Bull, Mayer). Англичанами впервые были выделены типы стратегии уклонения

(неответы – non-replies), проанализировав тексты политических интервью лидеров политических партий в период предвыборной кампании в 1992 г. Первый параметр – политик игнорирует вопрос; второй – политик признает существование проблемы, но не отвечает на вопрос; третий – политик говорит о неуместности задаваемого вопроса; четвертый – политик не отвечает на вопрос по причине неспособности дать ответ, невозможности говорить за другого (расписываясь в некомпетентности) или несвоевременности вопроса; пятый – политик полностью сосредоточен на своей политической деятельности; шестой – политик дает ответ, но не полный; седьмой – политик повторяет ответ на предыдущий вопрос; восьмой – политик заявляет, что журналист не понял предыдущий ответ. Выявленный в 1993 г. англичанами ряд параметров (8 тактик) стратегии уклонения и сформулированные позже отечественными учеными параметры данной тактики продемонстрировали, что все последующие разрабатываемые субтактики и приемы в точности или отчасти повторяют предыдущие (английские разработки). Так, используя коммуникативный подход, Л. Б. Головаш (2008 г.) разработал свои приемы тактики уклонения, основываясь на английском материале, несколько их усовершенствовав и дополнив (повтор и переспрос; задержка ответа; обобщение вопросов; поддакивание и т. д.) – всего 10 приемов. М. П. Чуриков (2005 г.) представил семь приемов стратегии уклонения (политик признается в некомпетентности, избегает комментирования и т. д.). Польский филолог Д. Галасинский (1996 г.) в рамках структурно-семантического подхода сформулировал три способа стратегии уклонения. Среди них: *политик намеренно изменяет контекст вопроса, политик меняет суть (ядро) вопроса и политик одновременно меняет и контекст, и суть вопроса.*

На сегодняшний день в практике российского политического интервью устойчиво присутствуют 5 приемов тактики уклонения: первые две тактики имеют имплицитный характер (неявный, скрытый), а три – эксплицитный характер (явный, открыто выраженный). При эксплицитном уклонении интервьюируемый явно в более жесткой форме говорит о своем отказе от сотрудничества с интервьюером.

При имплицитном уклонении отказ от сотрудничества слабо выражен, завуалирован, говорящий скрывает свое нежелание дать ответ на вопрос. В этом случае речь политика длится достаточно долго, пространно, и внешне может создаваться впечатление о некотором желании сотрудничать с журналистом. Говоря словами Е. И. Шейгал: «политики умеют сказать много и при этом не сказать ничего». [147, с. 99].

Приведем пример стратегии уклонения или оборонительной стратегии в ходе политического интервью известного московского журналиста Алексея Дорохова с губернатором Тверской области Дмитрием Зелениным (Радио «Говорит Москва». 2010. 18 августа. Печать. «Московский комсомолец». № 24. 2010 г.). Уклонение от ответа в русском языке (на материале политического интервью). В данном интервью журналист настойчиво спрашивает губернатора о том, были ли готовы власти к тушению пожара и были ли волонтеры-участники не готовы к такому действу? В течении часа губернатор отвечал на многие вопросы, говорил обо всем, но так и не ответил, уклонился от вопроса о том, участвовали ли волонтеры в пожаре, которые к этому не были готовы (возраст волонтеров, их обмундирование, подсобные средства и т. д.). *(Радио «Говорит Москва». 2010. 18 августа).*

Текст интервью с губернатором продемонстрировал применение *тактики уклонения или полного игнорирования* части вопросов, которые ему были заданы журналистом. Когда журналист озвучивал сразу несколько вопросов, политик часто отвечал на тот, который ему больше понравился или был выгодным в данной ситуации, где он мог продемонстрировать перед аудиторией свою профессиональную компетентность. К примеру, Дмитрием Зелениным был проигнорирован вопрос о том, что, несмотря на определенную готовность к ЧС Тверской области, в тушении пожаров принимало участие большое количество волонтеров. Не выгодно губернатору признаваться в том, что он не обладает должным количеством профессиональных служащих, что пожары приходится тушить людям, далеким от данной проблемы. Кроме этого, участие волонтеров

всегда может привести к несчастным случаям на пожаре ввиду неподготовленности, что понизит рейтинг в глазах электората и общественности. В силу данных причин губернатор уклонился от вопроса об участии волонтерской группы в тушении пожаров.

Следующая стратегия в перечне, представленном М. В. Юриной, *протекционистская стратегия*, используемая журналистами с целью «представить своего собеседника в положительном свете, … высоко оценивает его личностные качества, что проявляется в коммуникативных ходах похвалы и комплимента. Характерными для данной стратегии являются вопросы о мнении и вопросы, побуждающие к саморефлексии, дающие интервьюируемому широкое пространство для рассуждений и возможность представить себя в самом выгодном свете… из различных типов вопросов наиболее продуктивны в рамках протекционистской стратегии мотивирующие и оценочные». [154, с. 9].

Пример использование известным журналистом Владимиром Соловьевым *протекционистской стратегии в ходе* интервью с президентом в 2015 г.: «Эксклюзивное интервью В. Путина В. Соловьеву». [Печать. Фрагменты интервью. «Российская газета». 2015].

– В. Соловьев: *Мы попытались бороться вместе с мировым сообществом, но мировое сообщество нас не хочет слышать. Мы находимся в Сирии… Каковы наши реальные цели нахождения в Сирии и каковы критерии успешности?*

– В. Путин: *Хочу подтвердить тот факт, который уже известен, – мы заранее предупредили своих партнеров и американских партнеров, особенно стран регионов о наших намерениях и о наших планах…. Но хочу обратить Ваше внимание на то, что нас ВООБЩЕ НИКТО И НИКОГДА при планировании или начале об операции подобного рода – не предупреждали. А мы это сделали! (*См. *Приложение 1).*

– В. Соловьев: *Из доброй воли.*

Текст данного интервью, используемые журналистом мотивирующие и оценочные вопросы к президенту, характеризуют президента как ответственного человека, действующего в рамках Международного права. В ответах президент подчеркнул силой повышения голоса – «*мы заранее предупредили своих партнеров и американских партнеров, особенно стран регионов о наших намерениях и о наших планах. Хочу обратить Ваше внимание на то, что нас ВООБЩЕ НИКТО И НИКОГДА при планировании или начале об операции подобного рода – не предупреждали. А мы это сделали!*», подчеркивая желание России сотрудничать с другими странами в решении международных проблем и ее договороспособности. Наряду с этим журналистом использовались и мотивирующие вопросы, нацеленные на желание приободрить собеседника и уверить его в своей правоте. Такими вопросами цели достигаются в случае, если отношения между собеседниками достаточно доверительные. Мотивирующие вопросы содержали скрытые и открытые комплименты в адрес президента. В данном интервью, на наш взгляд, содержался скрытый комплимент не только президенту, но и в целом политике России: «В. Путин:….. *А мы это сделали!* В. Соловьев: *Из доброй воли?* В. Путин: *Из доброй воли»,* что содержало комплимент в адрес действий президента в реализации международной политики и одобрение предпринятых им шагов в рамках борьбы с терроризмом на территории Сирии.

Стратегия самопрезентации

Известно, что среди целей участников интервью в процессе коммуникации, присутствуют цель и желание произвести впечатление на собеседника. Для реализации данной цели используется тактика *самопрезентации или саморекламы*, которая представляет собой определенную саморекламу, презентацию лучших своих качеств и черт характера, поступков и социально значимых акций. Тактика

саморекламы, самропрезентации основывается на желании политика представить себя в самом выгодном свете, описав свои личные качества, достоинства, таланты.

Прием сравнения строится так, что его собственные заслуги политика выглядели значительно весомее.

В. Жириновский: *«У Путина есть ученая степень, я – доктор наук. Путин – юрист, я – заслуженный юрист. Медведев преподавал в Петербургском университете, я – профессор, штатный профессор двух московских вузов, почетный доктор пяти университетов страны. У меня два, три ордена: Почета и два За заслуги. Где ордена Путина? Где ордена остальных? [Жириновский В. Предвыборные дебаты, Москва, 1 марта 2012 г. rt-russian.com]. Или* В. Путин: *...изучение английского для меня – это что-то вроде интеллектуальной физкультуры...» (с сайта* В. Путина*, «Личное»).*

В данном примере упоминаются оба сравниваемых предмета, при этом общий признак не упоминается. Использован сравнительный союз «вроде»? введенного с помощью предложного падежа.

Еще одна *стратегия* коммуникации речевого поведения в политическом интервью – *стратегия принятия нейтралитета,* которая реализуется участниками коммуникации в рамках политического интервью, в котором поднимается определенная проблема. В данном случае интервьюер ставит цель получить от политика авторитетного мнения или собственного комментария по поводу актуальной проблемы. Интервьюер должен придерживаться объективности в оценке тех или иных событий. Другими словами, политик должен выступить в роли эксперта по тому или другому вопросу. Данный тип интервью требует от всех коммуникантов использовать тактику нейтралитета. Нейтральная позиция политика имеет относительный характер, так как специфика политической коммуникации определяется постоянным стремлением интервьюируемого к самопрезентации, демонстрации собственной профессиональной компетентности в том или ином вопросе. Речь и выступление интервьюируемого политика занимают большое время

в интервью, в сравнении со временем, в ходе которого задает свои вопросы интервьюер, что часто приобретает очертания монологовой затяжной речи.

«Прямая линия с президентом» [RT (rt-russian.com/ RT на русском. *15 июня, 2017 г.*)].

Вопрос: *Хужир, остров Ольхон. Владимир Владимирович, отданные земли под заказник ужесточили экологические нормы и требования, в лес не пускают, на пастбища скотину не пускают, «Будем отстреливать вашу скотину», не позволяют пить чистую воду из Байкала, пьем со скважины без фильтрации. На острове нельзя строить дороги, паром всего один. Что делать?*

В. Путин: *Вы сказали, что очень ужесточили законы и нормы. Дело в том, что защита Байкала и его территорий связана, прежде всего, с международными нормами, международными обязательствами. Все должно быть в рамках разумного. Нельзя заставлять людей носить воду, когда рядом чистейшая пресная вода. Нужно будет вносить изменения в существующие Законы, которые позволили бы осуществлять полноправную хозяйственную деятельность вместе с Экологическими организациями. Наши обязательства перед международными структурами не должны пострадать. Обязательно будем делать это.*

Нейтральная позиция президента по поводу высказанных проблем, сложившихся на острое Ольхон, выражается в том, что, защищая права простых граждан острова, В. Путин занял «золотую середину», говоря, что нельзя вопрос решить простым решением – «Все разрешить» или «Все запретить». Он говорит о том, что важно разобраться в данном вопросе на законодательном уровне, внося изменения таким образом, чтобы стало жить лучше жителям Байкала, но в то же время не пострадала природа заповедника острова Ольхон, и подчеркивает: «Нужно будет вносить изменения в существующие Законы, которые позволили бы осуществлять полноправную хозяйственную деятельность вместе с Экологическими организациями». Подтверждая собственную компетентность в решении вопросов хозяйственной деятельности людей, не нарушая экологического вопроса, президент в

этом интервью «прямой линии» привел пример экологического загрязнения подмосковной Балашихи (территория мусорного полигона «Кучино»).

Итак, предпочтение политиком тех или иных стратегий речевых стратегий и тактик в ходе политического интервью зависит от формы и направленности вопроса со стороны интервьюирующего. Хотя вопрос задаётся в личной форме, по своему функциональному предназначению он моделирует позицию адресата, часто не совпадающую с позицией политика. Реплика политика имеет целью сопряжение позиций автора и адресата, которое достигается за счёт изменения позиции адресата. Выбор речевых стратегий и тактик диалогового взаимодействия в ходе политического интервью демонстрирует неразрывую связь с личностью политика, особенностями его национальной культуры, способностью правильно оценивать речевую ситуацию, готовность при необходимости изменять ранее намеченный план речевого взаимодействия, адекватно использовать различные приемы аргументации, убеждения, получения информации.

2.2. Коммуникативные стратегии и тактики в интервью американских политиков

Как было отмечено, выбор речевых стратегий и тактик в ходе политического интервью всегда неразрывно связаны с личностью политика, особенностями его национальной культуры. Особенности выбора речевых стратегий и тактик американскими политиками обусловлены особенностями американской культуры, предполагающими набор наиболее ярких, значимых, типологических черт этноса и нации.

Американское политическое интервью базируется на совокупности американских ценностей. В настоящей работе мы ссылаемся на данные, собранные

бывшим исполнительным директором Вашингтонского международного центра (Округ Колумбия США) Робертом Колсом. [158]. Роберт Колс вместе с сотрудниками составил список наиболее важных ценностей, которыми живут современные американцы. Формирование ценностей, мировоззрения американцев обусловлено их историей, культурой, географическим положением. Многие предки современных американцев бежали на континент, покидали родные места. Они бросали насиженное гнездо потому, что свобода совести, вероисповедания была для них дороже земных благ. Приспособление к суровым условиям, выживание и война с аборигенами закалили характер американцев, сделали их сильными, упрямыми, инициативными, вознесшимися над собственной судьбой. Поэтому первая ценность, на которую указывает Роберт Колс, – это *власть над обстоятельствами*, упрямство и целеустремленность. Американцы – не фаталисты, они не верят в судьбу, считая таких людей наивными и отсталыми. Самое страшное оскорбление для американца, если его назвали фаталистом, предполагающее то, что он ленивый, суеверный человек, не желающий работать над собой, своей судьбой, принимать на себя ответственность и быть инициативным с целью улучшения собственного положения. Данная ценность ярко проявляется в поведении американских политиков, в американской политике. Благодаря активности, инициативности американцев, США стали крупной супердержавой, первой экономикой мира с самыми мощным вооруженными силами. За год президентского правления Дональд Трамп увеличил рост ВВП и создал рабочие места.

Дональд Трамп: *«Мы вернем людям работу и достаток, своим трудом и своими руками мы отстроим нашу Америку заново».*

Итак, в Америке принято считать, что проблемы человека связаны не с судьбой или невезением, а с ленью, личным нежеланием устроить свою жизнь.

Вторая *ценность* – ***ценность перемен,*** для американцев – это хорошее явление, потому что оно несет развитие, усовершенствование, прогресс и надежду на улучшение собственного благосостояния. Убежденность американцев, трудолюбие и

сознание того, что каждый человек может многое преодолеть, помогли американцам достичь многого. *Отношение американцев ко времени и способности им управлять.* Для каждого американца время – ценность предельной важности. Авторство фразы – «Time is money» – принадлежит одному из первых президентов США Бенджамену Франклину (1706–1790), которая упоминается в его книге «Совет молодому купцу». Американцы, которых Холл отнес к низкоконтекстным культурам, заинтересованы в том, чтобы все намеченное исполнялось в срок, согласно заранее составленному плану. Выполнение намеченного в срок ценится американцами выше, чем межличностные отношения. Большинство американских политиков, деловые люди находятся как бы под контролем времени и часов, которые они носят на руках (часы являются одним из желанных подарков американцев). Американцы могут остановить любую оживленную беседу, чтобы успеть на деловую встречу. Язык американцев также насыщен временным фактором, подтверждая ценность времени: «время – деньги», время можно «экономить», «использовать», «тратить впустую», время можно «потерять» или «убить». В среде американцев считается невежливым опоздать на встречу, что требует предварительного звонка и объяснения. Ценить время – значит тратить его рационально, с пользой для себя, что будет способствовать успеху в жизни, в профессии. В языке американцев есть выражение – «отсроченное вознаграждение» (Deferred Gratification).

То есть американцы, подчеркивая важность времени, соблюдения определенного жесткого планирования, указывают, что его плодами можно насладиться в отсроченное время. Согласно Э. Холлу, США относится к *монохронным культурам,* где время воспринимается как линеарная система, наподобие длинной прямой улицы с четким расписанием событий. Монохромные американцы могут заниматься только одним видом деятельности, в отличие от русских политиков, они как бы закрываются от посторонних до тех пор, пока не выполнит намеченное, затем приступают к следующему делу. Кроме этого, монохромные люди не любят, когда их отвлекают от занятия. Следующая

американская ценность – *равенство и равноправие***.** Американцы говорят, что все люди были «созданы равными». Будучи достаточно религиозными, американцы утверждают, что Богу все равно, какой у тебя ум или социальный статус, все люди должны иметь равные возможность для саморазвития и достижения счастья. Равенство в американской философии – важная гражданская цель существования государства. Иностранцы, посетившие Америку, часто отмечают определенную пренебрежительность к своей персоне со стороны обслуживающего персонала (в гостиницах, магазинах, в такси), что объясняется тем, что американцы не чувствуют необходимость в проявлении особой почтительности к тем, у кого статус выше, чем у них. Равенство и равноправие объясняет и тот факт, что – по Герту Хофстеде – США относят к стране, где дистанция между властью и народом – ниже средней, что связано с отсутствием чинопочитания и подобострастия к власти.

Индивидуализм – одна из самых важных американских ценностей. Американский индивидуализм начал свое развитие в период западного Ренессанса, в конце XV в. Но наибольшее выражение индивидуализм в Соединенных Штатах получил в XX веке. Концепт «индивидуализм» предполагает, что каждый человек является уникальным, неповторимым, непохожим на других, а значит – особо ценным для общества. Американцы часто вступают в самые разные общественные группы и движения, однако при этом они все равно считают себя другими и уверены в том, что они уникальны. Индивидуализм в США рассматривается как лучшая черта американцев, способствующая процветанию и величию страны. В России же или Японии, Китае – индивидуализм будет, скорее всего, осужден и приравнен к эгоизму, так как в данных странах приветствуется коллективизм – делать все сообща. В американской культуре выделяется ценность – *«Помоги себе сам*». «Self-made man» – «Человек, сам себя сделавший» является идеалом в Америке XX столетия. В Соединенных Штатах достаточно высоко ценится то, что человек сделал сам. Американцы не придают особого значения принадлежности человека к богатой или бедной семье. Есть даже такое выражение в языке американцам – «случайность

рождения». Американцы больше будут гордиться тем, что родились в бедной семье, но благодаря собственным усилиям, устремлениям и труду, добились успехов в политике, профессии, искусстве, науке. Как доказательство концепции «Сотвори себя сам» можно привести английский словарь, в котором больше сотни слов с приставкой «само-»: самокритика, самообман, самозащита, самоотречение, самодисциплина, самооценка и т. д. Большинство слов не существует в других языках. Хорошо известна ценность американской культуры как *конкуренция и свободное предпринимательство.* Американцы утверждают, что конкуренция всегда ставит перед человеком проблемы и вынуждает каждого человека сделать все, что в его силах. Конкуренция наблюдается не только в политике, но и дома, в школе, даже среди самых юных американцев. Особенностью политической системы США является конкуренция между Демократической и Республиканской партиями, которые попеременно приходят к власти, конкурируя между собой. Многим иностранцам покажется странным принцип конкуренции между сотрудниками в компании, нежели принцип сотрудничества. Но, благодаря конкуренции, американцы смогли создать сильную экономическую систему свободного предпринимательства. Еще одна ценность американцев – *ориентация на будущее***.** Возлагая надежды на будущее, американцы уверены, что оно поможет им осознать и переоценить прошлое, поэтому они меньше осознают настоящее. Американцы говорят, что каким бы счастливым ни было настоящее, оно часто остается незамеченным, поэтому почти все силы направлены на реализацию планов в будущем, в отличие от традиционной мусульманской культуры, где обсуждение будущего и его планирование считается греховным. Если в странах высококонтексных культур характерна определенная формальность в отношениях между людьми, то для американцев свойственна – *непринужденность*. Американцы – один из самых неформальных и непринужденных народов в мире: чиновники, менеджеры часто просят своих подчиненных обращаться к ним по имени, испытывая определенную неловкость, если обращаются к ним «госпожа» или «господин». О

непринужденности в отношениях свидетельствует внешний вид, одежда американцев, которые в театр могут надеть обыкновенные, рваные джинсы, а традиционное приветствие «Как поживаете?» заменено на короткое «Привет!», что принято и при встрече с начальством. Известно, что во многих странах, имеющих высокий контекст, не приняты *прямота, открытость***,** что более характерно для американцев. Если в отдельных культурах, где в коммуникации между людьми приняты определенные подходы, ритуалы, гибкость, то в американской культуре принят прямой подход к делу, когда люди говорят неприятную правду прямо в лицо. В американском обществе принято прямо говорить о неприятных известиях, высказывать прямолинейно все, что они думают о тебе. Для американцев характерны также *прагматизм и практичность*. Обсуждая какие-либо важные вопросы, как правило, отдается предпочтение прагматизму, поскольку сами американцы замечают, что они не склонны к философии, размышлениям. Самые главные вопросы – Сколько это будет мне стоить? Насколько это выгодно? Что я от этого буду иметь? Прагматизм явно обнаруживается и в американской политике, когда лидерами Америки предпринимаются лишь те действия на международной арене, от которых ожидается материальная выгода. Вопросы экономического роста в политике США – первая тема. Прагматизма в американской политике, особенно с приходом Бушей и Дональда Трампа, стало еще больше. Совершенно закономерно следующей страной в фокусе Америки на вопрос «экспорта демократии» стала Венесуэла – как крупнейшего поставщика нефти на американский рынок.

Во второй половине XX столетия было проведено исследование основных культурных доминант американцев с помощью составленных интервью. Были поставлены главные исследовательские вопросы – каково отношение членов различных культур Америки к природе, времени, какова модальность человеческой активности, что из себя представляют межчеловеческие отношения и их характер. Ф. К. Клакхон и Ф. Стродбек в результате проведенного исследования пришли к выводу: существует тесная взаимосвязь между сформулированными культурными

ценностями и повседневным бытом, опытом граждан, которые каждый день выбирают определенные модели поведения чаще всего – автоматически. Вместе с тем ценностный подход также не был признан совершенным, поскольку учеными при изучении американцев не была учтена разница между ценностными доминантами общей национальной культуры и доминантами отдельно взятой личности. Потому что известно, что в «рамках даже одной культуры могут существовать различные субкультуры, имеющие собственные ценностные доминанты у отдельных групп населения». [47, с. 67]. Разработкой методики типологических моделей социального поведения американских граждан активно занимались М. Мид и Р. Бенедикт: обычные ценностные установки, система ценностей, верований, которые принимаются и поощряются в обществе. Именно концепция и методики изучения национального характера М. Мид и Р. Бенедикт были признаны достаточно объективными и правдоподобными. Главный недостаток данной теории, раскрывающей национальный характер, – это отсутствие вопросов об участии и вкладе каждой отдельной личности в общую национальную культуру.

Таким образом, национальный характер, ментальность американскими учеными был определен как «культурная универсалия, фиксирующая специфику культурных различий между гражданами» (М. Мид и Р. Бенедикт).

Прямота и негибкость американцев как черты национальной культуры часто приводят к конфликтным ситуациям в политике, не отвечают гибкости дипломатического искусства. *Тактика оскорбл*ения довольно часто употребляется как в российских, так и в американских СМИ, цель которой – обвинить и унизить противника с использованием высоко эмоционального компонента вместо предоставления аргументов, фактов и доказательств.

Приведем пример *тактики оскорбления* в ходе ведения политического интервью, данное главным ястребом США Джоном Маккейном – «Скандальное интервью Джона Маккейна о Путине и Трампе / американский сенатор в авторской

программе Жанны Немцовой «Интервью». 16 января 2017 г. (Печать. «Аргументы и факты». № 11. 17.01.2017).

– Журналист: *Избранный президент провел первую конференцию после выборов и на ней впервые открыто признал, что за хакерскими атаками во время предвыборной кампании стоит Россия. Как Вы думаете, каким должен быть ответ американской стороны?*

– Дж. Маккейн: *Мне было очень приятно слышать это признание. Он правильно ответил, что и другие страны занимаются подобным, но я рад, что Трамп признал, что русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет. (Приложение 2).*

В тексте используется коммуникантами *злая ирония («Мне было очень приятно слышать это признание»),* оскорбления *(«Владимир Пути – убийца, бандит и продукт КГБ, который старается использовать любую ситуацию в свою пользу»),* лживые утверждения *(«русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет»).*

Тактика саморекламы основывается на желании политика представить себя в самом выгодном свете, описав свои личные качества, достоинства, таланты.

Тактику *саморпрезентации* активно использует президент США Дональд Трамп. Самые яркие его высказывания из интервью с использованием тактики самопрезентации.

Дональд Трамп: *«Главное различие между мной и прочими кандидатами заключается в том, что я честнее, а мои женщины красивее», «Каждый, кто думает, что мое время уже прошло, трагически ошибается», «Часть моей привлекательности заключается в том, что я богат», «Я занимаюсь бизнесом как искусством. Кто-то рисует на холсте или пишет стихи. А я заключаю сделки – как правило, большие», «Да, я намерен построить на границе с Мексикой огромную стену. А поскольку никто не умеет строить стены лучше и эффективнее, чем Я, Я*

построю ее дешево. И Я сделаю так, что Мексика сама заплатит за эту стену. Попомните мои слова».

Если обратиться к последнему немногословному высказыванию Трампа, то мы зафиксируем четыре «Я», демонстрирующих самовосхваление и саморекламу американского президента. [Last modified on Sunday, http://last-modified.com/ru/ 16 July 2017].

Провокативная стратегия в политическом интервью предполагает определенную коммуникативную провокацию, побуждение участников общения к действиям, которая описанная рядом авторов (О. С. Волкова, А. А. Левашкинка, М. В. Юрина) как «стратегия деструктивного поведения, целью которого является вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения. Стратегия провокации способствует ухудшению отношений и получает реализацию в интеракции дисгармоничного типа с применением «провокатором» не только типично агрессивных тактик коммуникативного поведения – возмущения, упрека, сообщения заведомо ложной информации, гипертрофированной демонстрации эмоций, но и позитивных, толерантных, тактик – похвалы, совета, извинения, заверения, восхищения, убеждения и др.». [195, с. 50–55].

Итак, американская культура, обладающая определенными традициями, имеет ряд культурных ценностей: индивидуализм, время и ориентация на будущее, практичность, прямота и открытость, прогрессивность, конкуренция, целеустремленность, равенство, прагматизм и практичность. Американскую политическую культуру, которая напрямую связана с национальным характером, отличают: прямая, выразительная, краткая манера речи, недоверие к молчанию; невербальное общение менее значимо, чем вербальное; все должно быть выражено словами, всему дана ясная оценка; конфликт рассматривается позитивно – конфликт созидателен; иногда допустимо открытое выражение недовольства.

Анализируя культурные особенности коммуникативных стратегий и тактик

речевого поведения политиков на примере России и США, мы пришли к мысли о том, что достаточно сложно выявить общенациональные черты американских политиков как совокупности свойств личности, которые будут подходить всем или большинству американских политиков. Но наряду с этим, мы солидарны с учеными, признающими тот факт, что в национальной культуре все же формируются некоторые общие этнокультурные стереотипы, являющиеся образцами, ориентирующими современных политиков на то, как вести себя в тех или иных ситуациях.

Один из образцов эффективной деятельности политиков и России и США это сформированная культура убеждения, незаисимо от принадлежности к той или иной культуре. Культура убеждения обусловлена выбором политиков речевых тактик и стратегий, а также фигурных тропов, учет ими прагматического влияния эмоций и оценки на партнера по межкультурной коммуникации, чему будет посвящен следующий параграф.

2.3. Культура убеждения в стратегии персуазивности ораторского искусства политика

Известно, что политику важно обладать *культурой убеждения*, уметь влиять на аудиторию с помощью устного или письменного сообщения, используя различные способы словесного воздействия. В современной научной литературе культура убеждения именуется как «пересуазивность», ставшая достаточно распространенным лингвистическим термином, смысл которого трактуется как «убеждение, влияние говорящего устного или письменного сообщения на адресанта с целью словесного воздействия на него» (О. Н. Лагута), мотивировать к выполнению или невыполнению определённых действий. Понятие персуазивности

появилось в античные времена. Сам термин «персуазивность» произошел от латинского persudeo (-sus, -susum, -re), что в переводе означает – *убеждать, уверять, побуждать, склонять, уговаривать.* Для античного оратора было очень важным владеть риторикой, уметь убеждать, склонять слушателей к своей точке зрения, к принятию выгодной для оратора позиции, что не потеряло актуальности и для современных политических деятелей. Вместе с тем научный интерес к этой категории ученые стали проявлять лишь в середине XX века, толчком чего стало развитие психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, политической лингвистики. Раньше к формулированию персуазивности, персуазивного эффекта пришли американские и немецкие ученые уже в 1990-е гг. (Эрвин П. Бэттингаус, Фрэнк Смит, Норберт Гроэбен), определившие персуазивность (Persuasion) как устоявшееся понятие – «уговаривание, склонение к определенному мнению».

Понятие персуазивности тесно связано с такими понятиями, как «манипуляция» и «аргументация», но в то же время не тождественно им. Отличия в представленных понятиях связаны с фактами, которые использует адресант и степень воздействия на эмоциональную сферу адресата. Если способ манипуляции чаще опирается на существующие стереотипы, на воображение адресата, его способность к построению в сознании образов, представлений, то аргументация ориентирована – в большей степени – на интеллектуальное воздействие, основанное на логике и умозаключениях. В практике политического дискурса стратегия персуазивного поведения используется и манипуляция, и как аргументация: говорящий, с одной стороны, опирается на факты и аргументы, но оформляет и излагает свои мысли, используя эмоционально-оценочные средства. В результате аудитория подвергается двойственному, более результативному влиянию со стороны адресата.

Модальность – важная сторона культуры убеждения, действенный инструмент воздействия на аудиторию. Основными концептами, которые используются коммуникантами в русском и американском политическом дискурсе являются:

«воля» – volition, «долг» – obligation, «способность» – ability, «необходимость» – necessity, «prediction» – предсказание. Реже: «возможность» – possibility, «вероятность» – probability. Концепты «воля» и «долг» соединяются с базовым концептом политического дискурса «власть».

Коммуникативные речевые стратегии нами рассматриваются как прагматические величины, используемые участниками коммуникации с определенными целями и в определенной ситуации Авторы концепции «речевого акта» (Дж. Остин, Дж. Серль) утверждали, что главной единицей коммуникации является не само предложение, а свершение определенного акта или действия через *комплимент, благодарность, приказ, команду, распоряжение, поздравление, приветствие, пожелание, извинение, сожаление, оправдание* и т. д. и т. п. К.О. Клочко пишет, что «речевой акт представлен как трехуровневое образование, состоящее из *иллокуции, локуции и перлокуции*. *Первый уровень* – явление «локуции» в речевой коммуникации коррелируется с самим актом произнесения какого-либо высказывания. Примерами реализации локутивной силы может быть произнесение какого-либо предложения просто ради произнесения. В реальной речевой коммуникации речь говорящего тесно связана с придачей ему иллокутивной силы, *представляющей второй уровень*. *«Иллокутивная сила* представляет собой: а) иллокутивную цель (сообщение информации/ запрос информации), способ достижения этой цели (различные модусы высказываний-предложений), б) отношение адресата к пропозициональному содержанию высказывания (уверенность, сомнение или незнание)». [76, с. 56–59]. *Третий уровень* представляет собой *перлокутивный эффект*, обусловленный воздействием на того, кому адресуется сообщение. Ответные эмоциональные реакции помогают участникам коммуникации достичь *перлокутивного эффекта*.

Культура убеждения, проявляющаяся в способности влиять на аудиторию всегда обусловлена *эмотивностью и оценочностью*. Эмоции – важная составляющая коммуникации, которые могут как объединять, так и разъединять

участников, поэтому мы обращаемся к проблеме эмоционально-оценочного воздействия текстов интервью на аудиторию, признавая мнение В. Л. Кудашиной о том, что «категория эмотивности и оценки относятся к области прагматики, так как существует зависимость успешной реализации коммуникации от эмоциональных прагмалингвистических особенностей речи коммуникантов». [218, с. 57–58]. Здесь следует разграничить понятия «эмоциональность» и «эмотивность», ссылаясь на работы В. А. Масловой, утверждающей, что «любой текст является потенциально эмоциогенным, но не всякий текст является эмотивным, так как под этим термином подразумевается набор языковых средств, обеспечивающих эту характеристику, увеличивающих вероятность эмоционального воздействия текста и большую адекватность эмоциональной реакции реципиента намерениям автора». [228, с. 150–151]. Впервые термин «эмотивная прагматика» вводит В. И. Шаховский, определяя его как «фактор адресата, с точки зрения преднамеренного эмоционального воздействия на него и вызывания у него определенных эмоций». [145, с. 16]. Эмоциональное проявление участников коммуникации в рамках политического интервью помогает не только достичь поставленных целей беседы, но выразить свое субъективно оценочное отношение к ситуациям или явлениям, интересующим общественность, небезразличное отношение к реальной действительности.

Все изложенное подтверждает, что эмотивная прагматика играет главную роль в решении коммуникативных задач, предполагающих эффективное взаимодействие участников коммуникации и направлена на исполнение плана повлиять на собеседника, «перетащить» его на свою сторону.

Культура убеждения может иметь эффект воздействия на электорат при использовании политиками выразительных речевых тактик и стратегий, фигурных троп. К фигурам речи относят *метафору, просторечье, ирония, идиомы, сравнение, риторический вопрос и многое другое,* антитезе, парадокс, парафраз, градацию, восклицание, параллелизм, а также эпитет как яркое, образное выражение; сравнение, предполагающее сопоставление предметов или раскрытие одного

понятие через другое. Частое использование политиком в своей речи метафорических форм делает его более популярным и узнаваемым в народе. Например популярность В. В. Путина, В. В. Жириновского, Г. А. Зюганова, С. В. Лаврова во многом обеспечена их умением выражать свои мысли образно, прибегая к использованию различных метафор. Главное назначение политической метафоры – воздействие на аудиторию, формирование позитивного или негативного образа власти или оппонента. Следующий вид тропа – *просторечие.* Известно, что разговорный стиль речи ориентирован на непосредственное общение людей между собой, главная функция которого состоит в обмене информацией между коммуникантами. Данный стиль речи, в силу повышенной экспрессии, часто насыщен разнообразными тропами и элементами просторечия. Элементы просторечия – это слова, выражения, грамматические формы и конструкции, достаточно распространенные в нелитературной разговорной речи. Ученые отмечают, что просторечие характерно для малообразованных носителей языка, которые откровенно отклоняются от существующих литературных языковых норм (Л. Н. Баранникова, Д. А. Вовчок, К. А. Войлова, Е. А. Земская, В. В. Пирко, В. П. Филин, Ю. С. Сорокин, Т. В. Шмелева и др.).

Язык русских политиков является частью общей языковой культуры, который за долгие годы прошел существенные изменения. Л. Назаренко отмечает, что «современная языковая ситуация в России характеризуется экспансией субстандартных языковых единиц, которые проникают в традиционные сферы функционирования литературного языка, а именно в язык политических и общественных деятелей… современный российский политический язык отличается большой пестротой и отсутствием каких-либо явных ограничений. Согласимся с мнением Василием Васильевичем Химиком, что «в русском политическом дискурсе чаще всего мы сталкиваемся с *функционально-стилистическим просторечием***,** когда политик сознательно и преднамеренно использует субстандартные грубые, вульгарные единицы, непристойные слова и идиомы для выражения особой

экспрессии, упрощения речи, для негативной оценки и эпатирования собеседника. Сознательное использование грубой матерной и просторечной лексики, жаргонизмов – всем этим грешат речи современных политиков. Выступления и политическая речь М. С. Горбачева, Бориса Ельцина долго оставались объектом для юмористических скетчей». [137, с. 72]. Еще один вид литературного тропа – *ирония и сравнения в политическом дискурсе.* Раннее было подчеркнуто, что речь политиков часто насыщена экспрессивным характером, высокой эмоциональностью. Многие современные дебаты и ток-шоу постепенно утрачивают официальность и обстоятельность, перенасыщены шутками, провокациями с использованием ненормативной лексики. Вместе с тем остроумие, юмор, сарказм, умение вести диалог – главнейшие качества политика, позволяющие ему эффективно влиять на аудиторию. Ирония и юмор позволяют политикам дискредитировать своих оппонентов. Ирония, комические шутки, анекдоты имеют огромный воздействующий потенциал на слушателя. Данное обстоятельство объясняется тем, что шутливые сообщения легко воспринимаются даже слабо подготовленными слушателями, которые не способны часто глубоко переосмыслить политические проблемы. Наряду с этим шутки, анекдоты легко запоминаются, пересказываются, привлекают внимание и вызывают интерес к оратору. *Прием сравнения* используется политиками для характеристики образа героя как инструмент иронической критики оппонента. *Сравнение* – это троп, фигура речи, когда происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. Суть данного приема – выявить в объекте сравнения какие-то новые, значимые высказывания или свойства. Не менее популярными в речи политика стали *идиомы или фразеологические сращения.* Для нашего исследования такое понимание идиом важны, потому что они связаны своим происхождением с национальной традиционной культурой («Царь-батюшка», «Что хочу, то ворочу», «Наложить лапу»). Не менее употребляемым в речи политиков стало использование *риторического вопроса,* который делает речь более эмоциональной, привлекая

активное внимание аудитории. *Риторический вопрос* – средство выражения политиком эмоциональности, экспрессии в высказывании. Экспрессивный характер данного приема состоит в том, что, несмотря на то, что это выражено реальным вопросом, в интонационно-экспрессивном значении, он преподносится в утвердительной форме, когда выдвигается собственное мнение относительно какого-либо явления или субъекта. Другими словами, риторический вопрос задается говорящим с интонацией, не требующей ответа. Главным показателем экспрессивности является и тот факт, что в конце вопроса ставятся, кроме вопросительного, еще и восклицательный знак. Риторический вопрос не требует ответа, подтверждается сочетанием восклицания и вопросительного знака.

Анализ культуры убеждения, речевых коммуникативных тактик и стратегий, эмоциональности речи политиков в политическом интервью показал, что в основе использования данных категорий стоят процессы или методы воздействия, влияния на людей, их мнения, отношения в ходе речевого акта. Культура убеждения или персуазивность проявляется в умении политика влиять на аудиторию с помощью устных/письменных сообщений, используя различные способы словесного воздействия. Персуазивность трактуется как влияние адресанта на адресанта с целью мотивировать его к выполнению или невыполнению определённых действий.

Выводы по Главе 2

Выбор речевых стратегий и тактик диалогового взаимодействия в ходе политического интервью *всегда неразрывно связаны с личностью политика, особенностями его культуры,* способностью правильно оценивать речевую ситуацию, готовностью при необходимости изменять ранее намеченный план

речевого взаимодействия, адекватно использовать различные приемы аргументации, убеждения, получения информации.

В результате анализа культурных особенностей коммуникативных стратегий и тактик речевого поведения политиков на примере России и США мы пришли к мысли о том, что достаточно сложно выявить общенациональные черты американских политиков как совокупности свойств личности, которые будут подходить всем или большинству американских политиков. Но наряду с этим, в национальной культуре все же формируются некоторые общие этнокультурные стереотипы, являющиеся образцами, ориентирующие современных политиков определенной культуры на то, как вести себя в тех или иных ситуациях. Одним из образцов эффективной деятельности политиков является сформированная культура убеждения.

Подводя итог исследованию прагматического влияния эмоций и оценки на выбор коммуникативных стратегий политического интервью, мы пришли к выводу, что прагматическая ориентация речи политика обусловлена его стремлением достичь максимального эффекта. Стадия определения цели в политическом интервью присутствует всегда и требует от адресанта острой интуиции, хорошей проницательности для определения того, какие сведения ему нужны от интервьюируемого, как построить беседу, как использовать эмоции и оценку для ее достижения. Эмоционально-оценочное содержание речевой коммуникации политика осуществляется благодаря использованию разнообразных выразительных языковых средств. Эмоциональное проявление участников коммуникации в рамках политического интервью помогает не только достичь поставленных целей беседы, но выразить свое субъективно оценочное отношение к ситуациям или явлениям, интересующим общественность, небезразличное отношение к реальной действительности. Наравне с этим, эмоции способны непосредственно воздействовать на сознание собеседника, «парализуя» его активность и когнитивные процессы осознания полученной информации, что делает ее восприятие менее

критично и более одобрительно. Эмотивная прагматика, предполагающая эффективное взаимодействие участников коммуникации и направленная на исполнение плана повлиять на собеседника, «перетащить» его на свою сторону, играет главную роль в решении коммуникативных задач.

В ходе использования эмоциональных стратегий интервьюируемый способен встать на позицию адресанта (и наоборот), принять его установки и оценки. Поэтому для результативности коммуникации участники активно используют *прагматические речевые стратегии и тактики*, влияющие на эмоциональную сферу собеседника, стратегии, вызывающие сочувствие, эмпатию, симпатию к позиции говорящего, так как эмотивность коммуникативно включает прагматические цели говорящего и ориентирована на их практическую реализацию.

Глава 3. Национально-культурные маркеры речевых стратегий политического интервью России и США

3.1. Лингвокультурологические особенности речевых стратегий русского политического интервью

Исследование лингвокультурологических особенностей политических интервью России и США является необходимым, так как оно будет способствовать более глубокому пониманию моделей поведения политиков, относящихся к разным культурам. Т. М. Гуревич пишет, что «Интерес ученых к проблеме взаимоотношения языка и культуры привел в конце XX века к появлению новой науки – лингвокультурологии. Предметом внимания этой науки является взаимодействие языка и культуры, их единство, которое и представляет собой лингвокультуру». [172, с. 3].

Лингвокультурология – дисциплина, изучающая совокупность духовных, культурных ценностей и опыта языковой личности определенной национально-культурной общности. То есть, *лингвокультурологический подход в силу своей интегральности позволяет более четко, чем иные подходы, продемонстрировать язык и культуру в их взаимодействии, осознать единство языка и культуры.* В связи с широким пониманием текста политического интервью актуальной для нашего исследования стала проблема анализа текста интервью через культурные феномены американского и русского языков. В центре нашего внимания оказались национальные черты политика и степень влияния языка на мышление и поведение политиков в интерпретации языковых выразительных средств, при которых язык и культура рассматриваются как средство *означивания концептов* и создания собственной национальной картины мира (С. Г. Терминасова). Любое интервью

является, с одной стороны, самодостаточным объектом, объектом материальной культуры, с другой – связан тесными узами с личностью интервьюера, его культурой. Интервью политиков (особенно первых лиц государства) выполняют функцию коллективной культуры народа, осуществляют общение между аудиторией и культурными традициями. Существуют общие характерологические черты, присущие политическому дискурсу как политической коммуникации, в независимости от культурной принадлежности. К ним С. А. Кошкин относит: «отражение общественно-политических процессов, явления культуры, особенности менталитета, ценности той или иной социально значимой общности (населения, нации, класса, политической партии и др». [216, с. 78].

Политическое интервью как объект лингвокультурологического анализа имеет набор особенностей, обусловленных, с одной стороны, исторически сложившейся в той или иной стране практикой политической коммуникации, моделей речевого поведения политиков, с другой – нынешним состоянием лексико-стилистических свойств и выбором политиками речевых стратегий. Известно, что каждый язык является неповторимой национальной системой знаков. С. Г. Тер-Минасова указывает - язык зеркалом культуры, поскольку он отображает реальность и творит собственное миропонимание, специфичное и оригинальное для каждого этноса, национального языка, отдельной этнической группы, которые используют язык как средство коммуникации». [130, с. 27]. Анализируя культурологические и стилистические особенности речи русских политиков, мы обратили внимание на тот факт, что в российской речевой культуре присутствует как *открытость и прямота*, свойственные низкоконтекстуальным культурам, так и *многословность*, типичная для высококонтекстуальных культур. Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры (англ. High- and low-context cultures) – научные термины, сформулированные еще в 1976 г. антропологом Эдвардом Холлом, представленные в работе «Вне культуры» (Edward T. Hall, Beyond Culture). Данные термины

обусловлены использованием высококонтекстной и низкоконтекстной информации в ежедневной коммуникации. [160].

В *высококонтекстной культуре* часть сообщения остается “за рамками”, так как вся необходимая информация содержится в самой культуре, для которой очень важен выбор правильно подобранных слов и выражений, так как с помощью всего нескольких слов можно передать сложное сообщение. Неудивительно, что характер русского и американского политического интервью, выбор политиками коммуникативных, речевых стратегий и тактик, форм выразительности будут отличаться, иметь непохожие признаки, определяющих различие между коммуникантами.

С. А. Кошкин настаивает на том, что «важнейшие особенности современного российского политического дискурса – это *медиатизированность (публичная политика невозможна вне медиапространства); манипулятивность (требующее скрытого воздействия на аудиторию)*; *визуальность (наглядность, видимость, символическая нагрузка) и театральность (сходство политических и театральных компонентов); агональность (*от греч. агон – состязание, борьба, в переносном значении – бескомпромиссный спор, столкновение мнений*)»* [там же, с. 77]. Выдвигаемое положение имеет достаточно спорный характер в том аспекте, что представленные характеристики и компонентный состав могут принадлежат не только политическим ораторам из России, но и в полной мере их можно отнести к американскому (или иному) политическому дискурсу. Как ранее было отмечено, наиболее частые риторические фигуры и тропы, которые используются в политическом дискурсе для достижения выразительности, экспрессивности речи, усиления ее воздействия на аудиторию, ученые относят: *метафору, просторечье, ирония, идиомы, сравнение, риторический вопрос и многое другое*.

Анализируя средства выразительности, используемые наиболее часто президентом В. Путиным, стоит сказать, что он использует довольно разнообразные стилистические фигуры. Интервью с Путиным, несмотря на деловой характер,

является яркой, запоминающейся, благодаря использованию слов и фразеологизмов с экспрессивно-оценочным характером, которые в последнее время носят достаточно негативный характер. Многие аналитики политических спичей объясняют негативный характер политических речей из-за осложненных отношений России с США и Европой, ввиду разногласий по украинскому вопросу, из-за присоединения Крыма, в Сирии. Сегодня хорошо известна Крымская речь В. Путина, где им был многократно использован риторический вопрос, включающий в себя вопросно-ответную форму монолога:

В. Путин: *«Мы шли навстречу Украине не только по Крыму, но и по такой сложнейшей теме, как разграничение акватории Азовского моря и Керченского пролива.* ***Из чего мы тогда исходили?*** *Исходили из того, что хорошие отношения с Украиной для нас главное, и они не должны быть заложником тупиковых территориальных споров»...*

«В Крыму не произошло ни одного вооружённого столкновения и не было человеческих жертв. ***Как вы думаете, почему?*** *Ответ простой: потому что против народа и его воли воевать трудно или практически невозможно». ....*

«Сами написали, ***раструбили*** *на весь мир,* ***нагнули всех (грубое просторечие, жаргонизм),*** *а теперь возмущаются. Чему? Ведь действия крымчан чётко вписываются в эту, собственно говоря, инструкцию. Почему-то то, что можно албанцам в Косово (а мы относимся к ним с уважением), запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму. Опять возникает вопрос: почему****?» (недоумение, непонимание, возмущение).***

В Крымской речи В. Путин показал себя как сильный лидер, который не боится реакции со стороны Запада, возглавляющий сильную державную Россию. В речи он активно использует *отглагольные метафоры со сниженной лексикой,* отглагольные метафоры – «раструбили», слова с нейтральным толкованием слов в узком кругу – «междусобойчик»; слова со сниженной лексикой – «достала, опостылела просто» – «достать» – нейтральное толкование – «надоела» и т. д.

Анализ «Крымской речи» В. Путина показал ее экспрессивность через использование риторического вопроса, метафор, сниженной разговорной лексики, что способствовало лучшему пониманию речи выступающего, а также демонстрации собственного мнения политика. «Крымскую речь» В. Путина аналитики политических спичей признали лучшей речью политического лидера, делая речевой портрет достаточно индивидуальным. «Крымскую речь» высоко оценили и западные журналисты. К примеру, глава «Nova Media» сказал, что «Речь поставлена отлично. Отличная режиссура. Правильно расставлены акценты». [Шарунас Черняускас. ru.DELFI.It. 18.03.2014].

Пример того, как используется В. Путиным риторический вопрос в ходе участия в Пленарном заседании Восточного Экономического Форума RT (rt-russian.com/ RT на русском. 7 сентября 2017 г. (противостояние КНДР и США).

В. Путин: *Вы задали вопрос так: нужно ли беспокоиться по поводу этой ситуации, и можно ли продолжать инвестировать? (имеются в виду инвестиции в Корейский полуостров). Я на оба эти вопроса отвечаю: «Да».* ***И беспокоиться нужно, а как не беспокоиться, если мы наблюдаем такое напряжение в регионе?*** *Потому что если вы еще перестанете в экономическом плане работать в регионе, то ситуация не улучшится, а только ухудшится. И далее:*

– Но если они так делают (ядерные испытания Северной Кореей), а они все-таки не такие уж и глупые люди, поверьте мне, значит, они рассчитывают на соответствующую реакцию со стороны партнеров и добиваются этой реакции. ***Но зачем вы им подыгрываете? Вы не задумывались на эту тему?***

Комментируя данное интервью, можно заметить, что использованный Путиным прием риторического вопроса во всей полноте отвечает его целеполаганию и выражению эмоционального и национального характера русской речи. Экспрессивный характер данного приема в том, что в интонационно-экспрессивном значении преподносится Путиным в утвердительной форме, выдвигается его собственное мнение относительно Северной Кореи. И еще один пример

использования В. Путиным *риторического вопроса* на встрече с руководством Всероссийской государственной телерадиокомпании по случаю ее 15-летия («Завтрак с ВГТРК» 15.05.2005) также активно использовал риторический вопрос.

Андрей Колесников, *журналист (Российский журналист и публицист. Специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ» с 1996 г. и исполнительный директор «Коммерсантъ-Холдинга» с 2012 г., главный редактор журнала «Русский пионер» с 2008 года.): Что на Ваш взгляд может объединить нашу нацию?*

В. Путин: *Мне кажется, что я нашел тот вопрос, который действительно является объединяющим всю нацию. Все понимают эту угрозу для страны – демографический спад. Огромная территория, Россия – самая большая страна в мире, и если так дальше будет продолжаться, то ее просто некому будет охранять!* ***Что же у нас за страна такая, которая не может обеспечить воспроизводство самих себя?! (с горечью).***

В интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS в преддверии своего участия в юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке В. Путин ответил также риторическим вопросом.

Ч. Роуз: *Вы поддерживаете Башара Асада. А поддерживаете ли Вы то, что он делает в Сирии и то, что происходит с теми сирийцами, миллионами беженцев, с сотнями тысяч людей, которые погибли, и многие из них были убиты его людьми?*

В. Путин: *А как Вы считаете, правильно ли поступают те, кто поддерживает вооружённую оппозицию и, главным образом, террористические организации только для того, чтобы свергнуть Асада,* ***не заботясь о том, что будет со страной после полного уничтожения государственных институтов в этой стране?***

Прием риторического вопроса и его перенаправление к задающему можно заметить в речи В. Путина на Мюнхенской конференции (Россия-1 ВГТРК. 10.02.2007).

В. Путин: *«Нас не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам….«Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права…**Ну кому это понравится? Кому это понравится?».***

Президент обращается к данному типу выразительных средств с целью выразить отношение к обсуждаемой проблеме, охарактеризовать имплицитные стороны ситуации, а также с целью усиления воздействующего эффекта и придания динамичности выступлению. Тактика привлечения внимания аудитории реализована оратором также с помощью фразовых повторов («Ну кому это понравится? Кому это понравится?»). Многократное использование риторических вопросов, активизирующих внимание аудитории.

В. Путин *(О санкциях. 15-ая Прямая линия. Россия-1 ВГТРК. 15 июня 2017): «Мы жили под санкциями, начиная с того момента, как Россия начинала чувствовать себя уверенно. Это было на протяжении всей нашей истории. Здесь нет ничего удивительного. Не было бы Крыма, придумали бы что-то еще. Мы знаем, что в Сенате США опять возник законопроект об ужесточении санкций. **Почему это происходит? В связи с чем?** Это свидетельство внутриполитической борьбы в США.*

В. Путин не только перенаправляет вопрос задающему, но и заставляет задуматься, активно склоняя аудиторию к своему пониманию данной проблемы и точке зрения. Использование политиками в выступлениях интервью вопросно-ответной формы рассматривается как желание выступающего установить диалог, создание комфортной психологической обстановки общения, доверия.

В. Путин *(О «русском следе» в американских выборах): «Бывший директор ФБР считает, что вмешательство России в выборный процесс было, но никаких документов он не приводит. А разве в мире бывает по-другому? Постоянная*

американская пропаганда – это что, не влияние на наши выборы? Да из года в год. Возьмите глобус, крутаните, тыкните пальцем в любое место – там американские интересы. Просто никто не хочет ссориться с американцами, прямо об этом не говорит».

Цитируя Путина в ходе его выступления в рамках «Прямой линии» (2017 г.), еще раз подчеркнем, что данная жанровая характеристика имеет место только в российском варианте. [Прямая линия с Владимиром Путиным. Россия-1 ВГТРК 15.06.2017]. Другой яркой культурологической особенностью речи русских политиков, по мнению ученых (Багдасарьян Н. Г., Введенская Л. А., Граудина Л. К., Дунев А. И., Черняк В. Д. и др.), *является использование ими шуток, смешных историй, анекдотов,* которые служат иногда в качестве необходимого начального или заключительного компонента общения. В основе анекдота – короткая смешная история, герои которой демонстрируют неадекватное поведение, которое разными культурами воспринимается по-разному.

Достаточно разносторонний культурологический анализ жанра анекдота представлен в работе Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева, где подчеркивается, что «анекдот – это текст с жестко заданной двучастной структурой: более длинный зачин, затем короткий и неожиданный конец, заставляющий слушателя переинтерпретировать начало анекдота». [152, с. 33.]. Как и иные «фрагменты» языкового сознания, анекдоты обнаруживают типичные модели вербального поведения представителей политического дискурса определенной культуры. Другой автор говорит о том, что анекдот является «наиболее сконденсированной формой выражения комического в массмедийном политическом дискурсе». [224, с. 255–260]. Поэтому анекдот, комические шутки могут рассматриваться как средство политической борьбы, политического давления на оппонента, так как являются способом его дискредитация, а также созданием позитивного имиджа или симпатий другой стороны:

– Журналист Александр Гамов, *«Комсомольская правда», зам. редактора отдела политики: Владимир Владимирович, не пора ли российской экономике начать выходить из кризиса?*

– В. Путин: (невесело рассмеялся и пошутил): *«Встречаются два приятеля, один другого спрашивает, ну, мол, как дела? – Тот отвечает, что жизнь в полоску и вот сейчас у него черная полоса. Проходит какое-то время, снова встречаются, снова – ну, как дела теперь? – Да, черная полоса! – Как же так, ведь в прошлый раз была черная. – Как выяснилось, в прошлый раз это была белая...».* [Большая пресс-конференция В. Путина. 17 декабря 2015 г. Kremlin.ru. Печать «Комсомольская правда» № 51. 17.12.2015].

Использование игры слов, приема номинации, метафоры многозначных слов, создающих комический эффект, в отдельных случаях может представлять собой имплицитную форму подачи сведений, что усиливает его прагматическое воздействие. Анекдот, политический анекдот часто демонстрирует гипертрофию черт обсуждаемого оппонента, явлений действительности и ситуаций, способствующие привлечению внимания, быстрому запоминанию услышанного.

Участвуя в Пленарном заседании Восточного Экономического Форума (Россия-1 ВГТРК. 7 сентября 2017 г.), В. Путин активно использовал гротеск, который, наряду с гиперболой, способен создать комическую, смешную атмосферу на большом собрании. Говоря о предоставлении бизнесменам российского гражданства, обращаясь к ведущему Ронни Чану (главе частной компании Гонконга):

– В. Путин: *Нашему ведущему мы тоже можем это предложить. Он – бизнесмен и говорит, что если бы не этот форум, вряд ли бы здесь побывал. Пожалуйста, пусть вкладывает 10 миллионов и будет ездить сюда, как домой.* ***Собственно говоря – домой, а не «как домой».***

Гротеск, иронию Путин использовал, несколько преувеличив, заострив качество ведущего («миллионер может все себе позволить»), выводя факты

изображаемого за пределы допустимого, вероятного с позиции правдоподобия. И далее, говоря о Северной Корее, использовал прием «черного юмора»:

– В. Путин: *Мы что им предлагаем? Вот посмотрите. Мы говорим: «Мы не будем применять санкции». То есть вы будете лучше жить. У вас на обеденном столе будет побольше хороших, вкусных продуктов и так далее. Вы будете лучше одеваться. Но следующий шаг, они так думают,* ***это приглашение на кладбище.***

Подчеркивая упрямство США в отношении КНДР, президент говорит о том, что ее приглашают прямиком в ад. Президентом намеренно используется *черный юмор,* комический эффект, суть которого состоит в высмеивании проблемных моментов и ситуаций, над которыми шутить не стоит. В данном случае мы видим насмешку перед всемирной ядерной угрозой (конфликт США – КНДР), над «мрачной», *макабрической темой,* сочетающей в себе ужасные и комические моменты.

Несомненным фактором авторитета Путина как политика является его остроумие, умение использовать шутки там, где скопилось напряжение, где проявился момент межнационального недопонимания. На Восточном Экономическом Форуме 2017 г. в рамках Пленарного заседания не раз в зале звучал смех после выступлений, реплик В. Путина.

В. Путин: *...обращаюсь к Премьер-министру Абэ, может быть, повысить в должности министра, который отвечает за сотрудничество с Россией, сделать вице-премьером, чтобы у него было больше административных возможностей привлекать японские компании к работе с Россией? (Смех.);*

– И по поводу наград: Имейте в виду, что у нас не последний орден, так что я обращаю Ваше внимание [обращаясь к Р.Чану]. *(Смех.) Правда, мы вашему соотечественнику господину Тиллерсону тоже когда-то вручали орден Дружбы, но он, судя по всему, попал* ***в плохую компанию и немножко в другую сторону отруливает.***

Президент использует известный фразеологизм, распространенный в советское время – **«попасть в плохую компанию»,** смысл которой в том, что человек (в данном случае, Тиллерсон) должен избегать «плохих» друзей.

На Пленарном заседании Восточного Экономического Форума (7 сентября 2017 г.), В. Путин активно использовал ***иронию:***

– Р. Чан: *Давайте перейдем ко второй «информационной бомбе» – это Дональд Трамп. …. Прежде всего спросил бы Президента Путина, как Вы видите приход новой администрации в Соединенных Штатах?*

– В. Путин: *Вы – гражданин Соединенных Штатов. Здесь глава правительства и глава государства, которые являются ближайшими союзниками Соединенных Штатов в регионе и в целом, а Вы этот вопрос почему-то адресуете мне? (смех в зале).*

– Р. Чан: *Позже их спрошу.*

– В. Путин*: Постараюсь ответить.*

А на встрече с госсекретарем США Джоном Керри в декабре 2015 г. В. Путин иронично заметил: *«Уважаемый господин госсекретарь, мы видим, сколько усилий вы прилагаете для урегулирования ряда очень острых проблем. Мы успеваем за вами следить, за вашими перемещениями. Вам нужно выспаться, я вижу». [rt-russian.com/ 2015].*

Анализируя прагматический, воздействующий потенциал *комического* в политическом дискурсе можно заключить, что эффект, который оказывают политические шутки, анекдоты на аудиторию, выражается в том, что шутливый настрой привлекает интерес и внимание публики. Несмотря на серьезный вопрос журналиста относительно тяжелого экономического положения в стране, слова президента значительно смягчили, минимизировали напряжение пресс-конференции и в то же время позволили избежать обыденности и монотонности.

Министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова признают как блестящего дипломата, обладающего отменным чувством юмора и острословием. В ходе официальных визитов, тяжело идущих переговоров Сергей Лавров часто использует шутки, остроты. В сентября 2016 г. в Женеве после продолжительных 14-часовых переговоров с госсекретарем США Джоном Керри Сергей Лавров, выйдя к журналистам, угостил их пиццей. Сначала он принес уставшим журналистам пиццу с сыром, отметив, что это подарок американской делегации. А спустя 10 минут угостил журналистов русским напитком. Переговоры Сергея Лаврова с госсекретарем США Джоном Керри совпали с днем рождения Министра иностранных дел. Джон Керри решил воспользоваться случаем и поздравил Лаврова, демонстрируя осведомленность и определенную иронию. Сергей Лавров не остался в долгу:

Джон Керри: *Надеюсь, что эта дата даст тебе дополнительную мудрость в* проведении *переговоров.*

Сергей Лавров: *Спасибо, Джон, но если мудрость измерять количеством дней рождения, то мне за тобой не угнаться.* (https://ru.sputnik.md/russia/20171126/15703052/lavrovaya-diplomatiya-prikoly-i-shutki-glavy-rossijskogo-mid.html).

Известно, что Сергей Лавров в ходе переговоров использует шутки, суть и комичность которых достигается несоответствием лексической единицы и изображения, передающих рассказчиком (пресс-конференции в ООН в Нью-Йорке 2014 г.).

Сергей Лавров: *Я видел в интернете шутку, когда карта Российской Федерации и стран, которые наши соседи, там точечками или звездочками обозначены американские базы, где они находятся. Их где-то около сотни. И там такая надпись: Россия обнаглела, придвинула свою территорию так близко к нашим военным базам.*

В интервью «Радио Россиия» глава МИД РФ сделал заявление, предупредив о рисках, с которыми могут столкнуться западные страны, решив опустить перед Россией новый «железный занавес»:

Сергей Лавров: *Если будут опускать «железный занавес», то ненароком могут себе чего-нибудь прищемить.*

Но иногда политики, чиновники произносят с легкостью то, что не могут позволить себе печатные издания (проходя редакционную правку), мгновенно превращаясь в мем. Нужно заметить также, что определенные высказывания по международным проблемам часто направлены не на внешнюю, а на внутреннюю аудиторию, поскольку некоторые фразы, устоявшиеся фразеологизмы, метафоры невозможно перевести адекватно на английский язык, а значит данный посыл может понять и оценить только русскоязычная аудитория (можно вспомнить «кузькину мать», обещанную Никитой Хрущевым с трибуны ООН). Аналитики политических спичей отмечают, что и современная международная дипломатия становится менее вежливой, объясняя это высочайшим градусом напряженности между странами-конкурентами, вечными спорами Восток – Запад, игрой ядерными мускулами от Сирии до Северной Кореи. Отдельно можно говорить об отсутствии вежливости между русскими и американскими дипломатическими ведомствами, характеризующейся известными разрушительными силами: междоусобной информационной войной, обменом высылкой дипломатических миссий, сохранением действий антироссийских санкций вплоть до полной имплементации минских договоренностей.

Все перечисленное оказывает сильное воздействие на характер политического интервью, которое не отличается хорошими манерами, взаимоуважением, тактом, когда выбор падает на грубое просторечие. Вместе с тем термин «дипломатичный» предполагает умение сторон выбирать адекватные риторические средства для решения поставленных коммникативных задач.

Л. Назаренко (Прага) отмечает, что «современная языковая ситуация в России характеризуется экспансией субстандартных языковых единиц, которые проникают в традиционные сферы функционирования литературного языка, а именно в язык политических и общественных деятелей… современный российский политический язык отличается большой пестротой и отсутствием каких-либо явных ограничений. С целью политической пропаганды чаще используется не специальная политическая терминология, а политическая метафорика, ирония, сарказм, экспрессивная и оценочная лексика….в язык российский политики все активнее проникают *жаргонные и просторечные выражения*». [237, с. 100]. Что касается лексических средств, используемых современными политиками, то основной массив исследователи относят к литературной разговорной речи, однако в последнее время для выразительности и желания произвести эффект на аудиторию, политики насыщают ее элементами *просторечия,* грубоватыми и прямо грубыми словами и выражениями (к примеру, «негодяй», «подонок», «предатель» и т. д.). Выбор элементов просторечия и соответствующих лексических единиц объясняется желанием политиков эпатировать аудиторию, быть максимально кратким, привнести в свою речь экспрессивность, яркость и лапидарность (гр. «камень», краткость). Ученые указывают на то, что в русской лингвистической традиции рассматриваются две разновидности просторечия: первая – ***социальное просторечие***, речевые ошибки малообразованных людей (влазить, извиняюсь, отсюдова, тверезый, выпимши и т. д.). Наравне с этим ненормативные единицы просторечия периодически используются как популярные экспрессивные имитации для преднамеренного снижения или комического упрощения собственной речи («брательник», «батяня», «давеча», «маленько», «папаня», «обнова» и т. д.). Вторая разновидность просторечия – ***функционально-стилистическое просторечие*** представляет собой сознательное, преднамеренное использование субстандартных грубых, вульгарных единиц, непристойных слов и идиом для выражения особой экспрессии снижения и упрощения речи, для резко негативной оценки, для эпатирования собеседника. [44, с.

67]. Как пример, можно привести следующие грубые единицы – «огроменный», «причапать», а также бранные слова и выражения, которые являются наддиалектными, общерусскими, не входящими в сферу литературного лексикона. Некоторые просторечные единицы в массовом употреблении (болтать, буянить, зачастую, ладно, мудрить, наверняка, парень) постепенно стали разговорно-сниженными, пополнив не только русский языковой стандарт, но и российский политический дискурс. В. Путин допускает использование в речи неформальной лексики. Вместе с тем глава государства считает, что этот вопрос не нужно регулировать отдельным законом («Комсомольская правда», 2015).

– В. Путин *(на встрече с литераторами): Толстому не нужно было добавлять лексику, Чехову тоже, Бунину не нужно было. Вам виднее – литераторам. Может, чтобы быть ближе к народу и можно допустить неформальную лексику.*

На встречах с представителями различных социальных групп президент иногда употребляет разговорную лексику, которая не нарушает общепринятых литературных норм, но для которой свойственна определенная свобода: «перебор», «прикрыли», «рухнула», «слухи», «кошмарить», «много позитива», «льготники», «прикормленные организации», «полная чушь», «ерунда», «голодомор», «бардак» и т. д. Употребление подобных слов и выражений просторечия, по мнению ученых, позволяет создать более комфортную психологическую обстановку, достичь климата доверия, лучшему восприятию речи, а значит – достичь. Нужно отметить существование и другого интервью – *нарративного* (**narrative** — повествовательный), предполагающего сбор качественных данных, который сводится к анализу рассказов и историй людей. Идея данного интервью принадлежит социологу из Германии Фрицу Шютцу, который был убежден, что именно рассказ является самым простым и элементарным институтом коммуникации и общения. Эффективность организации и проведения нарративного интервью журналистом будет зависеть от того, что интервьюируемый должен

излагать рассказ только о своей жизни, то есть информация преподносится от первого лица, а также данный рассказ представляет собой определенный экспромт, то есть не готовится заранее, появляется под воздействием со стороны журналиста – нарративного импульса.

Политики употребляют простые языковые единицы с различными целями:

а) для усиления экспрессии и аффектации высказывания употребляют *стилистически сниженную или ненормативную просторечную лексику:* В. Путин: «Мы, что ли, базы новые создали? А Францию спросили о создании третьего позиционного района? Кто ее спросил? Шиш» (В. Путин, пресс-конференция 14.02.2008);

б) для усиления прагматического и выразительного эффекта используются *экспрессивные, стилистически сниженные и грубовато-фамильярные синонимы*. В. Путин: «Один из факторов личностного фактора – это умение сформулировать задачу, не ныть и не пускать слюни по этому поводу. Если первые лица будут все время пускать слюни и сопли и ныть: «Ах, как нам плохо, то ничего не будет» (В. Путин, пресс-конференция 14.02.2008);

в) для негативного воздействия на аудиторию употребляются *устрашения, угрозы, предупреждения или требования,* например: В. Путин: «Россия может подняться с колен... и как следует огреть» (В. В. Путин, «Известия» 17. 9. 09.1999); «в сортире поймаем и замочим» (В. Путин, пресс-конференция в Астане 24.09.1999); «В ответ на предложение, чтобы российские военнослужащие сейчас приняли участие в операции в Ираке, так и хочется сказать: «Нашли дураков» (В. Путин на пресс-конференции по итогам переговоров с Берлускони в Риме 05.11.2003).

«Когда американская журналистка Мегин Келли начала задавать В. Путину острые вопросы о хакерских атаках в ходе предвыборной компании в США, Сирии, Германии, волнений в Каталонии, тон российского президента сменился на «агрессивный, саркастичный и раздражённый», пишет американский журналист Дэвид Игнатиус «The Washington Post».

В. Путин: ***«Нет ли у кого «таблетки от истерии»,*** *.....американские СМИ должны «прекратить эту бесполезную болтовню» о России, которая наносит вред дипломатии».* [Петербургский международный экономический форум (Россия-1 ВГТРК. ПМЭФ, 1– 3 июня 2017 г.].

Многие слова и выражения В. Путина с использованием просторечия или идиом живут в народе своей жизнью и пополняют лексикон населения. Просторечие, в силу повышенной экспрессии, насыщено разнообразными тропами и элементами просторечия: слова, выражения, грамматические формы и конструкции, достаточно распространенные в нелитературной разговорной речи, сегодня активно используются политиками. К примеру, запомнились его фразы про террористов, которых «будем мочить в сортире». Или праздничный визит к журналистам газеты «Комсомольская правда» в день ее рождения, который прошел в форме пресс-конференции. Среди прочих вопросов президенту задала вопрос латвийская журналистика о претензиях Латвии на Пыталовский район Псковской области. В ответ на территориальные претензии властей Латвии президент ответил, используя *идиому («уши от мертвого осла»):*

– В. Путин: *Мы никогда не будем вести переговоры на платформе каких-либо территориальных претензий.* ***Не Пыталовский район они получат, а от мертвого осла уши.***

Несмотря на то что под ораторской техникой имеется в виду чрезмерная яркость, эпатаж, тем не менее с каждым годом в выступлениях Путина, в его речевой культуре в большей степени наблюдаются взвешенность, последовательность, выдержанность и характерный ритм.

«Характерная особенность дискурса В. Путина проявляется в логичности и четкости изложения мыслей, конкретизации и уверенности речи. Речь главы государства носит не столько информационный, сколько аргументативно-аналитический и императивный характер. Главная особенность публичной речи президента заключается в том, что она способствует формированию его имиджа,

создает в глазах всего общества яркий и неповторимый образ политического лидера». [46, с. 55-59].

Важным, на наш взгляд, является **использование политиками личных местоимений «я» и «мы»**. В речи президента встречаеются довольно часто конструкции, выраженные глаголом в форме 1-го лица в сочетании с личным местоимением или глаголом в форме 1-го лица без местоимения. В качестве таких моделей может служить речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 2017 г. в рамках Пленарного заседания: «не будем забывать», «мы знаем», «думаю», «я подчеркиваю», «я убежден», «я считаю» и т. п.). Тем не менее преобладающим в данных конструкциях речи стало личное местоимение 1-го лица единственного числа «я», реже употребляется местоимение множественного числа «мы».

В. Путин: «Вчера я уже упоминал об этом, встречался с нашими иностранными инвесторами»; «Тот пример, о котором я только что сказал»; «Что бы я хотел сказать здесь и что я говорил уже неоднократно»; «Я уже говорил на пресс-конференции недавно в Китае»; «Я знаю, что и в действующей администрации Соединенных Штатов, если вы меня об этом спросили, много здравых людей»; «Я уже говорил о том, что растёт товарооборот»; «Я говорил, промышленное производство в целом – 2,6 а здесь около 6 процентов»; «как я уже говорил в своём выступлении, будем целенаправленно уделять этому региону повышенное внимание»; «я уже говорил о логистических возможностях»; «Я уже говорил об этом в своём выступлении, но некоторые ключевые вещи повторю, безусловно» и т. д. [Речь Президента на ВЭФ 7 сентября 2017 г. в рамках Пленарного заседания].

Преобладающим в речи президента стало личное местоимение «я», которое логически заключает в себе функциональную особенность, суть которой в том, что президент как глава государства осознает свою ответственность перед народом и берет на себя обязанность самостоятельно принимать важные решения по серьезным политическим вопросам. Но, наравне с личным местоимением «я», Путин также

употребляет местоимение 1-го лица множественного числа «мы», пытаясь показать единение и близость с народом, создавая целостный образ России:

– В. Путин: *«В России в целом мы тоже наблюдаем эту позитивную динамику – рост 4,1 процента», «Мы не будем останавливаться на достигнутом», «Мы хорошо понимаем, что бизнес заинтересован в снятии торговых, протекционистских барьеров» и т. д. [Речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 7 сентября 2017 г. в рамках Пленарного заседания]*.

Для русских политиков так же, как и для американских политиков, характерно использование *дискурсивных слов, придающих речи* структурированность, аргументированность и логичность, которые достигаются средствами такой группы выразительных средств, как: «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых» и т. д.; или: «первое», «второе», «третье».

Ответы В. Путина на вопросы ведущего Пленарного заседания Восточного Экономического Форума. 2017 г.:

В. Путин: *Первое – важно создать эффективные стимулы для роста… Второе – это формирование современной социальной инфраструктуры…. Третье – будущее любого региона – это, конечно, молодые люди, молодёжь…. И наконец, четвёртое направление – это активная политика демографического развития.*

Употребление подобных единиц характерно для большинства речевых высказываний русских политиков, употребление которых неслучайно, так как они позволяют собственный ответ сделать более структурированным, аргументированным, логически выдержанным, что вызывает у аудитории уважение и позволяет построить доверительные отношения.

Говоря об особенностях русской речи, нужно отметить и тот факт, что в русском языке относительно свободный порядок слов в предложении. То есть, члены предложения не имеют постоянного места (как в некоторых других языках) и их взаимное расположение может изменяться в зависимости от воли говорящего. Политик волен переставлять слова с целью подчеркнуть смысловую значимость

какого-либо слова. Данная перестановка в русском языке называется **инверсией.** Инверсия – важное стилистическое средство, которое часто используется русскими политиками в ходе выступлений и интервью.

На синтаксическом уровне эффект логичной речи В. Путин добивается, используя *инверсивные конструкции*, а также при использовании повторов.

В. Путин:... *но с учетом* ***планов*** *освоения Дальнего Востока,* ***планов*** *развития Сахалина, освоения Северного морского пути, конечно, без атомной энергетики нам не обойтись.* [Россия-1 ВГТРК. 1–3 июня 2017 г. Петербургский Международный Экономический Форум].

Инверсия в сочетании с повторами позволяет президенту выделить самое главное в высказывании.

В. Путин: *чтобы* ***законы,*** *а главное* ***правоприменительная практика, правоприменение****, были максимально удобны и понятны для граждан…* [Речь Президента на ВЭФ 7 сентября 2017 г. в рамках Пленарного заседания].

Используется синонимический ряд повторенных слов: **законы, правоприменительная практика, правоприменение.**

Для речи русских политиков достаточно характерно применение в речи словосочетаний, которые не являются членами предложения, но несут определенную смысловую функцию. К ним относятся **вводные слова**:

– В. Путин: *Будущее любого региона – это,* ***конечно,*** *молодые люди, молодёжь, те, кто сейчас выбирает профессию… рабочих специальностей, будет,* ***безусловно****, расти; ....****думаю****, для людей практических, для тех, кто занимается практической работой, понятно, о чём идёт речь; ...Благодарю вас за внимание и* ***надеюсь,*** *что многие из тех, кто проявляет интерес к Дальнему Востоку, реализуют здесь все свои планы (конечно, безусловно, надеюсь, думаю и т.д.*). [Речь Президента на ВЭФ 7 сентября 2017 г. в рамках Пленарного заседания].

Удачно подобранное слово оратором с помощью *приема сравнения* может заменить тысячу других. Русские ораторы часто вместо «молчал и ничего не говорил», говорят «был нем как рыба» или словосочетание «много работал» можно заменить – «пахал, как раб на галерах» (В. Путин). Наравне с этим в устной речи звучат такие слова и выражения, как «зол как собака», «молчит словно воды в рот набрал», «вскочил как ужаленный» и др. Приемы сравнений, будь то предмет или явление сравнивается с чем-то еще, усиливая сказанное: «мудрая как сова». *Прием сравнения* используется политиками для характеристики образа героя как инструмент иронической критики оппонента.

– В. Путин: *К чему ни прикоснутся американцы,* ***у них всегда Ливия получается или Ирак.*** [В. Путин. Молодежный форум «Селигер - 2014». rt-russian.com/].

Говоря о положении дел в Украине, описывая ситуацию вмешательства в дела суверенного государства (со стороны Брюсселя и Вашингтона), президент *сравнивает* состояние государства с арабской весной, с Ливией и Ираком, чтобы обозначить сложную политическую ситуацию в Украине. Суть данного приема – выявить в объекте сравнения какие-то новые, значимые высказывания или свойства. Иногда политики используют прием сравнения, но при этом не называют то, что сравнивается. В этом случае мы имеем дело с *метафорой*. Достаточно сказать о человеке: «он – ракета» (Павел Буре выдающийся советский и российский хоккеист, «русская ракета»), то нужно понимать, что он чем-то отличился от других. Метафора представляет собой замену одного объекта другим на основании сходства двух объектов. В политическом дискурсе часто используют следующие политические метафоры: «оранжевая революция», «революция роз», «раздувать политические жабры», «свежая мысль» и т. д. И если простые люди привыкли к переносному смыслу обычных слов («вскочил как ужаленный», «льет как из ведра»), не замечают их образности, то русские политики используют политическую ***метафору и сравнение*** для усиления образности речи.

Политическая метафора – мощный инструмент воздействия на аудиторию, служит характерным пиар-приёмом в ходе предвыборной кампании. Использование политиками метафоры возможно через разработанные приемы, которые мы приводим из интервью известных политиков и их комментарии [Еженедельная газета «Завтра» № 01 (528), 02 (529) и газеты «Коммерсантъ», 2017 г]. Среди них – *отождествление или идентификация* («Оранжевая революция возвращается на Украину?», «революция шипов» – «Аджария ждет последствий революции роз»).

На одной из пресс-конференций запомнился метафорический ответ Путина на вопрос о возможном вмешательстве американских советников во внутренние дела России:

– В. Путин: *«Пусть жену свою учат щи варить…».*

Как позже отмечали лингвисты, высказывание эмоционально-экспрессивного характера, почти на грани фола, но достаточно остроумное и сказанное к месту, вызывало симпатию.

Идиома или тот же фразеологизм представляет собой выражение, которое понятно только носителям определенного языка или тем, кто хорошо с ним знаком. Приведем пример *идиомы из речи* В. Путина, которую он озвучил отвечая на вопрос по поводу подписания договора «О едином экономическом пространстве». В ходе пресс-конференции журналисты через вопрос выразили опасение бывших союзных республик о возможности восстановления Советского Союза (2015 г.). [23 декабря 2016 г. – РИА Новости (ria.ru):

– В. Путин: *Это полная чушь, несуразица, **сапоги всмятку**. Те, кто говорят об этом, не понимают, что сказали. Так и хочется спросить: сказал, сказал, сам-то понял **че сказал**?".*

В данном высказывании президента мы видим метафору – *«сапоги всмятку»,* означающую вздор, чепуху, полнейшую бессмыслицу. Во втором предложении ответа оратор использовал словосочетание *«Че сказал».* Только на территории России и, может быть, в бывших союзных республиках, слово **«че»** иногда

употребляется в качестве уточняющего слова-паразита. С помощью «че» говорящий пытается переспросить, прокомментировать, удостовериться или выразить свое отношение. Несмотря на его широкую популярность «че» в русском языке отсутствует, представляя больше жаргонное слово. Тем не менее данное высказывание Путина вызвало бурю эмоций (особенно среди молодежи) и ответный отклик у аудитории.

В политическом дискурсе достаточно распространены риторические восклицания, риторические вопросы, различные виды параллелизма, тропы и фигуры речи. В связи с требованием к ограниченному объему материалов параграфа мы не можем проанализировать все известные тропы и фигуры в речи политиков, поэтому остановимся на самых распространенных.

Ирония с греческого языка означает «притворство» – в ней истинный смысл скрыт или он противоречит явному смыслу. Данный троп создаёт ощущение, что предмет обсуждения совсем не таков, каким он кажется на первый взгляд. «По определению Аристотеля, ирония есть «высказывание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает». [131, с. 24 –29]. В стилистике ирония выражает насмешку или лукавое иносказание. Ирония, высказанная с позитивным юмористическим настроем, позволяет участникам коммуникации смягчить агрессию, минимизировать напряженную атмосферу беседы и даже нарастающий конфликт. Комментируя слова американского сенатора Джона Маккейна, главного критика России в США, В. Путин пошутил на тему его проблем с рассудком.

– В. Путин*: «Господин Маккейн, как известно, попал в плен во Вьетнаме и просидел не просто в тюрьме, а в яму его посадили. Он просидел там несколько лет. У любого человека «крыша съедет», поэтому чего там еще говорить».* [Россия-1 ВГТРК. Прямая линия «разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. 2011 (114)»].

В. Путин, комментируя слова бывшего кандидата в президенты Соединенных Штатов Хиллари Клинтон, сравнившей его с Адольфом Гитлером, отметил, что со

стороны РФ также могут быть различные сравнения деятельности политиков США, но Москва воздерживается от крайних высказываний. В ответ на слова Хиллари Клинтон президент ответил: «С женщинами лучше не спорить». Что вызвало в прессе упреки за проявленный сарказм со стороны Путина.

– В. Путин*: «Понимаете, с женщинами лучше не спорить, лучше не вступать с ними в пререкания. Но госпожа Клинтон и раньше не отличалась особым изяществом в выражениях. Ничего, мы с ней встречались после этого и мило беседовали на различных международных мероприятиях. Думаю, что и в этом случае можно было бы найти общий язык. Но когда люди переходят определенные границы приличия, это говорит не об их силе, а об их слабости. Но для женщины слабость – это не самое плохое качество». [Новости.ru.14.06.2017]*.

Путин неоднократно пояснял метафору «российский медведь», используя позитивные сравнения России и медведя.

Журнал «The Economist» (англоязычный еженедельный журнал новостной направленности), начиная с 2014 г. многократно изображал Россию на своих первых обложках в виде медведя, оскалившейся пасти медведя, сравнивая Россию с агрессивным зверем [См. Приложение 3].

– В. Путин: *«Вообще, он, медведь, считается у нас хозяином тайги, и он не собирается – и я знаю это точно – куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно».* [Из ответов В.В. Путина на вопросы в ходе Итоговой пресс-конференции в Кремле 18.12.2014. rt-russian.com].

В. Жириновским также часто используется *прием сравнения*. Для усиления воздействия на аудиторию политик пользуется параллельными синтаксическими конструкциями, стараясь представить себя в наиболее выгодном свете, противопоставляя положительные качества своих оппонентов своим сильным сторонам.

Аналитики политических спичей отмечают и достаточно высокий уровень агрессии и воинственности в речах В. Жириновского, причем уровень воинственности не снижался и не снижается на протяжении всего периода нахождения на посту лидера ЛДПР:

«У Путина есть ученая степень? Я – доктор наук. Путин – юрист, я – заслуженный юрист. Медведев преподавал в Петербургском университете, я – профессор, штатный профессор двух московских вузов, почетный доктор пяти университетов страны. У меня два, три ордена: Почета и два За заслуги. Где ордена Путина? Где ордена остальных? [Жириновский В. Предвыборные дебаты, Москва, 1 марта 2012 г. rt-russian.com*]*.

С целью усиления экспрессии русскими политиками часто используются русские традиционные *фразеологизмы, крылатые слова и выражения*. В прагматическом аспекте главная суть использования *идиом и фразеологизмов* является преобладание негативной или иронической оценочности оппонентов, деятельности партий и их лидеров.

- В. Путин: *Вы знаете, вообще, по большому счету уповать на каких-то сказочных персонажей, помните, как даже в советское время песенка была: «никто нам не поможет, ни царь, ни бог и не герой», все своей собственной рукой мы должны сделать. Поэтому если мы будем ждать чудес от* ***золотой рыбки****, то мы можем оказаться как в сказке Пушкина – у* ***«разбитого корыта»,*** *в конце концов. Лучше* ***«работать засучив рукава»*** *самим.* [Прямая линия с Путиным. 13.42. 14.04. 2016. РИА-новости. «Россия сегодня»].

Президент, отвечая на вопрос о том, какие бы три желания он загадал, поймав золотую рыбку, заявил, что не стоит уповать на сказочных персонажей и ждать чудес, а лучше работать самому «*засучив рукава».* Стиль президентской речи часто приближается к просторечию («засучив рукава»), устоявшимся фразеологическим единицам, представляя определенную языковую игру. Другим примером может служить понимание значения информации в переосмыслении фразеологизма – «Кто

владеет информацией, тот владеет миром». [Прямая линия с Путиным. 14.04.2016. РИА-новости. «Россия сегодня»].

Исследование национально-культурных маркеров речевых стратегий рассматривается нами, с одной стороны, как определенные «механизмы» вербального и невербального поведения политиков и статус этнического компонента в них; с другой – как прикладные проблемы, отражающие в практике политического дискурса применяемые политиками различные речевые стратегии носителей русского и американского языков, позволяющих судить о современной картине мира, национальных представлениях об взаимоотношениях с позиции национальных интересов стран.

Национально-культурные маркеры речевых стратегий русских политиков обусловлены национальными чертами, формировавшимися в ходе развития истории, культуры и поставленных исторических задач перед русской нацией. Русская терпеливость дала возможность выжить в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы. Ее формированию способствовали бесконечные войны, потрясения.

Итак, лингвокультурологический анализ русского дискурса, речей и выступлений русских политиков подвел нас к выводу о том, что политические высказывания, выступления носят не только информационный (где преобладает тенденция к описательно-повествовательному развитию темы), но и аргументативно-аналитический характер, в котором речевые элементы и выразительные риторические формы имеют не только вид рассуждений, отраженных в русской культуре, но и императивный, прагматический характер, в основе которого – стремление настойчиво и эффективно воздействовать на аудиторию. Использование риторического вопроса, иронии, комизма, просторечия, идиом, дискурсивных слов в текстах интервью русских политиков является прямой необходимостью.

3.2. Лингвокультурологические особенности стратегий речевого поведения американских политиков

Политическое интервью США как объект лингвокультурологического анализа имеет набор особенностей, обусловленных, с одной стороны, исторически сложившейся американской практикой политической коммуникации, моделей речевого поведения американских политиков; с другой – нынешним состоянием лексико-стилистических свойств американского политического интервью и выбором ораторами определенных речевых стратегий и тактик.

Известно, что каждый язык является неповторимой национальной системой знаков. И. А. Стернин пишет, что «к доминирующим чертам американского коммуникативного поведения относятся: общительность, открытость, коммуникативный демократизм, выраженная коммуникативная приветливость, доброжелательность, жизнерадостность, контактность, шумность, агрессивная самопрезентация, деловитость общения, правдивость в общении, терпимость, стремление к достижению компромисса, малолюбопытность в общении, тематическая ограниченность общения, малоинформированность, важность устного общения, устных договоренностей, ситуативность эмоционального поведения, любовь к обсуждению своих успехов, достижений, большая роль юмора в повседневном общении, шумность в компании, на отдыхе, большая дистанция общения». [125, с. 87–94]. Анализируя культурологические и стилистические особенности речи американских политиков, американского политического дискурса, стоит обратить внимание на тот факт, что в американской речевой культуре присутствуют особенности, типичные для низкоконтекстных культур (Edward Twitchell Hall Jr.). Если в высококонтекстной культуре часть сообщения остается недосказанной, вся необходимая информация содержится в самой культуре, для которой очень важен выбор правильно подобранных слов и выражений, так как с

помощью всего нескольких слов можно передать сложное сообщение. В культуре *низкого коммуникативного контекста*, к которой принадлежит США, политические речи и выбранные речевые стратегии отличаются немногословностью, прямотой и открытостью.

Пример беседы журналиста Дэвида Мьюира (David Muir), взявшего в Белом доме интервью у президента США Дональда Трампа (5-й день президентства. ABC World News Tonight. ABC News, США):

– David Muir: *And we're gonna get to it all right here.*

– D.Trump: *Good.*

– David Muir: *Mr. President, I want to start – we're five days in. And your campaign promises. I know today you plan on signing the order to build the wall.*

– D.Trump: *Correct. (Перевод. Приложение 4).*

Текст данного интервью подтверждает мнение о том, что речь американского президента действительно демонстрирует немногословность, характерную для культуры *низкого коммуникативного контекста*. Слова и фразеологизмы американских политиков чаще всего не допускают двойного или скрытого толкования. Поэтому неудивительно, что характер политического дискурса американских политиков, выбор ими коммуникативных, речевых стратегий, будут отличаться от других национальных дискурсов, иметь непохожие признаки. Анализируя речи американских политиков, нами были выявлены особенности речевых стратегий и тактик, позволит определить национальную специфику наиболее эффективных способов воздействия на аудиторию. Выступления американских политиков, первых глав государства имеют неизменный важный *пафосный характер.* Еще в греческом ораторском искусстве ценилось не только умение говорить красиво, но и способность быть убедительным, воодушевлять своей речью других людей, вести их за собой, поэтому пафос (наравне с этносом и логикой) в речи выступающего ценился всегда очень высоко. Оратор использует пафос как очень мощное прагматическое средство убеждения и переубеждения

аудитории. Не является исключением речь 45-го президента США Дональда Трампа, к его Программному выступлению перед Конгрессом (Pool/ABACAPRESS/Коммерсантъ. 28 февраля 2017 г.).

Пафосность речи Трампа оправдывается тем, что это была первая речь президента перед Конгрессом – парламентом, имеющий огромную власть. Особенность нынешнего момента не только в том, что Д. Трамп необычный президент, но и в том, что впервые за шестьдесят с лишним лет Республиканская партия получила контроль и над Белым домом, и над Конгрессом.

Для поддержания важности момента Д. Трамп активно использует *дискурсивные слова, придающие речи* структурированность и аргументированность, которые достигаются группой выразительных средств: *числительные, «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых» и т. д.*; *«первое»,«второе», «третье» и т. д.*

– D. Trump: Over 43 million people are now living in poverty, and over 43 million Americans are on food stamps. More than one in five people in their prime working years are not working. We have the worst financial recovery in 65 years. In the last eight years, the past administration has put on more new debt than nearly all of the other Presidents combined. We've lost more than one-fourth of our manufacturing jobs since NAFTA was approved, and we've lost 60,000 factories since China joined the World Trade Organization in 2001. Our trade deficit in goods with the world last year was nearly $800 billion dollars. And overseas we have inherited a series of tragic foreign policy disasters. (Перевод. Прилоджение 5.)

Пафосный характер речи Трампа заключается в том, что, используя дискурсивные слова, он сообщает аудитории важную информацию: Америка тратила огромные силы и деньги за рубежом, вместо того чтобы вкладывать их в собственную страну. В ходе выступления американский президент одной лаконичной фразой охарактеризовал доставшуюся ему международную обстановку от предыдущего президента: «За рубежом мы получили в наследство целую ***серию***

трагических внешнеполитических катастроф» (series of tragic foreign policy disasters). В своей речи *образ внешнеполитической катастрофы* («94 млн американцев выбыли из числа работающего населения»!) Трамп преподносит с помощью природной лексемы «катастрофа». (Наравне с лексемой «катастрофа» политиками часто используются - «бедствие», «полный провал», «разгром», «крушение», «столкновение» и т.д.).

Пафосность речи политика предполагает также чувства и эмоции, которые испытывает сам оратор и пытается ими «заразить» аудиторию, склонив ее на свою сторону. Беспроигрышным вариантом, с позиции политических технологий, является тема «Забота о детях – забота о будущем», так как дети – самая уязвимая группа общества, не имеющая равных возможностей защищать себя, свои права и свободы. Президент активно использовал и этот прием (детская тема):

– D. Trump: For too long, we've watched our middle class shrink as we've exported our jobs and wealth to foreign countries. We've financed and built one global project after another, but ignored the fates of our children in the inner cities of Chicago, Baltimore, Detroit, and so many other places throughout our land. (Перевод. Приложение 6).

Достаточно пафосной речь американских политиков делает *их апелляция к Богу.* Еще оратор Древнего мира Демосфен (384 г. до н. э.) разработал и использовал в своей ораторской речи 10 речевых тактик, активно используемых до сих пор в современном политическом дискурсе (прямое обращение к аудитории, вопросно-ответная техника, риторические вопросы, противопоставление, соединение синонимов в пары, сознательное умалчивание выводов, эмоциональные восклицания, метафора, олицетворение, клятвы и призывы к богам). Речевой прием № 10 Демосфена – клятвы и призывы к богам – способствует выстраиванию доверительного моста между выступающим и слушателями. («Клянусь Зевсом!», «Да поможет нам Зевс!», «Да поможет нам Бог!»).

Говоря о лингвокультурологических особенностях речи американских президентов, нужно отметить, что религия тесно связана с духовной жизнью

американского общества. Религия является одним из важных параметров кросс-культурного сравнения. В отличие от русского политического дискурса религия в США и американской политике традиционно играет большую роль. Путин активно демонстрирует приверженность православию, посещает рождественские и пасхальные службы в храмах. Но, обращаясь к российской аудитории с политическими речами, Путин не затрагивает религиозную тему, не апеллирует к Всевышнему. Действительно, в России не принято упоминать Бога в публичной риторике, в США – наоборот: политик, умалчивающий о Нем, – это что-то невероятное. Тема религии в американской политике является актуальной, так как религиозные организации активно участвуют в решении социальных и общественных проблем, кроме этого религия оказывает огромное влияние на политическую жизнь страны.

Религия как одна из форм культуры занимает в американской политике большее место, что обусловлено историей, культурой, традициями народа. Америка в целом религиозная страна, и большинство избирателей – верующие, желающие видеть в Белом доме политика, похожего на них. Вместе тем ученые отмечают определенную противоречивость Первой поправки Конституции США, предусматривающей то, что «конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной…. Поправка сформулирована понятно и однозначно, но на практике порой даже специалистам по конституционному законодательству США сложно разграничить линию между правительством и религией. К примеру, учащиеся государственных школ в течение дня не могут молиться открыто, но сессии Конгресса США каждый раз открываются молитвой, которую читает священник». [122, с. 99].

Нужно также заметить, что все 45 текстов американских президентов – от Джорджа Вашингтона до Дональда Трампа – к своему народу, заканчивающиеся обращением к Богу, являются достаточно индивидуальными по словарному набору,

но схожими по силе выражения эмоций с использованием восклицательных предложений. Известно, что восклицательные предложения, более характерные для художественной литературы, поэзии, перешли и в политический дискурс: «Мольбы Тому Всемогущему», «благость той силы», «твердое упование на Него!», «Который благословил нас», «Они созданы по образу Божьему», «Нас будет защищать Бог!» и т. д.

Известный американский журналист из «Christian Post» Джерри Ньюкомб в своей статье «Президенты США о Боге во время инаугурации» (A List of All the Presidents Who Mentioned God in an Inaugural Address) проанализировал речи президентов США, которые в своей инаугурационной речи говорили или хотя бы упоминали о Боге. [The Christian Post. 20.01.2017]. Ознакомившись с материалами статьи, мы убедились в том, что, действительно, ни один президент не обходит тему Бога. Приведем примеры некоторые из выступлений, наиболее популярных американских президентов, оставивших свой след в американской и всеобщей истории, отличающихся друг от друга оценками, стилями мышления. Джордж Вашингтон: «Было бы странно и неприлично не указывать в этом первой официальном действии мои страстные мольбы Тому Всемогущему, который правит Вселенной». ["It would be peculiarly improper to omit, in this first official act, my fervent supplications to that Almighty Being who rules over the universe...."]. Джон Куинси Адамс цитировал Писание таким образом: «если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж». ["Except the Lord keep the city, the watchman waked in Vain."]. Эндрю Джексон подчеркивал «благость той силы, чье провидение милосердно защищает наше национальное младенчество» ["the goodness of that Power whose providence mercifully protected our national infancy."]. 10-й президент США Джон Тайлер взывал о «защите постоянно бодрствующего и правящего над всем Бога». ["the protecting care of an everwatchful and overruling Providence."]. 16-й президент Авраам Линкольн в своей речи подчеркнул, что «Нам поможет интеллект, патриотизм, христианство и твердое упование на Него… ». ["Intelligence, patriotism,

Christianity, and a firm reliance on Him who has never yet forsaken this favored land, are still competent to adjust in the best way all our present difficulty."]. Теодор Рузвельт (26-й президент) благодарил «Дающего добро, Который благословил нас». ["the Giver of Good who has blessed us."].

33-й президент США Гарри Трумэн, уповая на Бога, в ходе своей речи преподнес американцам *урок толерантности*, напомнив, что «все люди созданы равными, потому что они созданы по образу Божьему». ["that all men are created equal because they are created in the image of God."]. Дуайт Эйзенхауэр в своей молитве также обращался к Всевышнему Богу. ["Almighty God, as we stand here at this moment..."]. Джон Ф. Кеннеди в своей речи, уповая на Бога, заявил открыто об *американской исключительности, которую позже упоминал в своей речи Барак Обама:* «Здесь, на земле, дело Божье поистине должно быть нашим собственным». ["here on earth, God's work truly must be our own."]. Ричард Никсон сказал о поддержке, которую дает «уверенность в воле Божьей». ["sustained by our confidence in the will of God."]. Джимми Картер: «Вот передо мной Библия, которую наш первый президент использовал в 1789 году». ["Here before me is the Bible used in the inauguration of our first President in 1789."]. Рональд Рейган подчеркнул: «Мы нация под Богом, и я верю, что Бог предназначил нам быть свободными». ["We are a nation under God, and I believe God intended for us to be free."]. К откровенному религиозному ритуалу – молитве прибег Джордж Буш-старший, сказав, что его первым действием в качестве президента США будет молитва, и попросив всех склонить головы, начал молиться: «Отец Небесный...». ["And my first act as President is a prayer. I ask you to bow your heads: Heavenly Father..."].

Наиболее употребляемое словосочетание в обращении к Богу продемонстрировал 43-й президент Джордж Буш, сказав: «Да благословит вас Бог и да благословит Бог Америку». ["God bless you, and God bless America."]. 44-й президент Барак Обама заявил: «Вот источник нашей уверенности – знание, что Бог призвал нас...» ["This is the source of our confidence — the knowledge that God calls on

us to shape an uncertain destiny."]. И, наконец, 45-й президент Дональд Трамп в своей речи, которую многие СМИ назвали воинственной, заявил: «Не стоит бояться. Мы защищены, и нас всегда будут защищать великие женщины и мужчины, наши военные и наши полицейские, правоохранительные органы. Но, прежде всего, нас будет защищать Бог!». В процессе подготовки к инаугурации 45-го президента США Д. Трампа СМИ отмечают случай обращения представителей атеистических организаций с требованием запретить использование Библии в церемонии. Обращение было отклонено, дабы не нарушать традицию, заложенную в инаугурационную речь первым президентом страны Джорджем Вашингтоном.

К лингвокультурологическим особенностям американского политического дискурса относят *пропаганду и манипуляцию*, что характерно и для русского политического дискурса. Манипулятивная стратегия рассматривается как содержательная и инструментальная сторона политического дискурса, которая реализуется через языковые и риторические особенности. Стратегия манипуляции американскими политиками осуществляется, применяя в речи различные *демагогические приемы*, когда на вопрос журналиста политиком дается слишком общий, пространный ответ, а также используются вводные слова, числительные, которые, порой, не имеют отношения к ясной, точной информации.

25 января 2017 г. ведущий Мьюир (David Muir) взял интервью у президента США Дональда Трампа. В ответах Трампа нами были отмечены выразительные средства (вводное словосочетание – «на 100 %»), демонстрирующие независимость и уверенность, характерные для речи американских политиков. В американских семьях детей с самого детства учат «крепко стоять на своих двоих» – то есть быть независимыми. Личная независимость дает американцам здоровую свободу от семейных и клановых уз.

– *David Muir: Are you going to direct U.S. funds to pay for this wall? Will American taxpayers pay for the wall?*

– D.Trump: *Ultimately it'll come out of what's happening with Mexico. We're gonna be*

starting those negotiations relatively soon. And we will be in a form reimbursed by Mexico which I will say ...

– David Muir: *So, they'll pay us back?*

– D.Trump: *Yeah, absolutely, 100 percent.* (Перевод. Приложение 7)

Д. Трамп демонстрирует ситуацию с мексиканской стеной и полную уверенность в том, что за нее заплатят сами мексиканцы. Он использует вводное слово «на 100 процентов», означающее – «без всякого сомнения», «безоговорочно», «бесспорно», «иначе быть не может». Для реализации демагогических приемов Трамп использовал *клише, вводное слово*, чтобы речь его выглядела предельно убедительно и в то же время – абстрактно. Вводное слово «на 100 процентов» так же, как и глагольные компоненты (be, let, have to, sure that, can), выражает часто не конкретное действие, а нулевую информацию. То есть президент не стал пояснять – Как? Каким образом за мексиканскую стену, которая нужна США, заплатят мексиканские налогоплательщики? Но его речь звучала достаточно убедительно.

В том же интервью (*David Muir/Tramp*) для большей выразительности собственной речи Трампом используются вводные слова – «конечно» и «нет ничего важнее» – вместо утвердительной частицы «да». Слово «конечно» у Трампа для большей эмоциональности обособляется как отдельное предложение точкой, произносимое тоном уверенности, убежденности как *средство повторной или вторичной номинации*:

(Относительно прошедших выборов)

David Muir: ... what I'm asking that – when you say in your opinion millions of illegal votes, that is something that is extremely fundamental to our functioning democracy, a fair and free election.

– D. Trump: Sure. Sure. Sure.

David Muir: You say you're gonna launch an investigation.

– D. Trump: Sure, done.

Еще одной яркой культурной особенностью политического дискурса, демонстрирующей американского политика как представителя своей страны, является – *индивидуализм.* Американский индивидуализм определяется идеалами «self made man», «американской мечты», культуры успеха, соревнования и риска. Это составляло основу эмигрантской концепции успеха и индивидуализма. «В американском кино победа добра – это достижение также отдельного человека». [86, с. 100]. Иногда американский индивидуализм демонстрирует открытый *эгоизм*, который тормозит выстраивать нормальные взаимоотношения с другими странами. Как пример, может служить выход США в 2017 г. из «Парижского соглашения по климату» (01.06.2017. Выступление у Белого дома). Свое решение президент охарактеризовал как *«исполнение священного долга перед Америкой и ее гражданами».* Документ, подписанный почти двумя сотнями стран, декларирует меры по борьбе с глобальным потеплением, но, по мнению Трампа, вредит экономическим интересам Америки, *подчеркивая индивидуальные американские интересы.*

В классической книге об американской культуре «Привычки сердца» Роберта Белла (Habits of the Heart, by Robert Bellah) в центре вопрос об американском индивидуализме, о том, в какой мере он способствует утверждению ценностей либеральной демократии, а в какой – представляет для них опасность, а также о том, есть ли в США традиции и социальные навыки, способные противостоять разрушительным аспектам индивидуализма при сохранении его позитивных сторон. Р. Белла, отмечая американский прагматизм, пишет, что «американцы чаще всего вступают в отношения лишь тогда, когда им это выгодно, подчеркивая тем самым свое исключительное право на такие действия». [Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. 1985. P. 99]. Но если выгода заканчивается, пишет Белла, отношения разрываются. Приведем еще одно яркое доказательство американского индивидуализма и прагматизма через формулирование «протестантской этики» Б. Франклина: «Помни, что время – деньги. Помни, что

кредит – деньги. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги,... дарит мне проценты... Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других... Наряду с прилежанием и умеренностью ничто так не помогает молодому человеку завоевать себе положение в обществе, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятых тобой взаймы денег ни на один час сверх установленного срока...». [69, с. 100]. Так проповедует Бенджамин Франклин, слова которого достаточно близка к «образу американской культуры индивидуализма... Идеал ее – кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель... Здесь излагается своеобразная «этика». Summum bonum («высшее благо») этой этики прежде всего в преумножении капитала. [там же, с. 427].

Ярким показателем индивидуализма в политическом интервью Трампа является использование им довольно часто *личного местоимения единственного числа «Я»* в сравнении с личным местоимением «Мы» множественного числа.

В том же интервью, данном Трампом ведущему программы ABC World News Tonight Дэвид Мьюир (David Muir), читаем:

David Muir: *What are you gonna say to some of your supporters who might say, "Wait a minute, I thought Mexico was going to pay for this right at the start."*

D.Trump: *Well, I'd say very simply that they are going to pay for it. I never said they're gonna pay from the start. I said Mexico will pay for the wall. But what I will tell my supporters is, "Would you like me to wait two years or three years before I make this deal?" (Приложение 10).*

Если проанализировать количественное употребление личного местоимения «Я» единственного числа, то увидим его использование в интервью 155 раз, тогда как личное местоимение множественного числа «Мы» –79 раз. Частотное использование личного местоимения демонстрирует американский индивидуализм, характерный для американской культуры – «Я – лучше всех!», «Я всё могу и умею»,

«Я умнее других!». Данный прием демонстрирует другой очень распространенный прием – *прием самопрезентации*, желание произвести впечатление на собеседника. Лингвокультурологическая особенность выступлений американских политиков определяется в демонстрацией ими американской *исключительности* (англ. American exceptionalism), что часто мешает партнерским взаимоотношениям, не способствуя взаимопониманию и сотрудничеству.

В ходе выступления на сессии Генеральной ассамблеи ООН 44-й президент Барак Обама назвал Соединенные Штаты *исключительной* страной [The New York Times. 2009].

Он подчеркнул, что США не представляют никакой угрозы для мира. Америка, по его словам, беря на себя бремя лидерства, заполняет пустоту, которую ни одно другое государство не может заполнить («Интерфакс»). Ранее Владимир Путин в своей статье о ситуации вокруг Сирии, опубликованной в газете The New York Times, заявил, что считает опасным тезис об *исключительности американской нации*, о которой прямо заявил Обама. «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось». *American exceptionalism* – мировоззрение национальной исключительности, согласно которому Соединённые Штаты занимают особое место среди других народов с точки зрения своего национального духа, политических и религиозных институтов. Политик, заявляя об исключительности своего народа, может спровоцировать его «исключение» из нормального диалога с другими странами.

В противовес *американской исключительности* В. Путин в ходе Пленарного заседания Восточного экономического форума 2017 г. (Россия-1 ВГТРК) ответил на вопрос ведущего Ч. Роуз о том, гордится ли он своей страной:

– Ч. Роуз: *Вы гордитесь Россией, и это значит, что Вы хотите, чтобы Россия играла более значительную роль во всём мире? И это один из таких примеров.*

– В. Путин: *Это не является нашей самоцелью. Я горжусь Россией и уверен: подавляющее большинство граждан моей страны испытывает чувство любви и уважения к своей Родине. Нам есть чем гордиться: и российский культурой, и российской историей. У нас есть все основания верить в будущее нашей страны. Но у нас нет какого-то фетиша по поводу супердержавности России на мировой арене. Мы занимаемся только одним – защитой своих коренных интересов.*

Путин, демонстрируя патриотический настрой российского государства, подчеркнул, что «у нас нет какого-то фетиша по поводу супердержавности России на мировой арене». Другими словами президент говорит об отсутствии какой бы то ни было «исключительности» русской нации в отличие от американского представления о собственной единичности, незаурядности.

Традиционно подчеркивая свою *исключительность* и подкрепляя ее словами, американские политики невольно заполняют собственные речи еще одной особенностью – *воинственностью, которую они могут проявлять ввиду своей исключительности,* что также характерно для речевых тактик американского дискурса. Сегодня целый ряд политиков, политологов рассматривает американский политический дискурс, начиненный военной риторикой, военной терминологией. «Воинственность американцев, пишет И. М. Ильинский, началась с первого нападения на индейцев в 1622 г. в Джеймстауне – «бойня» 1622 г. Затем последовали Пекотская война 1637 г.; двухлетняя война в Мэриленде (1642–1643 гг.), война 1675–1676 гг. в Виргинии. Другие войны и «охота на индейцев» продолжались до начала XX века. Американцами уничтожены миллионы индейцев. Это был самый настоящий и, вероятно, самый крупный геноцид в истории человечества. От тех времен осталось лаконичное и весьма красноречивое высказывание американского военачальника северян Филипа Генри Шеридана (Philip Henry Sheridan): «Из всех индейцев, которых я встречал, хорошими были лишь мертвые индейцы». Агрессивность и экспансивность, насилие и жестокость – качества, которые были необходимы для успеха на новых землях в реальной жизни….естественно, что

пионеры-победители культивировали эти же качества в своих детях, а те – в своих. И так – от поколения к поколению, до наших дней…». [65, с. 77].

Военная терминология – достаточно большая группа слов в языке, основным назначением которой является обозначение объектов, явлений и понятий, связанных с завоеваниями и обороной страны. Военные определения являются частью открытой динамической системы языка, которая подвергается изменениям в соответствии с особыми законами развития языка, политической речи, политического дискурса. К примеру, термин, предполагающий территориальные образования – buffer zone, филологи относят и к военному конфликту. Данный термин используется политиками, дипломатами в ходе переговоров, затрагивающих военную тематику. К ним относят to declare a war; cease-fire talks – и др.

М.Н. Лату пишет, что «сегодня военные термины и понятия, как и объекты, которые они обозначают, находятся в постоянной динамике, благодаря научно-техническому прогрессу. С ростом влияния СМИ на формирование общественного мнения, исследование аспектов политического дискурса, содержание в нем военной терминологии, идиом, фреймовых структур, метафор, концептов и др., приобретают определенную значимость для разрешения возникающих и действующих конфликтов». [82, с. 66–69]. Данное положение хорошо иллюстрирует современное противостояние США и КНДР, когда обе стороны ведут информационную войну с помощью военной риторики (combative rhetoric, military rhetoric), военной терминологии. Исследование военной терминологии, когнитивных структур позволяет прояснить, какие способы эффективной коммуникации, наиболее часто используются между политиками, понять особенности стратегии и тактики поведения политиков, а также предвидеть прагматический эффект взаимодействия между странами.

Выступая с трибуны 72-й Генассамблеи ООН Президент США Дональд Трамп заявил, что США будут готовы полностью уничтожить Северную Корею в случае угрозы для Вашингтона или его союзников [rt-russian.com/]. По мнению политолога

Марка Алмонда, в своей речи президент, к сожалению, продолжил агрессивную риторику своего предшественника Барака Обамы: «….вооруженные силы будут самыми сильными, какими они были всегда», «венное время», «серьезные угрозы», «самым разрушительным оружием», «на полях сражений», «ядерное оружие», «баллистические ракеты», «опасность бесчисленных людских жертв» и т. д. Д. Трамп в своем выступлении пригрозил КНДР полным уничтожением и назвал лидера страны «человеком-ракетой» (использование *приема сравнения* не в пользу оппонента). Спустя несколько дней глава МИД КНДР Ли Ён Хо назвал американского президента «психически неуравновешенным человеком, страдающим манией величия», и заявил, что произнесенные им оскорбления делают ракетный удар по США «еще более неизбежным». После этого Трамп написал в Twitter, что северокорейские власти «долго не протянут».

Исследуя организационно-структурный аспект предвыборных компаний американских политиков, мы отметили традиционно используемую форму *теледебатов,* что только начинается зарождаться в русском политическом дискурсе (открытые теледебаты партии “Единая Россия”, 2017). Теледебаты появились в США с появлением телевидения, демонстрируя демократический характер выборов, так как все участники были поставлены в равные условия, имея равные возможности для представления своей программы. В ходе *предвыборной речи политики используют* яркие выразительные средства, риторические фигуры и тропы. Используемый в этом случае *параллелизм* позволяет кандидату выдвинуть главную информацию на первый план, гораздо усилив свойства текста выступления. На примере предвыборной речи в теледебатах Трампа и Клинтон можно прийти к выводу, что предвыборная речь обоих кандидатов обладает всеми характерными чертами политического дискурса. Лексический анализ показал, что в речи часто используются слова *высокопарного характера, клише и штампы, делая* предвыборную речь самой яркой, выразительной, запоминающейся.

Дональд Трамп демонстрирует экстравагантное поведение и свободный стиль общения, используя в предвыборной речи достаточно *простую, разговорную лексику*, изъясняется короткими, однозначными фразами [youtube.com]:

– Д. Трамп: *A lot of people up there can't get jobs. They can't get jobs, because there are no jobs, because China has our jobs and Mexico has our jobs. They all have jobs.*

– *Companies will come. They will build. They will expand. New companies will start.*

– I did not. I did not. I do not say that.

– I will bring - excuse me. I will bring back jobs. You can't bring back jobs.

– You haven't done it. You haven't done it.

В отличие от соперницы (Хиллари Клинтон), речь которой достаточно упорядочена, содержит большое количество абстрактных существительных: integration, sacrifice, hope, possibility, future, strength, violence, justice, support victory, defeat, leadership, knowledge, и др. (абстрактные или отвлеченные существительные – это слова, означающие нематериальные понятия, состояния, чувства, качества, свойства, действия). Речь Д. Трампа лишена абстрактных слов, фразеологических единиц и идиом:

Donald Trump: – *We're problem solvers, not deniers; you worked your hearts out; we don't hide from change, we harness it.*

Высокую *экспрессивность* предвыборной речи Д. Трампа определяет частое использование имен прилагательных в сравнительной и превосходной степени:

– Donald Trump: .... our enemies are getting **stronger and stronger**…we are getting **weaker;** I f I get elected president I will bring it back **bigger** and better and **stronger** than ever before; It was the most highly sought…

Анализируя речи американских политиков мы пришли к выводу о том, что политики как проводники информации стремятся к ее максимальному «обезличиванию», то есть не фокусируют внимание аудитории на характеристике того, кто эту информацию передает, какая личность, но выделяя содержание самого

выступления и сообщения с помощью убедительных приемов. К примеру, в инаугурационной речи 44-й президент Б. Обама чаще использовал *параллельные конструкции*, которые предают речи более яркий ритмический рисунок, делают ее запоминающейся. «Параллелизм представляет собой стилистический синтаксический прием, при котором две или более конструкции построены одинаково». [140, с. 50].

Barack Obama: *I stand here today…*

I thank President Bush…

Our nation is at war…

Our economy is badly weakened…

We remain a young nation…

We remain the most prosperous, powerful nation…

В тексте перевода этот прием сохраняется:

Я стою перед вами сегодня…

Я благодарен президенту Бушу…

Наша страна находится в состоянии войны…

Наша экономика серьезно ослаблена…

Мы остаемся молодой страной…

Мы остаемся самой процветающей, самой могущественной страной в мире…

Еще одним стилистическим приемом в американской речи являются предложения с вводными «there» и «it». Так же, как и в речи русских политиков, русском дискурсе, ***вводные слова*** не несут смысла, а выступают в качестве грамматического подлежащего. Вводные слова делают речь выступающего эмоциональной, логичной, связной и последовательной, но при переводе вводных слов переводчик должен сохранить и семантическое значение вводного слова и передать ту субъективную модальность, которое вводное слово характеризует речь. Вводные слова позволяют выступающему делать паузу, остановку, тем самым

привлечь внимание аудитории к высказыванию. Другими словами, вводные слова как бы приглашают к общему размышлению выступающего и аудитории, объединяют говорящего с аудиторией. Пример использования вводных слов Дональдом Трампом: [Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. February 28, 2017]:

– Donald Trump: *We have seen the attacks in France, in Belgium, in Germany, and all over the world. It is not compassionate, but reckless to allow uncontrolled entry from places where proper vetting cannot occur. (Applause.) It will be one of the great milestones in the history of the world.*

Отмечая особенность применяемых американскими политиками коммуникативных стратегий и тактик, нужно выделить тот факт, что американские политики с самого начала своего выступления, в отличие от русских политиков, стараются задать позитивную динамику предстоящего интервью и неоднократно благодарят и журналистов и всех присутствующих.

Приведем стратегии и тактики политической коммуникации, применяемые политиками США, имеющие ярко выраженную тенденцию – усиливать благодарность, используя одновременно несколько реплик с разнообразными интенсификаторами: I want to thank you very much indeed for coming to support me. It's so nice of you; Thank you very much for a lovely meeeting.

Тактика «начало коммуникации» – главная цель вежливой речи – тактично начать общение.

Q: Mr. President, thank you very much for talking to the BBC.

The President: Thank you. Thank you very much for having me.

И - Мистер Президент, спасибо большое, что вы на ББС.

П – Спасибо. Спасибо Вам большое за то, что я у вас. (ObamaBBC 1)

Здесь политик дважды использует этикетное клише ***«thank you very much»*** с дополнением ***«for having me»*** (заполучили меня), говорящим об экспрессивном характере приветствия.

Q: *Joining us now on set, the Secretary of State John Kerry. Great to have you on board, sir.*

Secretary Kerry: *Good to be here. Thank you. Good to be back.*

И – Сейчас к нам присоединится Секретарь Соединенных Штатов Джон Кэрри. Замечательно, что вы с нами, сэр.

С – И мне хорошо здесь. Хорошо вернуться. (KerryMSNBC1)

Тактика, используемая как «начало коммуникации», проводится средствами этикетного «thank you» в сочетании с другими дополнениями. Также характерным элементом является выражение положительной оценки коммуникативного события посредством таких клише, как «good to be here», «good to be back», «glad to be with you», «delighted to do so», «happy to do so». Кроме того, можно говорить об использовании *стратегии позитивной вежливости.*

Говоря о лингвокультурологических особенностях речи американских президентов, нужно отметить, что в ней активно используется религиозная терминология ввиду ее тесной связи с духовной жизнью американцев. В отличие от русского политического дискурса, религия в США и американской политике традиционно играет большую роль. К лингвокультурологическим особенностям американского политического дискурса мы отнесли индивидуализм, риторику исключительности и преобладание военной риторики и военной терминологии. В текстах американского политического интервью, с одной стороны, ведущими являются языковые средства, предназначенные для усиления «эмоционального содержания» и придания тексту наибольшей «эмотивности», с другой – используются средства, которые предназначены для убеждения аудитории. Так же, как и в русском дискурсе, в американском политическом дискурсе для достижения иллокутивной цели привлекаются разнообразные языковые средства, речевые стратегии и тактики. В теледебатах, предвыборных выступлениях, инаугурационной речи в большей степени реализуются потенциальные прагматические возможности американского языка. Наравне со словообразовательными, фонетическими

единицами, политики используют и разнообразные синтаксические средства – метафоры, риторический вопросы и т. д.

Итак, исследование лингвокультурологических особенностей политического интервью США продемонстрировало, что оно имеет набор особенностей, обусловленных, с одной стороны, исторически сложившейся американской практикой политической коммуникации, моделей речевого поведения американских политиков; с другой – нынешним состоянием лексико-стилистических свойств политического интервью и выбором ораторами определенных речевых стратегий и тактик. К доминирующим чертам американского коммуникативного поведения относятся общительность, открытость, коммуникативный демократизм, выраженная коммуникативная приветливость, доброжелательность, жизнерадостность, контактность, шумность, агрессивная самопрезентация, деловитость общения, правдивость в общении, терпимость, – характерных для низкоконтекстных культур. Поэтому слова и фразеологизмы американских политиков чаще всего не допускают двойного или скрытого толкования *(«да», «конечно», «возможно», «нет ничего важнее», «естественно», «да, верно» и др.)*. Среди лингвокультурологических особенностей политического интервью американских политиков выделяются пафосность, аргументированность, религиозность, использование параллелизмов, вводных, дискурсивных слов и т.д.

3.3. Компаративистский лингвокультурологический анализ стратегий и тактик речевого поведения политиков России и США

Необходимость компаративистического анализа стратегий речевого поведения политиков России и США обусловлена важностью учета универсальных и специфических характеристик поведения и общения политиков разных стран.

Парадигма компаративных исследований культуры формировалась в рамках разных научных дисциплин и направлений, связанных как с целостным изучением культуры, так и с анализом ее отдельных сфер и частных аспектов (Э. Тейлор, Ф. Боас, Р. Бенедикт, Б. Малиновский и др).

Причинами сопоставительного анализа политического интервью в контексте лингвокультуры на примере России и США явились следующие:

– Россия и США сопоставимы по размеру занимаемых территорий и влиянию в мире, образу мышления (стремление к неизведанному) и истории соперничества, экспансивности и отсутствию класса аристократии.

– Влияние американского варианта английского языка и американской культуры на развитие русской лингвокультуры.

– Интенсивность складывающихся взаимоотношений между русскими и американцами.

– Необходимость разработки эффективной системы межкультурной коммуникации между Россией и США в рамках перспективы международных отношений.

В исследовании был использован сопоставительный компаративистский анализ. Для *сопоставительного анализа* русского и американского интервью мы исходили из особенностей лингвокультурологических особенностей политика, его конкретных коммуникативных потребностей, учитывали форму и типологию политического интервью и особенности публичного выступления и т. д. Национально-культурная специфика текстов интервью связана с частотным употреблением в них фразеологических единиц, указывающие на географическую, историческую или культурно-бытовую соотнесенность. К примеру, *комический, иронический эффект* интервью достигается за счет использования известных шуток, идиом, анекдотов, в которых разрушается целостность фразеологической единицы, достигается несоответствие лексической единицы и изображения. Но именно этот эффект делает часто непростым для иностранца понимание смысла комического.

(«Уши им от мертвого осла»). Сопоставительный метод вместе с зарождением в компаративистике новой дисциплины – *лингвистической типологии* впервые описал В. фон Гумбольдт. Сопоставительный метод называется также сравнительно-сопоставительным, или типологическим. Изначально он предназначался для исследования грамматического строя неродственных языков. Его разрабатывали также Фридрих и Август Шлегель, Шарль Балли и наш соотечественник Евгений Дмитриевич Поливанов. Сопоставительный метод – это анализ формы и содержания текста как родственных, так и разноконтекстных языков с целью выявления в них общих и отличительных свойств и признаков. Сегодня наблюдается высокий интерес к проведению сопоставительных исследований. И. А. Стернин отмечает ряд причин, которыми обусловлен возрастающий интерес к сопоставлению. Среди них он указывает на желание описать разнообразные национальные картины мира; необходимость создания новых и совершенствование существующих двуязычных словарей, где представлены национально-специфические черты семантики переводных соответствий; интерес к анализу культурной специфики языкового мышления; важность обоснования и выявления универсальных черт языкового материала». [254, с. 109].

Мы обратились также к контент-анализу ткстов политического интервью, который проводился для того, чтобы выявить явления и факторы, способствующие созданию данных текстов и раскрывающие их содержание: культуру говорящего, структуру и стиль языка политика, его интонацию и ритмы общения, оценку воздействия текстов на аудиторию. Контент-анализ охватывал выборку текста за несколько лет: известные российские и американские газеты, тексты интервью, транслируемые на российских и американских телеканалах, и интернет-сайты. Всего было проанализировано более 150 текстов политического интервью. При определении единиц анализа создавалась диаграмма частотности употребления амеркианскими и русскими политиками лексико-стилистических средств речевой выразительности.

В отличие от прямолинейности и рационализма американского политика, русский политик обладает более сложным характером, многослойным сознанием, поскольку должен постоянно преодолевать определенные традиционные конструкты, находясь в вечном поиске и противоборстве старого и нового. Преодолевая природные и социальные условия, русский человек вынужден постоянно думать о выживании. Давление социальной системы воспитало в русском человеке особый тип стоицизма, которые не известны американскому характеру: постоянное сопротивление нечеловеческим условиям, основанное на вере в Бога, привело к сотворению такого понятия, как «русский дух», «русская душа», что ярко выражено в русской литературе. В отличие от яркого рационализма американца, для русского свойственна сострадание, душевность, участливость, эмоциональность. Однако в петровскую эпоху (усиление крепостного права, насильственное внедрение в русскую жизнь европейских ценностей) у русского человека стали формироваться такие черты, как отсутствие уважения к своей и другой личности, слабое развитие личной ответственности, что породило – небрежность к данному слову, обязательствам.

Анализ текста политического интервью в любом языке связан с лингвокультурным аспектом, так как каждая лингвистическая единица речи политика (фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение) функционирует в определенной речевой культуре, особенной форме подачи своей речи, будь то программная речь, «прямая линия» или теледебаты. Политик всегда имеет возможность выбрать те или иные фразеологические эмоционально-выразительные единицы, наиболее подходящие к данному интервью и отражающие его индивидуальную культуру.

Политическое интервью как объект лингвокультурологического анализа имеет набор особенностей, обусловленных, с одной стороны, исторически сложившейся в той или иной стране практикой политической коммуникации, моделей речевого поведения политиков, с другой – нынешним состоянием лексико-стилистических

свойств, выбором речевых стратегий национальными ораторами. Известно, что каждый язык, каждая культура является неповторимой национальной системой знаков и символов, тем не менее, анализируя культурологические и стилистические особенности речи русских и американских политиков, стоит обратить внимание на тот факт, что в политическом интервью обеих культур, наравне с большими различиями, существует и общее, характерное для интервью обеих стран – это содержание базовой дефиниции самого термина «политическое интервью», генеральная задача которого – воздействие на массовое сознание общественности через привлечение политиками лексических и синтактико-стилистических средства образно-эмоциональной выразительности. Другими словами, общее, что связывает американских и русских политиков то, что и те и другие в рамках политического интервью, «прямой линии», политического ток-щоу, теледебатов ставят одну задачу – повлиять и склонить на свою сторону электорат.

Русских и американцев одновременно притягивает и отталкивает друг от друга, что объясняется внутренними противоречиями, характерными для обеих стран. Специалисты по российско-американскому деловому партнерству считают, что «в сущности, основная граница между людьми проходит по нравственному водоразделу, а не по географическим, этническим, демографическим или политическим признакам». [3, с. 77]. Репертуар используемых русскими и американскими политиками тропов и фигур в публичных речах повторяются, часто являются общими по форме, но значительная разница обнаруживается в содержании, обусловленном особенностями национальной/личной культуры политика и особенностями системы языка. К примеру, В. Путин, Д. Трамп и предыдущий президент Барак Обама активно используют известные действенные лексические и синтактико-стилистические средства образно-эмоциональной выразительности (тропы, синтаксические и стилистические фигуры, смысловые и ритмические паузы, метафоры, идиомы, риторические вопросы, ирония, шутки, анекдоты, и т. д.), *но содержание тех же шуток, анекдотов, агрессивных тактик, риторических*

вопросов, их направленность и характер имеют национально-культурные маркеры и обусловлены уровнем личной культуры оратора.

В лингвокультурологическом анализе текстов политического интервью России и США мы базируемся на теоретических положениях концепции *высоко- и низкоконтекстуальных культур* американского антрополога и кросс-культурного исследователя, создателя науки проксемики Э. Холла, утверждавшего, что трудности в осуществлении межкультурной коммуникации возникают не из-за языкового кода или набора символов, а контекста, который содержит множество значений. [Hall Edward]. Если в российском политическом дискурсе речевая культура отражает чаще многословность, типичную для высококонтекстуальных культур, то представители политического интервью США излагают свои мысли прямо и открыто.

Обратимся к яркой культурологической особенности речи русских и американских политиков (Багдасарьян Н. Г., Введенская Л. А., Граудина Л. К., Дунев А. И., Черняк В. Д. и др.), которые используют *шутки, смешные истории, анекдоты*. Ситуация, которая положена в основу шутки может сопровождаться нетождественными моделями поведения участников коммуникации, которые обусловлены различием в восприятии идентичного фрагмента действительности представителями разных культур и, как следствие, иметь разные способы языкового выражения. Частотность употребления политиками в речи смешных историй, шуток может зависеть и от индивидуальных особенностей (гендерных, профессиональных, социальных) адресата. Специалисты полагают, что языковое и речевое использование *шутки* – это не их противопоставление, а осмысление одного и того же явления под разными углами зрения. [130, с. 90].

Анализируя использование В. Путиным *юмора,* нужно заметить, что в подавляющем большинстве они носят социальный и политизированный характер через *экспрессивные, стилистически сниженные и грубовато-фамильярные синонимы.* Данное обстоятельство отличает характер шуток американских

президентов, имеющих часто личный характер (перенос на семью, детей, коллег, соратников по партии).

Интерес к политическому юмору достаточно высок, поскольку он демонстрирует не только стереотипы, существующие на протяжении длительного времени в национальной культуре, но и востребованные тренды политического процесса, формирующие повестку дня. То есть юмор отражает степень развития общественного сознания, тесно связанный со сферами политической культуры граждан, политической этики и поведения политической элиты. В русском политическом дискурсе имеют место частые шутки о возвращении Аляски Российской Федерации, которую за символическую цену продал Америке Александр II.

(Вопрос в ходе Прямой линии с президентом. Россия-1 ВГТРК.2017):

– Телезрительница Фаина Ивановна: *Скажите, есть ли в планах присоединение Аляски? Были бы очень рады. Фаина Ивановна.*

– В. Путин*: Фаина Ивановна, дорогая, зачем вам Аляска? Мы тогда, в XIX веке, кажется, тысячи квадратных километров за 7,5 млн долларов продали. Правда, золотом. Но все равно недорого. У нас северная страна, 70 % наших территорий относятся к районам Крайнего Севера. На Аляске тоже холодно. Давайте не будем горячиться. Придется им там северные платить…*

Сравним использование юмора 44-м экс-президентом с юмором Путина, в котором Барак Обама использует шутки, касающиеся его близких и коллег.

Президентский ужин для журналистов в Белом доме [youtube.com]. Барак Обама в последний раз присутствовал на этом мероприятии в качестве президента США. В прощальной речи он сыпал шутками в адрес Хиллари Клинтон, Дональда Трампа, своей жены и самого себя.

- But the prospect of leaving the White House is a mixed bag. You might have heard that someone jumped the White House fence last week, but I have to give Secret Service credit -- they found Michelle, brought her back, she's safe back at home now. (Laughter

and applause.) It's only nine more months, baby. Settle down. (Laughter.) (Перевод. Приложение 7).

По сложившейся традиции американского политического дискурса, речь уходящего президента должна носить шутливый характер:

- *As for me and Michelle, we've decided to stay in D.C. for a couple more years. (Applause.) Thank you. This way, our youngest daughter can finish up high school, Michelle can stay closer to her plot of carrots. (Laughter.) She's already making plans to see them every day.*

По инициативе объединения садоводов Kitchen Gardeners International более 100 тысяч человек подписали петицию, призывающую чету Обама возродить огород, который ранее существовал при Белом доме, что стало предметом шуток в период выборов нового президента. Клинтон пообещала Мишель оставить ее огород в случае своей победы:

– Х. Клинтон: *Обещаю, Мишель, что если выиграю президентские выборы, буду заботиться о твоем огороде во дворе Белого дома.*

Наряду с шутками в адрес представителей американского истеблишмента, хозяин Белого дома не должен забывать пошутить и над собой, что является недопустимым и не характерным для русских политиков:

- *Eight years ago, I was a young man, full of idealism and vigor, and look at me now. (Laughter.) I am gray and grizzled, just counting down the days 'til my death panel. (Приложение 9.)*

- *And there's one area where Donald's experience could be invaluable - and that's closing Guantanamo. Because Trump knows a thing or two about running waterfront properties into the ground. (Laughter and applause.) (Приложение 10)*

Анекдоты имеют огромный воздействующий потенциал на слушателя. Данное обстоятельство объясняется тем, что шутливые сообщения легко воспринимаются даже слабо подготовленными слушателями, которые не способны часто глубоко осмыслить политические проблемы. Шутки, анекдоты легко запоминаются,

пересказываются, привлекают внимание и вызывают интерес к оратору. Использование игры слов, приема номинации, метафоры многозначных слов, создающих комический эффект может представлять собой имплицитную форму подачи сведений, что усиливает его прагматическое воздействие.

Одно из главных отличий текстов речи, заполненной шутками, анекдотами, пословицами в речи русских и американских политиков, – это использование *просторечивой лексики русскими политиками* (Россия) и *пафосность* американцев. *Просторечие* – своеобразная подсистема русского языка, не имеющая прямых аналогов в других национальных языках. Как было отмечено раннее (2.1.), просторечие более всего характерно для малообразованных носителей языка в разговорной речи. Однако в последнее время все большее количество политических деятелей используют в своих выступлениях элементы *просторечия.*

Для языка российского политического интервью характерно *функционально-стилистическое просторечие* (И. Б. Голуб), представляющий собой сознательное, преднамеренное использование субстандартных грубых, вульгарных единиц, непристойных слов и идиом для выражения особой экспрессии, снижения и упрощения речи, для резко негативной оценки и эпатирования собеседника: «огроменный», «причапать», а также бранные слова и выражения, которые являются наддиалектными, общерусскими, не входящими в сферу литературного лексикона. В. В. Химик пишет, что «обращение к сниженным и часто к нелитературным, субстандартным единицам позволяет говорящему эффективно снимать эмоциональное напряжение, «расслабляться», отказываясь в определенных ситуациях от следования языковым правилам или нормам речевого поведения. Наконец, область *низкого* – это специфическая сфера массового, доступного всем словотворчества, юмористического самовыражения и языковой игры». [137).

В. Путин допускает использование в речи субстандартные грубые единицы:

– В. Путин: *(на встрече с литераторами): Толстому не нужно было добавлять лексику, Чехову тоже, Бунину не нужно было. Вам виднее –*

литераторам. Может, чтобы быть ближе к народу и можно допустить неформальную лексику?

Исследуя речь Дональда Трампа и предыдущих президентов США, мы пришли к выводу, что на протяжении долгой истории выступления американских политиков, первых глав государства имели неизменный важный, *пафосный характер,* лишенные просторечия, простых народных слов и выражений.

– Барак Обама (прощальный ужин в белом доме): *Добрый вечер всем. Это честь для меня – находиться здесь во время моего последнего (возможно, вообще последнего) ужина ассоциации корреспондентов в Белом доме. Вы все замечательно выглядите. Конец Республики еще никогда не смотрелся лучше.*

Пафос речи уходящего президента содержит в себе сочетание комического и трагического, где комизм отражает социально значимые противоречия реальности под углом зрения эмоционально-критического к ним отношения. *Комедийная* составляющая в речи уходящего президента вызвала смех, и в то же время она продемонстрировала глубокую критику к самому себе, к своей команде, упомянув о жене Мишель, которая не сможет ухаживать за своими морковными грядками. *Трагическое* в речи уходящего президента слышится через глубокое сожаление по поводу окончания президентства, потери власти и необходимости оставить Белый дом.

Достаточно пафосной речь американских политиков делает – *их апелляция к Богу.* В отличие от русского политического дискурса, религия в США и американской политике традиционно играет большую роль. Путин активно демонстрирует приверженность православию, посещает рождественские и пасхальные службы в храмах. Но, обращаясь к российской аудитории с политическими речами, Путин к Богу не апеллирует. Действительно, в России не принято упоминать Бога в публичной политике – в США наоборот.

Ознакомившись с материалами программных речей 45 президентов США, мы

убедились в том, что, действительно, ни один президент не обходит тему Бога или Того Всемогущего.

Отметим еще одно отличие, ярко проявляемого в политическом дискурсе Россия – США: антитеза «индивидуализм – коллективизм», устойчиво закрепившаяся еще в XIX веке в трудах социологов и специалистов по социальной психологии. США – страна с ярко выраженной индивидуалистической культурой, где американцы всегда подчеркивают свою индивидуальность, «Я» пишут с большой буквы.

Ярким показателем *индивидуализма* в политическом интервью Трампа является использование им довольно часто *личного местоимения единственного числа «Я»* в сравнении с личным местоимением «Мы» множественного числа.

В том же интервью, данном Трампом ведущему программы ABC World News Tonight Дэвид Мьюир (David Muir), читаем:

– Дэвид Мьюир: *Позвольте спросить, осознали ли вы всю значимость своей работы?*

– Д. Трамп:… ***Я осознаю*** *масштабы своей работы. Осознаю масштабы….. Конечно,* ***я могу подождать*** *год, могу отложить строительство стены. Но* ***я хочу ее построить****…. **Но я говорю вам**, что они заплатят… Вы должны понять: то, что я делаю, на пользу США…. **я отвечу очень просто**: они за нее заплатят.*

И еще одно выразительное средство использует президент Д. Трамп с целью произвести впечатление – фразеологизм – «*бремя драконовских финансовых ограничений*». Фразеологизм «драконовские законы, драконовские ограничения» предполагают сверхжесткие, жестокие меры. Первый законодатель Афинской республики (VII век до н. э.) именовался Драконом – принятые им законы были чрезвычайно суровы и карали, например, смертной казнью за кражу овощей.

Российская культура, напротив, всегда была склонна к коллективизму, в отличие от западной культуры, где ценности индивидуализма с рождения закладываются в сознание человека. В доказательств можно привести слова Путина

– «Новогоднее обращение президента к россиянам» (2017 г.). Целью данного выступления всегда являются результаты коллективной работы президента с народом, планирование на предстоящий год, поздравления и пожелания. Президент в ходе речи неоднократно формулирует мысль: «Все, что достигнуто, было бы просто невозможно без вашей постоянной поддержки, без вашего доверия, без вашего прямого участия в возрождении страны».

Важным, на наш взгляд, является использование политиками *личных местоимений «Я» и «Мы».* В речи президента встречаются довольно часто конструкции, выраженные глаголом в форме 1-го лица в сочетании с личным местоимением или глаголом в форме 1-го лица без местоимения. В качестве таких моделей может служить речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 2017 г. в рамках Пленарного заседания: «не будем забывать», «мы знаем», «думаю», «я подчеркиваю», «я убежден», «я считаю» и т. п. Тем не менее преобладающим в данных конструкциях речи стало личное местоимение 1-го лица единственного числа «Я», реже употребляется местоимение множественного числа «Мы».

В. Путин: *«Вчера я уже упоминал об этом, встречался с нашими иностранными инвесторами»; «Тот пример, о котором я только что сказал»; «Что бы я хотел сказать здесь и что я говорил уже неоднократно»; «Я уже говорил на пресс-конференции недавно в Китае»; «Я знаю, что и в действующей администрации Соединенных Штатов, если вы меня об этом спросили, много здравых людей»; «Я уже говорил о том, что растёт товарооборот»; «Я говорил, промышленное производство в целом – 2,6, а здесь около 6 процентов»; «как я уже говорил в своём выступлении, будем целенаправленно уделять этому региону повышенное внимание»; «я уже говорил о логистических возможностях»; «Я уже говорил об этом в своём выступлении, но некоторые ключевые вещи повторю, безусловно» и т.д. [Речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 7 сентября 2017 года в рамках Пленарного заседания].*

Преобладающим в речи президента стало личное местоимение «Я», которое логически заключает в себе функциональную особенность, суть которой в том, что президент как глава государства осознает свою ответственность перед народом и берет на себя обязанность самостоятельно принимать важные решения по серьезным политическим вопросам. Но, наравне с личным местоимением «Я», Путин также употребляет местоимение 1-го лица множественного числа «Мы», пытаясь показать единение и близость с народом, создавая целостный образ России: «В России в целом мы тоже наблюдаем эту позитивную динамику – рост 4,1 процента», «Мы не будем останавливаться на достигнутом», «Мы хорошо понимаем, что бизнес заинтересован в снятии торговых, протекционистских барьеров» и т. д. [Речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 7 сентября 2017 г. в рамках Пленарного заседания. Россия-1 ВГТРК.].

Проанализировав речь Президента в ходе «Прямой линии мс президентом» (15.06.2017), можно отметить, что в рамках данного мероприятия президент, использует местоимение «мы» множественного числа гораздо чаще, чем местоимение «Я». Местоимение «мы» в ходе «прямой линии – «вопрос-ответ»» прозвучал в речи президента 117 раз. Местоимение «Я» прозвучало в речи президента гораздо меньшее – 57 раз, что свидетельствует о том, что «Прямая линия с президентом» больше объединило его со всей страной, нежели Экономический Форум, где в основном шел диалог с представителями зарубежных компаний, и президент чувствовал большее напряжение и ответственность за судьбу страны.

– В. Путин: *Я ещё вернусь к этому и скажу; Я здесь кое-какие данные актуальные для себя взял, чтобы не забыть, могу с ними вас тоже познакомить, это последние данные; я не могу о нём не сказать…*

Проявление патриотизма и единение президента со своим народом наблюдался в известной «Крымской речи» (24 март 2014 г.), где также превалировало местоимение множественного числа «Мы» (более 87 раз):

В. Путин: *Мы всегда уважали территориальную целостность украинской державы, в отличие, кстати, от тех, кто принёс единство Украины в жертву своим политическим амбициям. Они щеголяют лозунгами о великой Украине, но именно они сделали всё, чтобы расколоть страну. Сегодняшнее гражданское противостояние целиком на их совести. Хочу, чтобы вы меня услышали, дорогие друзья. Не верьте тем, кто пугает вас Россией, кричит о том, что за Крымом последуют другие регионы. Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно. Мы хотим дружбы с Украиной, хотим, чтобы она была сильным, суверенным, самодостаточным государством. Ведь для нас Украина – это один из ведущих партнёров, у нас множество совместных проектов, и, несмотря ни на что, я верю в их успех. И главное: мы хотим, чтобы на землю Украины пришли мир и согласие, и вместе с другими странами готовы оказывать этому всемерное содействие и поддержку.*

Использование президентами России и США личных местоимений «Я» и «Мы» в политическом дискурсе является важным, на наш взгляд, так как демонстрирует их личное отношение и ответственность перед собственным народом. Повторы личных местоимений усиливают выразительность речи политиков, придают выступлению эмоциональность и зрительную впечатлительность. Местоимения усиливают прагматическое воздействие на аудиторию, а также выражают личное обращение к чувствам и эмоциям аудитории. Традиционно подчеркивая свою *исключительность* и, подкрепляя ее словами, американские политики невольно заполняют собственные речи еще одной особенностью – *воинственностью,* примеры которой были приведены в предыдущем параграфе..

Противопоставим сдержанную (миролюбивую) политику русских и ее отражение в политическом дискурсе политиков.

– В. Путин: *Мы должны обеспечить успешное развитие страны, используя внутренние резервы. Консолидироваться и мобилизоваться, но не для войн и противостояния, а для упорного труда, не отгораживаясь от внешнего мира.*

– В. Путин*: По поводу принципов нашей внешней политики – она должна быть миролюбивой. Мы должны спокойно, достойно и эффективно обустраивать свою страну, не отгораживаясь от внешнего мира, не разрывая связь с партнерами и не давая вести себя с нами пренебрежительно и менторски.*

Можно привести пример речи Сергея Лаврова на 72-й Генассамблее ООН, которое шло вслед за выступлением американского президента Дональда Трампа на Генассамблее ООН, которое наделало много шума из-за своей воинственной риторики:

– С. Лавров: *К сожалению, в арсенале ряда западных государств все чаще преобладает не дипломатия, а грубое давление. Применение односторонних санкций сверх тех, которые вводит Совет Безопасности ООН, нелегитимно и подрывает коллективный характер международных усилий.*

Приведем еще один пример, отличающий политический дискурс американских политиков и политиков России, – это использование в речи *провокативных стратегий, агрессивных тактик*. *Тактика оскорбления* часто употребляется как в американских СМИ, цель которой – обвинить и унизить противника с использованием высоко эмоционального компонента вместо предоставления аргументов, фактов и доказательств.

Приведем пример *тактики оскорбления* в ходе ведения политического интервью, данное главным ястребом США Джоном Маккейном «Скандальное интервью Джона Маккейна о Путине в авторской программе «Немцова. Интервью». 16 января 2017. сенатор в "Немцова. Интервью". 16 января 2017 г.

– Жанна Немцова: *Избранный президент провел первую конференцию после выборов и на ней впервые открыто признал, что хакерскими атаками во время*

предвыборной кампании стоит Россия. Как Вы думаете, каким должен быть ответ американской стороны?

– Дж. Маккейн: *Мне было очень приятно слышать это признание. Он правильно ответил, что и другие страны занимаются подобным, но я рад, что Трамп признал, что русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет.*

– Жанна Немцова: *Да, но в то же время Трамп говорит, что симпатия Путина – его преимущество, а не недостаток новой администрации, что Путин будет уважать США гораздо больше, чем раньше и не будет взламывать компьютерные сети. Что Вы думаете по этому поводу?*

– Дж. Маккейн: *Я вот, что думаю. Владимир Пути – убийца, бандит и продукт КГБ, который старается использовать любую ситуацию в свою пользу. Я видел уже трех президентов США – Буша, Клинтона и Обаму, которые верили в то, что с Путиным можно наладить отношения. Они хвалили его. Например Джордж Буш сказал, что он заглянул в глаза Путина и увидел его душу. А при Обаме все помнят кнопку перезагрузки отношений с Россией. Но все мы понимаем, кто такой Путин. Нам нужно вернуться к концепции времен правления Рейгана – «мир с помощью силы», потому что единственный язык, который понимает Путин – это язык силы.*

В тексте присутствует злая ирония *(«Мне было очень приятно слышать это признание»),* оскорбления *(«Владимир Пути – убийца, бандит и продукт КГБ, который старается использовать любую ситуацию в свою пользу»),* лживые утверждения *(«русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет»).*

Путин не отвечает на провокативные тактики, а пускает в ход *иронию с позитивным юмористическим настроем,* позволяет участникам коммуникации смягчить агрессию, минимизировать напряженную атмосферу беседы и даже нарастающий конфликт. Комментируя слова американского сенатора Джона

Маккейна, главного критика России в США, В. Путин пошутил на тему его проблем с рассудком.

В. Путин*: «Господин Маккейн, как известно, попал в плен во Вьетнаме и просидел не просто в тюрьме, а в яму его посадили. Он просидел там несколько лет. У любого человека «крыша съедет», поэтому чего там еще говорить»* [Прямая линия «разговор с Владимиром Путиным». Продолжение. 2011 г.].

В. Путин, комментируя слова Хиллари Клинтон, сравнившей его с Адольфом Гитлером, отметил, что со стороны РФ также могут быть различные сравнения деятельности политиков США, ***но Москва воздерживается от крайних высказываний.*** В ответ на слова Хиллари Клинтон, президент ответил: «С женщинами лучше не спорить», что вызвало в прессе упреки за проявленный им сарказм.

В. Путин: *«Понимаете, с женщинами лучше не спорить, лучше не вступать с ними в пререкания. Но госпожа Клинтон и раньше не отличалась особым изяществом в выражениях. Ничего, мы с ней встречались после этого и мило беседовали на различных международных мероприятиях. Думаю, что и в этом случае можно было бы найти общий язык. Но когда люди переходят определенные границы приличия, это говорит не об их силе, а об их слабости. Но для женщины слабость – это не самое плохое качество». [Новости.ru.14.06.2017].*

В ответ на оскорбление Х. Клинтон, Путин использует *сарказм как высшую форму гиперболической иронии,* основанную на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, намеренно не обнажая то, что он на самом деле думает о человеке. В фразе «с женщинами лучше не спорить» президент тонко намекает на то, что в русской традиции – женщина считается слабым полом, что ей нужно уступать во всем и извиниться, даже если она не права.

Лингвокультурологический сопоставительный метод основан на сравнении соответствующих явлений в текстах разных языков независимо от их принадлежности к той или иной языковой семье, независимо от наличия или

отсутствия между ними генетических связей. Лингвокультурологический анализ текстов политического интервью России и США позволил выявить определенные смыслы, значимые для носителей обеих культур.

Задачи лингвокультурологического анализа:

– описание текстов политического интервью в русском и американском дискурсах;

– дать характеристику типологии текстов политического интервью, использование политиками выразительных средств, речевых тактик и стратегий, отраженных в русских и американских интервью с целью влияния, завоевания и удержания власти;

– выявить универсальное и этноспецифическое в текстах американского и русского интервью;

– выявить частотность употребления тех или иных выразительных средств в текстах политического интервью.

Изучив частотное употребление американскими и русскими политиками выразительных лексико-стилистических средств выразительности, мы попытались полученные данные проанализированных более 100 текстов (50 американских + 50 русских интервью) и продемонстрировать с помощью 2-х диаграмм.

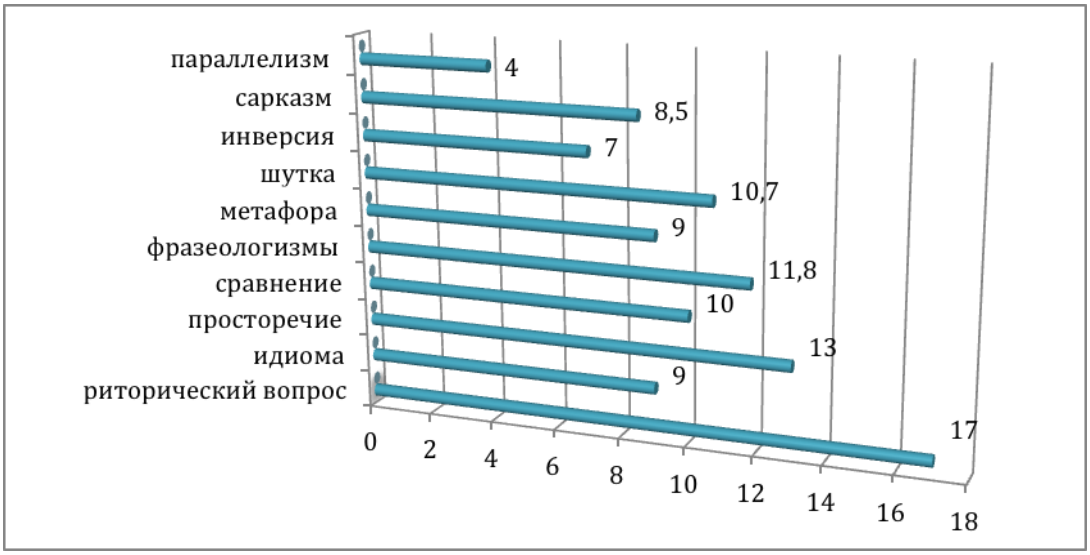

Диаграмма 1. Частотное употребление русскими политиками выразительных средств.

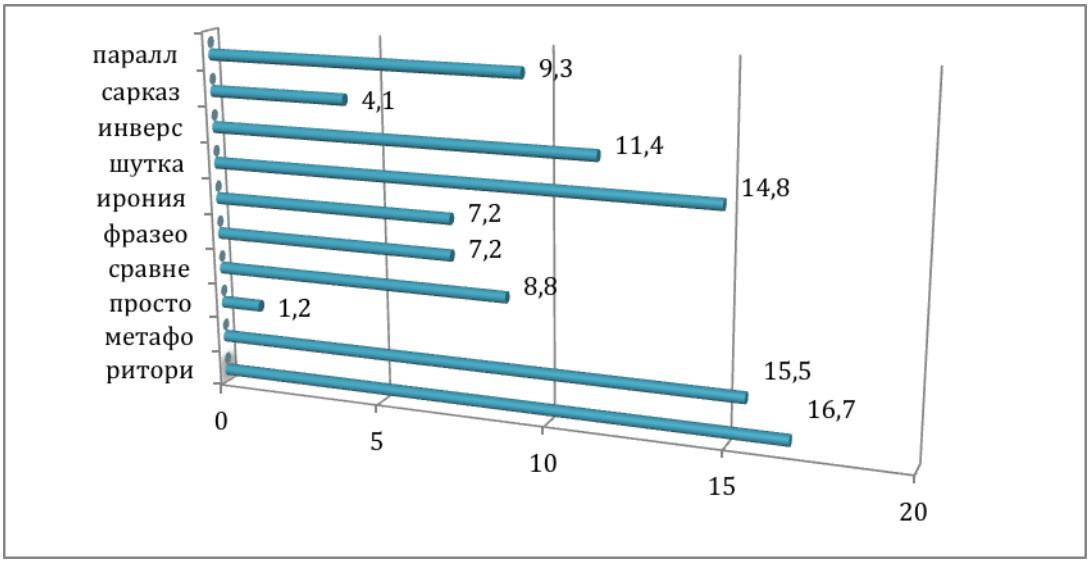

Диаграмма 2. Частотное употребление американскими политиками выразительных средств.

Частотность – это термин лексикостатистики, предназначенный для определения наиболее употребительных слов и выразительных средств. За основу мы взяли *линейный подсчет* – общее количество употребляемых выразительных средств и выражений в текстах интервью. Частотность – термин лексикостатистики (американский лингвист Моррис Сводеш / Morris Swadesh), предназначенный для определения наиболее употребительных слов и выражений.

Первый этап – линейный подсчет общего количества выразительных средств в представленных интервью; второй – выборка х-выразительных средств и его частотность на общее количество (154 интервью). (Не нужно путать термины «частотность» и «частота». Частотность – это характеристика встречаемости выразительного средства среди общего набора, измеряется в процентах. А частота –

это временная, периодическая характеристика, то есть как часто это выразительное средство встречается за один день, неделю, месяц и т. д.).

В результате количественного сопоставления, анализа частотности употребляемости выразительных средств политиками России и США, позволили сделать качественный анализ: в своей речи политики для большей выразительности часто используют выразительные средства с помощью грамматических форм и оборотов, употребляемых для оценки/характеристики предмета или явления. Если русский президент, к примеру, использует довольно часто в своей речи *просторечивый стиль* изложения своего мнения или оценки происходящих событий, которая отличается от официальной речи некодифицированностью, ненормативностью, смешанным характером используемых средств, то в речи американских политиков звучит пафосность.

Исследование национально-культурных маркеров речевых стратегий рассматривались нами, с одной стороны, как определенные механизмы вербального и невербального поведения политиков и статус этнического компонента в них; с другой – как прикладные проблемы, отражающие в практике политического дискурса, применяемые политиками различных речевых стратегий, лексических единиц как особенности национально-культурной специфики, ассоциативные стратегии, тактики носителей русского и американского языков, позволяющих судить о современной картине мире, национальных воззрениях на взаимоотношения с позиции интересов России и США. Для большей наглядности мы использовали метод табулирования, в результате получили следующую таблицу (Табл.3).

Таблица 3.

Сопоставительный лингвокультурологический анализ риторики политического интервью русских и американских политиков

Лексико-стилистические отличительные черты политической риторики	
Русское интервью	***Американское интервью***
просторечие	*пафосность*
коллективизм	*индивидуализм*
сдержанность, взвешенность	*исключительность, задиристость*
эмоциональность, многословность, пространность, пышнословие	*рациональность, прямота, немногословность*
социльно-политизированный характер шуток, иронии, анекдотов	*личностный характер шуток, иронии, анекдотов*
стремление к сохранению мирных отношений, уступчивость, несклонность к вражде и ссорам, договороспособность, желение идти к соглашению путем переговоров	*воинственность, склонность активно отстаивать свои нтересы с помощью военных действий, агрессии, задиристость, готовность к столкновению*

Таблица 4.

Пример национально-культурных отлий русских и американцев

Национально-культурные отличия русских и американцев	
Смешанные азиатские и европейские культурные корни	*Западно-европейские культурные корни*
Коллективисты, принятие коллективных решений	*Индивидуалисты, сам человек решает свои проблемы и отставиваеи права*
Духовные ценности занимают важное место в жизни	*Материальные ценности важней духовных*
Войны велись, в большем числе, на своей территории	*Войны вкелись, как правило, на чужой территории*
Темп жизни более размеренный	*Для американцев время - деньги*
Высоко ценятся отношения в коллективе	*Карьера ставится выше отношений*
Появление осторожности («Семь раз отмерь, один раз отрежь»)	*Склонность к рискованному поведению*
Искренняя, длительная дружба	*Приятельские отношения, часто, не переходящие в глубокую, крепкую дружбу*
Полиактивность	*Моноактивность*

Выявленные национально-культурные отличия, оказывающие прямое влияние на риторику политического интервью русских и американских политиков, не означает, что русские и американцы будут терпеть неудачи в международном сотрудничестве и дипломатии. Оно может быть вполне эффективным, если будут учитываться не только различия, но и то общиее сходство, которое существует

между нашими странами, помня о них и используя их в построении политического дискурса. Представим некоторые из них. (Табл. 5).

Таблица 5.

Национально-культурные общие маркеры русских и американцев

Национально-культурная сопоставимость русских и американцев
Обе страны занимают большую территорию. *Площадь России занимает примерно одну седьмую часть суши всей Земли.* *Россия имеет самую большую территорию среди всех государств мира.* *Соединенные Штаты Америкаи - самое большое государство в Северной Америке*
Благодаря проживанию на большие территориях, и русские и американцы сформировали определенный образ мышления – стремление к большому, интерес к неизведанному, желание заглянуть за горизонт (большие дома, большие машины у американцев – у русских - создание первой космической ракеты)
Полинациональность, поликонфессиональность
Эспансионизм: Россия и Америка - исторические экспансионисты, раздвинувшие свои территории на запад (США) и восток (Россия)
Юмор, ирония, шутки в общении
США и Россия - атомные державы, осуществивших разработку, производство и испытания ядерного оружия.
Проявление гостеприимства
Русскому и американскому народам присущ дух мессианства: американцы видят свое предназначение в "экспорте" и установлении демократии на всей планете. Русские же всегда стремились объединить Европу и Азию, сохраняя и развивая духовные ценности в противовес западному прагматизму
В России и Америке отсутствует класс аристократов

Культурно-исторические идентичности русских и американцев (факт занимаемых значительных территорий, влияющий и образ мышления – стремление к большому; стремление к инновационной технологичности (покорение космоса); ядерные державы и способ строить определенные отношения с соседями; экспансионизм на Запад и Восток; дух мессианства, повлиявший на культуру и ментальность – «экспорт» США демократии и мирные притязания России на особую роль русского мира; отсутствие класса аристократов и склонность к простоте коммуникаций.

В налаживании международных связей, эффективной коммуникации в ходе политического диалога нужно помнить о том, что кросс-культурное сотрудничество – это улица с двусторонним движением, где обе стороны должны двигаться навстречу друг другу, руководствуясь общими дорожными правилами. Конечно, есть международные правила ведения бизнеса, но есть и отличия, являющиеся следствием различий культур. О. А. Леонтович пишет, что «отличительные свойства культур могут по-настоящему проявиться только при сравнении с другими культурами. Человеческая способность к рефлексии, которая составляет основу человеческого познания и самопознания, активизируется при столкновении с межкультурными различиями, тем самым способствуя осознанию собственной культурно-языковой идентичности и создавая предпосылки для развития личности». [84, с. 71].

Использованный нами *метод контент-анализ* позволил выявить в содержании текстов интервью интересующие нас тенденции и факты. В ходе использования контент-анализа текстов интервью мы придерживались определенных принципов:

– Принцип формализации, предполагающий то, что тексты интервью, подвергающиеся анализу, содержали закрепляющие общие конкретные характеристики (отвечать жанру и формам интервью [монологическое и диалогическое полилогическое]; целенаправленная беседа интервьюера и

респондента; беседа, предполагающая прямой контакт интервьюера с респондентом; возможность учесть уровень культуры, образования, степень компетентности респондента; возможность следить за реакцией интервьюируемого, его отношением к проблеме и поставленным вопросам);

– Принцип статистической значимости, предполагающий, что значимые в тексте различные лексико-стилистические выразительные средства не должны быть единичными. То есть, они должны были многократно повторяться в текстах (риторический вопрос, идиомы, просторечие, сравнения, фразеологизмы, ирония, анекдот, инверсия, сарказм).

Опираясь на данные контент-анализа, нами были сделаны выводы о том, что в разных ситуациях, в разных временных отрезках, политиками используются в разной степени частотности те или иные выразительные средства. Осуществив подсчет использования американскими и русскими политиками тех или иных выразительных лексико-стилистических средств, мы пришли к выводу, что в большей степени русскими политиками используются в рейтинговом порядке: риторический вопрос, метафора, фразеологизмы, ирония, идиома, сравнение, антитеза, инверсия, сарказм, юмор и анекдоты.

Выводы по Главе 3

Анализ русского дискурса, речей и выступлений русских политиков подвел нас к выводу о том, что политические высказывания, выступления носят не только информационный (где преобладает тенденция к описательно-повествовательному развитию темы), но и аргументативно-аналитический характер, в котором речевые элементы и выразительные риторические формы имеют не только характер рассуждений, но и императивный, прагматический характер, в основе которого – стремление настойчиво и эффективно воздействовать на аудиторию, поэтому использование риторического вопроса, иронии, комизма, просторечия, идиом, дискурсивных слов в ней является прямой необходимостью. Среди

лингвокультурологических особенностей политического интервью американских политиков мы выделили: пафосность, аргументированность с помощью дискурсивных слов.

Говоря о лингвокультурологических особенностях речи американских президентов, нужно отметить, что в ней активно используется религиозная терминология ввиду ее тесной связи с духовной жизнью американцев. В отличие от русского политического дискурса, религия в США и американской политике традиционно играет большую роль. К лингвокультурологических особенностям американского политического дискурса мы отнесли индивидуализм, риторику исключительности и преобладание военной риторики и военной терминологии. В текстах американского политического интервью, с одной стороны, ведущими являются языковые средства, предназначенные для усиления «эмоционального содержания» и придания тексту наибольшей «эмотивности», с другой – используются средства, которые предназначены для убеждения аудитории. Так же, как и в русском дискурсе, в американском политическом дискурсе для достижения иллокутивной цели привлекаются разнообразные языковые средства, речевые стратегии и тактики. В теледебатах, предвыборных выступлениях, инаугурационной речи в большей степени реализуются потенциальные прагматические возможности американского языка. Наравне со словообразовательными, фонетическими единицами политики использует и разнообразные синтаксические средства – метафоры, риторические вопросы.

Опираясь на данные контент-анализа, нами были сделаны выводы о том, что в разных ситуациях, временных отрезках политиками используются в разной степени частотности те или иные выразительные средства. Осуществив подсчет использования американскими и русскими политиками тех или иных выразительных лексико-стилистических средств, мы пришли к выводу, что в большей степени русскими политиками используются в рейтинговом порядке: риторический вопрос,

метафора, фразеологизмы, ирония, идиома, сравнение, антитеза, инверсия, сарказм, юмор и анекдоты.

Мы согласны с тем, что каждый язык, каждая культура является неповторимой национальной системой знаков и символов, тем не менее, анализируя культурологические и стилистические особенности речи русских и американских политиков, мы обратили внимание на тот факт, что в политическом интервью обеих культур, наравне с большими различиями, существует и общее, характерное для интервью обеих стран, – это идентичная функциональность, действенность базовой дефиниции термина «политическое интервью», генеральная задача которого – воздействие на массовое сознание общественности через привлечение политиками лексических и синтактико-стилистических средства образно-эмоциональной выразительности. Другими словами, общее, что связывает американских и русских политиков в том, что и те и другие в рамках политического интервью, «прямой линии», политического ток-щоу, теледебатов ставят одну и ту же задачу – завоевать и удержать власть, склонить на свою сторону электорат.

Изучение и анализ политической речи как особой лингвокультурной области сможет внести определенный вклад в формирование нового политического дискурса, более контактного, неконфликтного, диалогичного по своей природе, а значит требующего нового коммуниканта политического дискурса – более снисходительного, более толерантного, демократичного лидера.

Заключение

Процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность (экономические и политические связи, культурный и информационный обмен) увеличивает количество стран участников международного взаимодействия, повышает активность политиков на мировой арене.

Урегулирование межнациональных и межэтнических конфликтов расширяет круг взаимодействующих партнеров, государств и регионов, и когда речь идет о политических разногласиях между странами, то подчеркивается необходимость грамотного ведения, развития и построения структуры политического диалога, разновидностью которого является *политическое интервью.* Генезис политического интервью и эволюция его форм в контексте лингвокультуры представляет собой процесс его становления от сократических бесед (античность), литературно-философского жанра до современных *диалогических* (теледебаты, политическое ток-шоу, «прямая линия с президентом», чат-шоу и др.) и *монологических* (инаугурационная речь, программная речь, юбилейная речь, послание президента о положении в стране, выход к прессе, блиц-интервью, интервью-зарисовка, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию) культурных форм и жанров.

Культурообразующая функция политического интервью должна обеспечить сохранение, передачу, воспроизводство и дальнейшее развитие культуры политической элиты средствами диалога. Важным условием поставленных задач является интеграция форм политического интервью в культуру и, наоборот, возвращение культуры – в диалог.

Выбор речевых стратегий в ходе политического интервью зависит от формы и направленности вопроса со стороны интервьюирующего. Хотя вопрос задаётся в личной форме, по своему функциональному предназначению он моделирует позицию адресата, часто не совпадающую с позицией политика. Реплика политика

имеет целью сопряжение позиций автора и адресата, которое достигается за счёт изменения позиции адресата. Выбор речевых стратегий межкультурной коммуникации русскими и американскими политиками всецело обусловлен культурными факторами и контекстом политического дискурса: личностью политика, особенностями культуры, способностью правильно оценивать речевую ситуацию, адекватным использованием выразительных средств и тропов, пониманием невербального поведения, умением «читать» произвольность/непроизвольность кинов собеседника.

Диалог как предтеча будущего интервью поначалу развивался как форма литературно-философского жанра и коммуникации, в котором постепенно развивались и усложнялись культурные риторические и стилистические формулы диалогической коммуникации. Понимание драматургии интервью позволит более эффективно решать поставленные коммуникативные задачи. Постановка интервью и постановка драмы, спектакля на сцене достаточно схожи: интервью так же, как и драма, требует предварительного планирования, написания сценария, подбор актеров (героев) и сама игра на сцене. Драматургия политического интервью, проводимого по сценарию прямого контакта интервьюера с респондентом для решения многослойного характера коммуникативной цели, выявила его общность с постановкой драмы-спектакля: а) действие (интервью) происходит все запланированное время на том же месте; б) как информационное шоу, интервью (политическое ток-шоу) и спектакль включают в себя зрелищный и соревновательный элементы, сохраняя и следуя принципам концепции развлечения; в) персонификация интервью, где политик представляет собственную программу действий и персонификация актеров на сцене, играющих собственную роль; г) с целью сохранения увлекательного характера при освещении политических интервью (театральной постановки) делается акцент на создании определенной интриги и драматизации ситуации; д) решение сверхзадачи как реализации главной идеи речи полтитика/роли актера. Разрабатывая сценарий интервью, журналист должен

помнить, что главное действующее лицо – не сам журналист, а его герой. Политик является главным коммуникатором, в его распоряжении – информация, и он может распоряжаться с ней так, как он пожелает. Данный принцип роднит интервью и спектакль, где главный герой – актер. Режиссер же – теневой участник.

В процессе межкультурной коммуникации должны учитываться национально-культурные особенности собеседника для того, чтобы установить контакт, определить культурно обусловленную коммуникативную речевую стратегию и тактику ведения интервью. Знания особенностей культуры, национального характера и менталитета актуальны в ситуации общения, способны устранить непонимание и предотвратить возможные конфликты в процессе коммуникации. Выбор речевых стратегий и тактик диалогового взаимодействия в ходе политического интервью всегда неразрывно связаны с личностью политика, особенностями его культуры, способностью правильно оценивать речевую ситуацию, готовностью при необходимости изменять ранее намеченный план речевого взаимодействия, адекватно использовать различные выразительные средства и фигурные тропы, отражающие многоаспектный психологический и культурный портрет народа. Политику важно обладать *культурой убеждения*, уметь влиять на аудиторию с помощью устного или письменного сообщения, используя различные способы словесного воздействия. Учет культурных основ политического интервью – это ценностные, национально-психологические, лексико-стилистические особенности диалогической речи представителей культур России и США, обеспечивающих достижение эффективной стратегии построения межкультурной коммуникации. Акцентуация на культурных основах политического интервью обеспечит закладку в диалог механизмов межкультурного взаимопонимания через адекватный выбор политиками России и США коммуникативных *стратегий и тактик: сдержанность*/подстрекательство, провокативность; *миролюбивость*/агрессивность, враждебность; *уважительность/* заискивание, оскорбление; *активное слушание*/перебивание, нетерпимость; *участливость*/уклонение, уход от решения

проблем; *корректность/*фамильярность; *принятие чужих взглядов и интересов/*нетерпимость.

В связи с широким пониманием текста политического интервью актуальной для нашего исследования стала проблема анализа текста интервью через культурные феномены американского и русского языков. В центре нашего внимания оказались национальные черты политика и степень влияния языка на мышление и поведение политиков в интерпретации языковых выразительных средств, при которой язык и культура рассматриваются как средство *означивания концептов* и создания собственной национальной картины мира.

Исследование лингвокультурологических особенностей политических дискурсов разных стран является необходимым, поскольку оно способствует более глубокому пониманию моделей поведения политиков, относящихся к разным культурам.

Сопоставительный лингвокультурологический анализ текстов американского англоязычного и русскоязычного политического интервью позволил выявить лингвокультурную специфику интервью, обладающего прагматическим потенциалом, воздействующего на аудиторию посредством использования выразительных персуазивных речевых средств, имеющих четкие отличительные и сходные лексико-стилистические особенности американского и русского политического дискурсов: *лексико-стилистические антитезы* и *сходство* в использовании общих выразительных средств *(инверсия, сарказм, фразеологизмы, комиссивные акты, черный юмор, анекдоты, гипербола, антитеза, метафора, ирония, идиома, сравнение, риторический вопрос).*

Список литературы

Книги

На русском языке

1. Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история теория и практика (публикации разных лет). – Ростов-на-Дону: ООО «Тура», НПК «Гефест», 2002. – 368 с. С. 322–324.

2. Антюхова Е. А., Бахриев Б. Х., Боришполец К. П., Джаббари Насир Х. Р., Зиновьева Е. С., Зонова Т. В., Каберник В. В., Лебедева М. М., Никитина Ю. А., Подберезкин А. И., Тимофеева О. А., Харкевич М. В., Шебалин Д. Д., Шебалина Е. О. Публичная дипломатия: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 272 с. Зонова Т.В. Дипломатия будущего / Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 249-256.

3. Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины» (психология и этика российско-американского делового партнерства). – М.: Дело ЛТД, 1994. 208 с.

4. Анохин П. К. Эмоции и эмоциональные расстройства. – М.: Москва, 1966. – 420 с. С.112–116.

5. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикографи. Справочное издание. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки Славянской Культуры, 1995. – 455 с.

6. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
– Екатеринбург: 2008. – 290 с. С. 8–14.

7. Бабич-Декане А. Политическая подсознание. Если технологи власти не изучат местной специфики, то политреформа будет иметь обратный результат // Политика и культура. – 2003. – № 20 (199). – С. 18.

8. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 378 с.

9. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. – 330 с.

10. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.– 360 с/

11. Барманкулов М. К. Жанры и формы событийной информации публицистики: их общность и специфика в печати, телевидении, радиовещании: Монография. – М.: МГУ, 2013. – 408 с.

12. Барышников Н. В. Профессиональная межкультурная коммуникация: Монография. - Пятигорск, 2010. – 264 с.

13. Барышников Н. В. Толерантность как основа межкультурной коммуникации. Материалы международного научно-методического симпозиума. Доклады пленарного заседания. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. 255 с.

14. Барышников Н. В. Межкультурная коммуникация в поликультурном измерении. Образование и межнациональные отношения. Education and Interethnic Relations – IEIR2012. Ч. 2. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2012. – 344 с.

15. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. – М.: Вузовский учебник: Инфра – М., 2013. – 368 с.

16. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, 1991. – 278 с.

17. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. 3-е изд. – СПб.: Азбука, 2009. – 308 с.

18. Библер В. С., Курганов С. Ю. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6.

19. Бирдвистел Р. Введение в кинесику: аннотированная система записи движений рук и тела, 1952. - 155

20. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1982. – 46 с.

21. Большая пресс-конференция Владимира Путина. 17 декабря 2015 г. Kremlin.ru

22. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание, Коммуникация. 3-е изд. – М.: Прогресс, 2009. – 356 с.

23. Васильева А. Н. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи / А. Н. Васильева. – М.: КомКнига, 2005. – 242 с.

24. Васильев Л. С. Всеобщая история. В 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность: Учебное пособие / Л. С. Васильев. -– М.: Высшая школа, 2007. Т. 2. – 233 с.

25. Введение в литературоведение. Теория литературы. Для студентов филологических факультетов госуниверситетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Московского университета,1998. – 355 с.

26. Веденина Л. Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучени. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению: Сборник статей. В 2-х ч. / Отв. ред. Л. Г. Веденина. 2007. – С. 146– 256.

27. Веденина Л. Г., Шор Е. Н. Некоторые приемы стилистического исследования текста. – М.: Наука, 1973. – 80 с.

28. Венедиктова Т. В. Человек, который создал себя сам (американский опыт в лицах и типах). – М.: ИМК, 1993. – 208 с.

29. Виноградов В. В. О художественной прозе. – М.; Л., 1930. – 186 с.

30. Виноградов С. И., Платонова О. В. и др. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. JI. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: НОРМА-ИНФРАМ, 1999. – 560 с. С. 88– 89.

31. Воевода Е. В. Формирование межкультурной компетенции: проблемы и пути их решения. В сб.: Языковой дискурс в социальной практике // Сб. науч. трудов. Международной научно-практической конференции. Федеральное

государственное бюджетное образовательное учреждение ВПО «Тверской государственный университет». – 2013. – С. 40– 44.

32. Воевода Е.В. Обучение лингвокультуре и коммуникации в условиях глобализации. В сб.: Язык и коммуникация в контексте культуры // Материалы 5-й Международной научной конференции. Федеральное агентство по образованию, ГОУс ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»; под ред. О. И. Пузырева. – 2010. – С. 36– 41.

33. Воевода Е. В. Межкультурная коммуникация в полиэтническом образовательном пространстве // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 24– 28.

34. Воевода Е. В. Глобализация, национальные интересы и межкультурная коммуникация // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2015. – Т. 4. – № 6. – С. 67– 68.

35. Воевода Е. В. По пути евразийских караванов: проблемы сотрудничества и межкультурной интеграции / Е. В. Воевода // Евразия на пути к многополярному миру: от противостояния геополитических систем к диалогу культурно-исторических обществ: Материалы III Евразийского научного форума (1–3 июля 2010 г.). В 2 т. Т. 1 / Под ред. Б. М. Ягудина. – Казань: «Intelpress+», 2011. С. 19

36. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации: автореф. ... дис. канд. фил. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 18 с.

37. Волков А. А. Курс русской риторики. – М., 2001. – 211 с.

38. Володина С. И. Конспект лекций по курсу «Риторика». Кафедра адвокатуры и нотариата. – М.: МГЮА, 2007. – 288 с.

39. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. -– 477 с.

40. Глаголев В. С., Бирюков Н. И., Зарубина Н. Н., Зонова Т. В., Самарин А. Н., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект, 2016. – 200 с.

41. Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктурности // Диалог культур и партнерство цивилизаций. XIV Международные Лихачевские научные чтения. – СПб.: СпбГУП, 2014. – С. 362– 365.

42. Глаголев В. С. Нематериальные факторы в международных отношениях / Под общей ред. И. С. Иванова // Современная наука о международных отношениях за рубежом. – 2015. – С. 10– 18.

43. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008.

44. Голуб И. Б. Стилистика русского языка и культура речи: Учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 455 с. С. 67.

45. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе: РИП-Холдинг, 2007. – 222 с. С. 7

46. Гребельник Т. В. Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2015. – № 7. – С. 44– 48.

47. Данилова Т. В. Диалог культур в контексте теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродтбека. – М., 2012. 322 с.

48. Ерасов Б. С. Социальная культурология. 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.

49. Еникеев М. И. Общая психология: Учебник для вузов. – М.: Приор, 2000. – 400 с.

50. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография / М.

Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

51. Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. – СПб: Издатель: Летний сад, 2001. - 322 с

52. Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 199 с.

53. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19. – № 1 (104). – С. 213– 228.

54. Зиновьева Е. С. Международное управление интернетом: конфликт и сотрудничество. – М., 2011. – 208 с.

55. Зиновьева Е. С. Роль социальных медиа в современных международных конфликтах: существующие научные подходы и перспективные направления исследований // Национальная безопасность / nota bene. – 2016. – № 3.– С. 358– 368.

56. Зонова Т. В. Современные международные отношения и мировая политика // Торкунов А. В., Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Афонцев С. А., Барановский В. Г., Белокреницкий В. Я., Богатуров А. Д., Боришполец К. П., Бусыгина И. М., Воскресенский А. Д., Галин А. О., Грановский А. Е., Давыдов В. М., Емельянов А. Л., Звягельская И. Д., Зонова Т. В., Кириллов В. Б., Коновалов А. А., Крутских А. В., Кувалдин В. Б. и др. Учебник для вузов. – М., 2004. – 433 с.

57. Зонова Т. В. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития // Московский государственный институт международных отношений (университет). – М., 2003. Серия Учебники МГИМО.

58. Зонова Т. В. Конфликты или консенсус: дипломатия как средство достижения мира // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 122.

59. Зонова Т. В. Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. – 2009. – Т. 7.– № 20. – С. 94– 100.

60. Зонова Т. В. Духовные основы и идеологические постулаты российской дипломатии // Религия и политика в XX веке. Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. – 2005. – С. 265-– 275.

61. Иванов Н. В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов): Монография. – М.: ЗАО «Издательство», 2010. – 215 с.

62. Иванов Н. В. Диалектика знака в речи и в языке (лингвофилософский анализ) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». – 2017. – С. 26–36.

63. Иванов Н. В. Интепретация и трансформация в переводе (на основе англо-русских и португальско-русских примеров) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 9–14.

64. Игнатов Д. В. Экспрессивно-выразительные средства языка в политическом дискурсе (на материале текстов выступлений Х. Клинтон и Д. Трампа). – 2016. – 100 с.

65. Ильинский И. М. Америка как культура войны. – СПб: Гнозис, 2016. – 244 с.

66. Ильин В. В. Аксиология. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

67. Ионова С. В. Новое в исследовании текста. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. – 244 с.

68. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. – СПб: Питер, 2008. – 288 с.

69. История всемирной литературы. В 8 т. // АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983 – 1994, в 20 т. Т.5.

70. Казарцева О. М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: Учеб. пособие. Доп. и перераб. – М.: Факел, 2013. – 511 с.

71. Казыдуб Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): Монография / Н. Н. Казыдуб. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 233 с.

72. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 477 с.

73. Караулов Ю. И. Русский язык и языковая личность. - – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

74. Карпоян С. М. Модальность как объект лингвистических исследований // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 13. – С.12 – 17.

75. Кларк Г., Карлсон Т. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Перевод с англ. Вып. № 17 / Сост. и вступ. ст. И. М..

76. Клочко К. О. Основы теории коммуникации: Курс лекций: для студентов направления «Реклама и связи с общественностью» / Сост. К. А. Клочко. – Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2012 – 96 с. – С. 56 –59.

77. Кодола Н. В. Интервью: Методика обучения. Практические советы: Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. –- 174 с. – С.112.

78. Коммерсантъ. Газета. Печать. Фрагменты. 11 мая. № 81 (6075) от 11.05.2017.

79. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб, 1999. – 320 с.

80. Кравченко С.А. Динамика культурологического воображения; всемирная культура инновационного мышления. – М.: Анкил, 2010. –392 с.

81. Лосев А.Ф. Платон. Диалоги / Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн. Серия Философское наследие. История философии, Античная. – М.: Мысль, 1986. 607 с.

82. Лату М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: канд…..филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 190 с.

83. Левашкина А. А. Реализация провокативной стратегии в американском политическом интервью: Сб. статей: Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей. – Челябинск: ЧГУ, 2015. – С.125 –129.

84. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград, 2002. – 244 с.

85. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005. – 233 с.

86. Липкин А. И. Субцивилизационная специфика США. Американский индивидуализм. Грант РГНФ «Динамика взаимоотношений науки, техники и общества в США и России на протяжении XX века». – М.: Издательство: Эксмо. – 605 с. –С. 100.

87. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л., 1972.

88. Лукина М. М. Технология интервью: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с. – С. 90.

89. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. 3-е изд. − Томск: ТГУ, 2017. – 322 с. – С. 66 –69.

90. Михайлов С. А. Журналистика Соединённых Штатов Америки. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 448 с.

91. Маруда И. И. Категория модальности и способы ее выражения. – Оренбург: Изд-во МОБУ «Лицей № 1», 2014. – 244 с.

92. 25. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

93. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 289 с. – С. 100 –105.

94. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т.1. – М., 1994. – 830 с.

95. Мицкевич Э., Файерстоун Ч. Телевидение и выборы // Комиссия по политике телевидения и радиовещания. – М., 2008. – 96 с.

96. Мощелков Е. Н. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли основные проблемы // Вестник Московского университета Серия 12: политические науки. – М.: Изд-во Московского ун-та. – 2002. № 5. – С. 5 – 19.

97. Мясоедов С. П. Российская деловая культура: воздействие на модель управления: Учебное пособие / С. П. Мясоедов, И. В. Колесникова, Л. Г. Борисова. – М.: ИД «Дело РАНХиГС», 2011. – 244 с.

98. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / Под ред. О. Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

99. Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ, 1-3 июня 2017 г.

100. Паршукова Г. Б. Апории межкультурной коммуникации. – М.: Консалтинговая группа. «ИМИДЖ– Контакт», 2003. 256 с. С. 100

101. Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 581 с.

102. Подберезкин А. И., Гебеков М. П. Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества. – М.: МГИМО-Университет, 2012. Серия Научная школа МГИМО (У). – 374 с.

Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. Москва: МГИМО-Университет, Центр военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». – М., 2016. – 338 с.

Подберезкин А. И. Третья мировая война против России. // Введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 169 с.

103. Проблемы языка и культуры в образовательном пространстве университетского комплекса: Сб. Науч. работ. – Новосибирск: НГУ, 2016. – 400 с.

104. Пустовар Е. А Сила иронии в современной политической коммуникации // В кн. Политические технологии. Речевые технологии воздействия. – М., 2011. – 233 с.

105. Пустовар Е. А. Политическое интервью как одна из важнейших форм политической коммуникации. – Киев, 2014. – 233 с.

106. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: НГУ, 1998. – 292 с.

107. Речь Президента В. В. Путина на Восточном Экономическом Форуме 07.09.2017 в рамках Пленарного заседания.

108. Рогов А.А. Русская культура: национальные особенности. – М.: Просвещение, 2009. – 322 с.

109. Родин А. Г. Манипулятивные технологии средств массовой информации в избирательном процессе: теоретические и прикладные аспекты: канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 240 с.

110. Романенко А. В. Особенность политического интервью как вида публичного диалога в коммуникативной практике // Научные исследования и разработки. «Современная коммуникативистика». – 2016. – № 6 (25). – С. 37 – 41

111. Романенко А. В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // «Известия Южного федерального университета. Педагогические науки». – 2017. – № 7. – С. 69 –78. Романенко А. В. Жанровые характеристики политического дискурса // Человеческий капитал. – 2017. – № 7 (103). – С. 92 –97

112. Романенко А. В. Генезис политического интервью и эволюция его культурных форм // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2017. – № 2. – С. 95 –102.

113. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Серия «Мастера психологии». – СПб.: Питер, 2006. – 713 с.

114. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Высшая школа, 2005.

115. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрина. 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с. (Филология мира).

116. Силантьева М. В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации / Н. И. Бирюков, Н. Н. Зарубина, Т. В. Зонова, А. Н. Самарин, М. В. Силантьева // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. – М., 2010. – С. 6 –34.

117. Силантьева М. В. Интенция Другого как основа коммуникативного акта // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Четырнадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению. – 2017. – С. 48 –64.

118. Силантьева М. В., Шестопал А. В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста. Материалы VII Конвента РАМИ. – 2012. – С. 204 – 211.

119. Сидоров Е. В., Ширяев А. Ф. Основы теории языка и речи. – М.: Военный Краснознаменный институт, 1991. – 321 с.

120. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии –. СПб.: Изд-во С.-Петербург, гос. ун-та, 1999. – 280 с.

121. Стивенс А. О чем говорит язык тела Дональда Трампа? «Euronews», 2017

122. Секретарев Р.В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США. Монография. – Благовещенск, 2011. – 210 с.

123. Смирнов А. А. О подходе к сравнительному изучению культур. – СПб, Изд.-во ГУП, 2009. – 139 с.

124. Станиславский К. С. Работа актёра над собой. Работа актёра над ролью. Собр. соч. Т. 2 –4. – М.: Искусство, 1954 –1957. Т. 3. – С. 98 –100.

125. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании. Лингвистический вестник. Вып. 4. – Ижевск, 2002. – С. 87 –94.

126. Субетто А. И. Слово (словесная вязь коротких мыслей) / Под науч. ред. В. В. Гречаного. – Костома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 508 с. – С. 88.

127. Терин В. П. Кто кого? Одновременность и последовательность как проблема межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой; отв. ред. А. В. Мальгин. – ЗАО Изд-во «Аспект Пресс», 2013. – 288 с.

128. Теория и практика советской периодической печати: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / Д. Г. Бекасов, В. М. Горохов, В. Д. Пельт и др.; под ред. В. Д. Пельта. Сведения об издании. – М.: Высшая школа, 1980. – 376 с.

129. Теляшина А. Н. Сатирические жанры современной публицистики. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 95 с. – С. 33 –36.

130. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика», «Межкультурная коммуникация» [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

131. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 334 с.

132. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 310 с.

133. Токарева М.А. Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре : канд. культурологии. – М.: 2007. – 195 с.

134. Феофанов О. А. Что может политическая реклама. Из американского опыта. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 119 с. – С. 70 –71.

135. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М.: Академический Проект: Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.

136. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen. 2-е изд. Исправл. – М.: Весь мир, 2008. – 416 с. – С.40- –42.

137. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. – 272 с.

138. Цирель С. В. Пути к государственности и демократии: исторический анализ: «Либеральная миссия», 2010. – 310 с.

139. Чащина А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 86. – 2013. – № 37 С. 60 – 62.

140. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. 3-е изд. / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др. – М.: Наука, 2016. –- 180 с.

141. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.

142. Чупахин И. Я., Бродский И .Н. Формальная логика. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1977. – 357 с.

143. Чупахин И. Я., Бродский И. Н. Формальная логика. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 357 с.

144. 81. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 199 с.

145. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. - – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

146. Шейгал Е. И. Невербальные зхнаки политического дискурса. – М.: Гнозис, 2014. – 177 с.

147. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика. – Волгоград: Перемена, 20012. – 386 с.

148. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса. Жанры речи. – Саратов, 2002. С. 205–214

149. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. 3-е изд. – Москва-Волгоград: Перемена, 2015. – 188 с.

150. Шестопал А. В., Силантьева М. В. Культурные границы в пространстве современного университета // Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления (Материалы VIII Конвента РАМИ). – 2015. – С. 113 – 131.

151. Шестопал А. В., Силантьева М. В. Проблемы культуры в системе подготовки специалистов-международников // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм (Материалы научной конференции) / Редакционная коллегия: Е. В. Воевода, Л. П. Костикова, Л. К. Раицкая, Л. С. Пичкова, М. В. Силантьева, М. В. Тимченко, А. В. Штанов. – 2014. – С. 36 – 41.

152. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М., 2002. – С. 33.

153. Шостак М. И. Журналист и его произведения – М.: Гендальф, 1998. – 96 с.

154. Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. –187 с.

На английском языке

155. Chaiken, Liberman, Eagly 1989. Heuristic and systematic information processing within and beyond the persuasion context. In Uleman, J. S. & Bargh. 199 p.

156. Canale M. From Communicative Arguments to Communicative Language Pedagogy. // Language and Communication / J. Richards, R. Schmidt (eds.). – London: Longman, 1997. 227 p.

157. Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approach to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics, 1980. № 1. – P. 1 – 47.

158. Kols R. «The Values Americans Live By / пер. с англ. Андрей Елькин. – M., 1984. 92 с Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. 1985. P. 99

159. Hall Edward T. Beyond Culture. 1976

160. Hall Edward T. The Silent Language, 1959 г.

161. Hyde Clarke. Handbook for comparative philology,1873 («Руководство для сравнительного языкознания») / Перевод Н. Подольской и К. Сенкевич. Допол и исправл. – М.: Издательство: «ЁЁ Медиа», 2012. – 144 с.

162. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. 2011. Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8 / Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур. Перевод с англ. В.Б. Кашкина

163. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Ed. By J.B.Pride, J Holmes Harmondsworth, 1972. – 87 p.

164. Faul S. Xenophobe’s Guide to the Americans. London: Oval Book, 1999. 360 p.

165. Kathleen Jamieson David Birdsell Presidential Debates: The Challenge of Creating An Informed Electorate Boulder - San Francisco, Oxford, 1995. P. 20 – 23

166. Lebedko M. Culture Bump: Overcoming Misunderstanding in Cross-Cultural Communication. Vladivostok: FESU Press, 1999. 196 p.

167. Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. February 28, 2017

168. Storti C. Americans at Work. A Guide to the Can-Do People. Yarmouth: Intercultural Press, 2004. 200 p.

Диссертации, авторефераты

169. Венциль К. Идиомы в русском политическом дискурсе: Проблема тезаурус. Представления: дис… канд. филол. наук. – М., 1997. – 345 с.

170. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: автореф. дис....канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с.

171. Гуревич Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. – М.: МГУ. 2006. – 388 с.

172. Иванов Н. В. Способы усиления экспрессии в сверхфазовом единстве и в высказывании (на материале сопоставления португальских и русских текстов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1991. – 18 с.

173. Мякотина О. В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения: автореф. дис....канд. полит. наук. – М., 2008. – 28 с.

174. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саратов. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2005. – 325 с. С. 4 – 9.

175. Федотовских Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: дисс… канд. филол. наук. Екатеринбург: УГПИ, 2005. – 328 с.

176. Филаткина Г. С. Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии : 1999 – 2014 гг. : дис. ... канд. филол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2015. – 244 с.

177. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: на материале текстов немецких политических интервью: дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2005. – 168 с.

Статьи

На русском языке

178. Александрова О. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в изучении языка // Филология как средоточие знаний о мире: Юбилейный сборник. – М. – Краснодар, 2008.

179. Алтунян А. Г. О собирателях земли Русской: Жириновский как публицист // Вопросы литературы. – 1996. – Март/апрель. – С. 83 – 89.

180. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367 с.

181. Балашова Л. В. Идиомы со значением «власть» в современном российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. УГПУ (Екатеринбург). – 2016. – № 4 (58). – С.12 – 21.

182. Басова Л. В. Административно-политический социолект в тюменских печатных СМИ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т.м 1. – № 1(1). – С. 83 – 89.

183. Бахтин М. М. Речевые жанры / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1976. – 288 с.

184. Бовин А.Е. Записки настоящего посла. – М.: Захаров, 2004. – 166 с.

185. Борисова Е. Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания-семинара. – М.: Диалог-МГУ, 2008. – 190 с.

186. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. – 2000. – Вып. 1 (9). – С. 50.

187. Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и методология толерантности // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С.74 – 86.

188. Веденина Л. Г. О книге «Языки и культуры // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 6 (33). – С. 310 – 316.

189. Веденина Л. Г. О межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения» // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 5 (26). – С. 289 – 292.

190. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 2007. – С. 251 – 275.

191. Венедиктова Т. Д. Между языком и дискурсом: кризис коммуникаций // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 50. – С. 99 – 196.

192. Венедиктова Т. Д. Литературная прагматика: конструкция одного проекта (обзор исследований литературы как коммуникации). – 2015. – № 5 (135). С. 326 – 345.

193. Виноградов В. В. Личность // Виноградов В. В. История слов / РАН. Отделение лит-ры и языка: Научный совет «Рус. язык: история и совр. состояние». Ин-т рус. яз. РАН / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1994. – С. 271 – 309.

194. Волкова О. С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. № 2 «Языкознание». – 2014. – № 5 (24). – С. 50 – 55.

195. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

196. Гаврилова М. В. Перспективы и направления исследования президентского дискурса // Политический дискурс в России. – М., 2007. – 222 с.

197. Галстян С. С. Лингвопрагматический анализ языковой личности на телевидении // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – С. 55 – 59.

198. Глаголев В. С. Личность в США: взгляд из России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2009. – № 2. – С. 33 – 47.

199. Глаголев В. С. Обучение в высшей школе США: опыт университета штата Техас города Остин // Право и управление. XXI век. – 2009. – № 2. – С. 30 – 37.

200. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Жанр интервью. – Спб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 1993. – 309 с. С.109-– 110.

201. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – С. 45 – 47.

202. Гуревич Т. М. Диалог культур на уроке иностранного языка // Новый журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2016. – № 2 (30). – С. 33 – 41.

203. Гуревич Т. М. Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 2. – С. 163–166.

204. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32 – 43, 32.

205. Дьячкова И. Г. Особенности диалога автора и читателя в литературной коммуникации // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 2 (4). – С.143 – 149.

206. Жиляева О. А. Языковая культура как фактор успешности профессиональной деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 54 – 57.

207. Зайцева М. А. Роль синтаксических стилистических средств в текстах политического дискурса // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. – 2010. – № 10. – С. 66 – 68.

208. Золотарева Л. И., Платонов В. В. Образование в контексте культуры // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5 – С. 619 – 624.

209. Ильин М. В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Полис. – 2000. – № 4. – С. 162 – 175.

210. Канарский И. В., Ушаков А. М. Поиск критериев в компаративном кросс-цивилизационном анализе политических культур // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Политология». – 2001. – № 3. – С. 104 – 110.

211. Кизима М. П. Американская культура и «мультикультурализм» (как видят данную проблему американские культурологи) // Российская американистика в поисках новых подходов (Материалы VI научной конференции ассоциациии изучения США). – М., 1999. – С. 163 – 167.

212. Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90 – 100.

213. Копалов В. Русский национальный характер // ДелоРус и Александро-Невская семья. – 2009. – № 11. – С. 66 – 77.

214. Корнейко Т. Г. Основные подходы к изучению политического языка в современных политиколингвистических исследованиях // Вестник Московского ун-та. Серия 12 «Политические науки. – 2003. – № 5.

215. Кошкин С. А. К вопросу о специфике современного российского политического дискурса // Армия и общество. – 2009. – С. 78.

216. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384 –408.

217. Кудашина В. Л. Участие эмотивной прагматики в реализации комплексной коммуникативной задачи // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 3. – С. 57 –58, 57.

218. Кузнецов Г. В. Ток-шоу: Неизвестный жанр? // Журналист. –1998. –№ 11. – С. 60 –61.

219. Лавринова Н. И. Коммуникативно-речевые стратегии и тактики как стилеобразующий фактор в политическом интервью // Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. – 2015. – № 30. – С. 225 –231.

220. Лавров С. В. Мир не стал безопаснее // Независимая газета. – 25.12.2006.

221. Ланкин В. Г. Книга как информационно-технологическая основа культуры // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С.78 –84.

222. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – 2006. –Вып. 20. – С. 264 –279.

223. Левонтина И. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. – 2014. – Вып. № 6 (63). – С. 56 –59.

224. Луканина М. В. Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 19 “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – 2003. – № 2. – С. 34 – 39.

225. Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю...» // Философия. Логика. Язык / Под ред. В. В. Петрова. – М., 1987. – 141 с.

226. Мартемьянова С. С. Аргументация и стратегии персуазивности в речевом жанре «дискуссия» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. № 9 (84). – С. 41 – 45.

227. Маслова В. А. Коммуникативный подход к проблеме эмотивности текста / В. А. Маслова // Коммуникативные аспекты значения: межвуз. сб. науч. Трудов. – Волгоград, 1990. – С. 148 –156, 150 –151.

228. Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 65 –73.

229. Михальская А. К. Полевая структура политического дискурса. Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 году. Ч. 5. – М., 2000. С. 28–70.

230. Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе: тезисы IV Международной конференции по риторике, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 26 –28 января 2000 г. – М., 2000. –С. 67 –69.

231. Михальская А. К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации:опыт обобщающей модели // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. Трудов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. Вып. 3. – С. 167 –185.

232. Морозов В. Э. Заметки о культуре речи и культуре общения // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 33 –38.

233. Морозов А. В. Деловая психология. Учебное пособие для вузов. – СПб.: Союз, 2000. 576 с.

234. Мурылев В. А. Сущность коммуникаций // Аналитика культурологии. – 2006. – № 1 (5).

235. Мусиенко Т. В. Современная компаративная политическая теория: системный анализ Г. Экстейна // Credo-new. – 2002. – Вып. 29. № 1. – С. 150 –179.

236. Назаренко Л. Прагматический эффект просторечия в языке русской политики. Pragmatical effect of Common Russian // Nová rusistika 9. – Прага, 2016. – С.100.

237. Николенко Е. А. Типовая структура дискурса интервью // Мир лингвистики и коммуникации. – 2008. – № 3 (12).

238. Новикова А. М. Содержание языковой картины политического мира // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2014. – Вып. № 12. – С.110 –112.

239. Паршина О. Н. Стратегия и тактики самопрезентации в речевом поведении современных российских политиков // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д. – 2004. – № 5. – С. 144 – 152.

240. Подберезкин А. И. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 7 – 24.

241. Подшивайлова А. М. Воздействующий потенциал комического в масс-медийном политическом дискурсе современной Украины / А. М. Подшивайлова // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания: Сб. науч. Трудов. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010 – 255 с.

242. Поздняков Э. А., Шадрина И. П. О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. № 7. 2000. С.56-69

243. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17.

244. Сизова В. В. Средства выразительности языковой личности В. Путина как политического актора, формирующего положительный имидж // Вестник Тверского государственного технического университета. – 2016. – № 3. – С.112 – 120.

245. Силантьева М. В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2016. – Т. 5. – № 4. – С. 49 – 55.

246. Силантьева М. В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2013. – Т. 2. – № 5 (6). – С. 14 – 17.

247. Силантьева М. В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2013. – Т. 2. – № 2 (3). – С. 4 – 8.

248. Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 235 – 239.

249. Силантьева М. В., Шестопал А. В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 1. – С. 11 – 23.

250. Синельникова Л. Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 4 (30). – С. 41 – 46.

251. Спиридовский О. В. Категория выразительности в президентской коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2 – С.100.

252. Степанищенко О. В. Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Социология». – 2011. – № 2. – С. 284 –292.

253. Стернин И. А. Риторика и демократия // Речевое общение: вестник Российской риторической ассоциации (Красноярский гос. Ун-т). – 2000. – Вып. 2. – С. 78 – 82.

254. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики. Золотая серия. Лучшие работы ведущих российских специалистов. – М.: Восток-Запад, 2007. 288 с.

255. Тарасов К. А. Кино как институт и индустрия социальной коммуникации / М. И. Жабский, К. А. Тарасов. Под общ. ред. М. И. Жабского // Кинематограф – зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика. – М.: Канон+, 2010. – С. 23 –60.

256. Тарасов К. А. Роль насилия в кинокоммуникации: дефиниция, эффект воздействия и его регулирование // Коммуникология. – 2017. – Том 5. – № 2. – С. 168–180.

257. Терин В. П. Инверсия как реактивный тип общественного развития // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. С. 146 – 152.

258. Терин В. П. Интернет как инструмент политического действия // Вестник МГИМО -Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 152 –156.

259. Терин В. П. Культура чтения под воздействием электронных коммуникаций // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 1. – С. 139 – 144.

260. Терин В. П. Массовая коммуникация и социологические исследования в США // Вопросы философии. – 1971. – № 12. – С. 122 – 128.

261. Терин В. П. Российское сознание в условиях электронного общения: конфликты составляющих // Мир психологии. – 2005. – № 2. – С. 130 –136.

262. Тинтин Лу. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков // Политическая лингвистика . – 2016. – № 4 (58). – С. 66 –69.

263. Трейгер Г., Холл Э. Культура и коммуникация. Модель анализа, 1954

86. Ушаков Д. Н. О московском произношении // Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 189 –196.

264. Хвостов А. А. Отражение социальных проблем общества в фильмах ужасов // Социологичские исследования. – 2011. – № 11. – С. 111 –117.

265. Химик В. В. Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении // Филологический класс. – 2014. – № 1 (35). – С. 58 –64.

266. Цуциева М. Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 2. – С.19 –22.

267. Черкасова В. П. Телевидение и интернет как каналы формирования политического сознания граждан // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 3 (31). – С. 44 –49.

268. Черняховская В. Е., Логинова И. Ю. Программа партии как персуазивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена [Текст]. – 2005. – № 5 (11): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). – С. 64 – 75.

269. Шакурова А. В. История и становление понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 2. – С. 9.

270. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи: сб. науч. статей. – Сараов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 205 – 214.

271. Чащина А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 60–62

На английском языке

272. Almond G. Harry Eckstein as Political Theorist // Comparative Political Studies. 1998. Vol. 31. P. 498 –504.

273. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the Presidency // Form, Genre and the Study of Political Discourse. Columbia (S. Car.), 1986. P.90

Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Columbia (S. Car.), 1986.

274. Van Dijк, T.A. What is political discourse analysis? // Political linguistics. Amsterdam, 1998. 279 p.

Словари

На русском языке

275. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, Терминологические словари. – М.: Советская энциклопедия. Язык, 2010. – 608 с

276. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов – СПб.: Паритет, 2006. – 320 с.

277. Библер В. С., Анатолий Ахутин, Ирина Берлянд. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2009. – 374 с.

278. Большой толковый психологический словарь / Под ред. А. Ребер. – М.: АСТ, 2003. – 1150 с. – С. 811.

279. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – 685 с.

280. Головин С. Ю. Метод Сократа, сократовский диалог. –- М.: Харвест, 1998. – 800 с.

281. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с. – С. 711.

282. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

283. Караулов Ю. Н. Энциклопедия «Русский язык». 2-е изд. – М.: «Большая Российская энциклопедия» и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1977. – 722 с.

284. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 780 с.

285. Коновалов В. Н. Словарь по политологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 318 с.

286. Лагута О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.

287. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 788 с.

288. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. – 890 с.

289. Словарь иностранных слов и выражений /Под ред. Л.Н. Смирнова. – М.: Олимп АСТ. 1997. - – С. 454.

290. Словарь. Социальная психология. Энциклопедический словарь в шести томах / Под общ. ред. А. В. Петровского. Т. 2. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 780 с.

291. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

На английском языке

292. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English by A.S. Hornby, Oxford University Press, 1974.

293. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English by A.S. Hornby, Oxford University Press, 2004. P.111.

Электронные ресурсы

На русском языке

294. Культурная идентичность [Электронный ресурс] // www.Grandas.ru: [веб-сайт] Электрон. дан. URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kulturnaya-identichnost.html.

295. Левочкин С. «Единственная возможность навести порядок в стране – это смена власти» URL: https://daily.rbc.ua/rus/show/sergey-levochkin-edinstvennaya-vozmozhnost-1489936835.html

296. Youtube.com: Новости.ru.14.06.2017; Прямая линия «разговор с Владимиром Путиным». Продолжение. 2011 (114) Интервью Джона Маккейна о Путине и Трампе / американский сенатор в программе Бориса Немцова «Интервью». 16 января 2017. («Российская газета»); Речь Сергея Лаврова на 72-й Генассамблее ООН; Речь Президента на Восточном Экономическом Форуме 7 сентября 2017 года в рамках Пленарного заседания; В.В. Путин, пресс-конференция в Астане 24.09. 1999); В. В. Путин на пресс-конференции по итогам переговоров с С. Берлускони в Риме 05.11.2003; Большая пресс-конференция Владимира Путина. 17 декабря 2015 г. Kremlin.ru.; Газета «Комсомольская правда» № 51. 17.12.2015; РБК daily. 7 дек. 2015

г.; В. В. Путин. Пресс-конференция 14.02.2008; Прямая линия с Владимиром Путиным. Россия-1 ВГТРК 15.06.2017; В. В. Путин на пресс-конференции по итогам переговоров с Сильвио Берлускони в Риме 05.11.2003 г.; Петербургский международный экономический форум (Россия-1 ВГТРК. ПМЭФ, 1-3 июня 2017 г.; В. В. Путин. Молодежный форум «Селигер – 2014». rt-russian.com/.; Еженедельная газета «Завтра» (№№ 01 (528), 02 (529) газеты «Коммерсантъ», 2017; Россия-1 ВГТРК. Прямая линия «разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. 2011 (114)»; Новости.ru.14.06.2017; Из ответов В. В. Путина на вопросы в ходе Итоговой пресс-конференции в Кремле 18.12.2014 года. rt-russian.com; Жириновский В. В. Предвыборные дебаты, Москва, 1 марта 2012. rt-russian.com.; ABC World News Tonight. ABC News, США; The New York Times. 2009.; Pool/ABACAPRESS/Коммерсантъ. 28 февраля 2017 год; Россия-1 ВГТРК.

На английском языке

297. Buchanan James Inaugural Address [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: http://yale.Edu\lawweb/Avalon

298. Bush George W. First Inaugural Address [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: http://www.americanrhetoric.com/speechbankg-l.htm.

299. The New York Times. 2009.

Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. February

Приложения

Приложение 1.

- *В.Соловьев: Мы попытались бороться вместе с мировым сообществом, но мировое сообщество нас не хочет слышать. Мы находимся в Сирии… Каковы наши реальные цели нахождения в Сирии и каковы критерии успешности?*

- *В.Путин: Хочу подтвердить тот факт, который уже известен – мы заранее предупредили своих партнеров и американских партнеров, особенно стран регионов о наших намерениях и о наших планах…. Но хочу обратить Ваше внимание на то, что нас ВООБЩЕ НИКТО И НИКОГДА при планировании или начале об операции подобного рода - не предупреждали. А мы это сделали! (См.Приложение 1).*

- *В.Соловьев: Из доброй воли.*

- *В.Путин: Из доброй воли. Исходя из соображения целесообразности и из желания показать, что мы открыты для совместной работы. Подчеркну еще раз, что мы работаем в полном соответствии с Международным правом по запросу официальных властей Сирийской Арабской Республики. А все другие страны, которые до сих пор принимали участие в подобных акциях, действуют незаконно, потому что нет ни решения Совета безопасности ООН на этот счет, нет и официального запроса сирийских властей…*

Приложение 2

- Журналист: Избранный президент провел первую конференцию после выборов и на ней впервые открыто признал, что хакерскими атаками во время предвыборной кампании стоит Россия. Как Вы думаете, каким должен быть ответ американской стороны?

- Дж. Маккейн: Мне было очень приятно слышать это признание. Он правильно ответил, что и другие страны занимаются подобным, но я рад, что Трамп признал, что русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет. (Приложение 2).

- Журналист: Да, но в то же время Трамп говорит, что симпатия Путина – его преимущество, а не недостаток новой администрации, что Путин будет уважать США гораздо больше, чем раньше и не будет взламывать компьютерные сети. Что Вы думаете по этому поводу?

- Дж. Маккейн: Я вот, что думаю. Владимир Пути – убийца, бандит и продукт КГБ, который старается использовать любую ситуацию в свою пользу. Я видел уже трех президентов США – Буша, Клинтона и Обаму, которые верили в то, что с Путиным можно наладить отношения. Они хвалили его. Например Джордж Буш сказал, что он заглянул в глаза Путина и увидел его душу. А при Обаме все помнят кнопку перезагрузки отношений с Россией. Но все мы понимаем, кто такой Путин. Нам нужно вернуться к концепции времен правления Рейгана – «мир с помощью силы», потому что единственный язык, который понимает Путин – это язык силы.

Приложение 3.

Приложение 4.

(о намерении президента вернуть рабочие места Америке)

- Дэвид Мьюир: Мы еще поговорим об этом.

- Д.Трамп: Хорошо.

- Дэвид Мьюир: Господин президент, я хочу начать с того, что вы пятый день в должности. Поговорить о ваших предвыборных обещаниях. Я сегодня узнал, что вы планирует подписать распоряжение о строительстве стены.

- Д.Трамп: Верно.

Приложение 5.

- *Более 43 млн человек сегодня живут в бедности. И более 43 млн американцев сидят на продуктовых талонах. Более 20% граждан в самом расцвете трудовых сил не работают. За последние восемь лет ушедшая администрация накопила почти столько же новых долгов, сколько все остальные президенты, вместе взятые. После утверждения НАФТА мы потеряли более четверти рабочих мест в производственной сфере, а после вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году мы лишились 60 тыс. заводов и фабрик. Наш дефицит торгового баланса в прошлом году составил почти 800 млрд долларов».*

Приложение 6.

Д.Трамп: «Слишком долго мы наблюдали, как сокращается наш средний класс, пока мы перемещали наши рабочие места и богатства в зарубежные страны. Мы финансировали и строили один глобальный проект за другим, но не обращали внимания ***на судьбы наших детей в бедных районах Чикаго, Балтимора, Детройта и многих других городов по всей стране.***

Приложение 7.

- Дэвид Мьюир: Вы будете строить эту стену на американские деньги? За нее заплатят американские налогоплательщики?

- *Д.Трамп: В конечном итоге все зависит от того, что произойдет с Мексикой. В ближайшее время мы планируем начать переговоры. И мы получим некую компенсацию от Мексики, о которой я бы сказал…*

- *Дэвид Мьюир (David Muir): То есть, они нам* заплатят?

Д.Трамп: Совершенно верно, на все сто процентов.

Приложение 8.

— Дэвид Мьюир: Я спрашиваю другое. Когда вы высказываете свое мнение о том, что нелегальных голосов — миллионы, это нечто чрезвычайное для системы нашей демократии, для свободных и честных выборов.

— Д.Трамп: Конечно. Конечно, Конечно.

— Дэвид Мьюир Вы говорите, что проведете расследование.

— Д.Трамп: Естественно.

Барак Обама: ….Но перспектива покинуть Белый дом вызывает смешанные чувства. Возможно, вы слышали, что на прошлой неделе кто-то перепрыгнул через забор, окружающий Белый дом, но я должен поблагодарить спецслужбы - они нашли и вернули Мишель, сейчас она дома и в безопасности. Держись, детка, осталось всего девять месяцев….

Приложение 9.

- *Барак Обама: Что касается меня и Мишель, мы решили остаться в Вашингтоне еще на пару лет. Наша младшая дочь сможет окончить школу, а Мишель сможет быть рядом со своими морковными грядками…Она хочет их посещать.*

Приложение 10.

- *Барак Обама: Восемь лет назад я был молодым человеком, полным энергии и идеализма. Сейчас я унылый, седеющий мужчина, считающий дни до смертного приговора», — сказал он, имея в виду раскритикованную многими реформу здравоохранения, получившую название Obamacare. (шутка в адрес Трампа).*

Приложение 11.

— Дэвид Мьюир: Что вы скажете своим сторонникам, которые заявляют: «Погодите, мы думали, что Мексика заплатит за нее в самом начале»?

— Д.Трамп: Что ж, я отвечу очень просто: они за нее заплатят. Я никогда не говорил, что они заплатят в самом начале. А своим сторонникам я скажу вот что: «Вы хотите, чтобы я подождал два — три года, прежде чем заключать эту сделку?».

Приложение 12.

- Журналист: Избранный президент провел первую конференцию после выборов и на ней впервые открыто признал, что хакерскими атаками во время предвыборной кампании стоит Россия. Как Вы думаете, каким должен быть ответ американской стороны?

- Дж. Маккейн: Мне было очень приятно слышать это признание. Он правильно ответил, что и другие страны занимаются подобным, но я рад, что Трамп признал, что русские несут ответственность за хакерские атаки, потому что сомнений в этом нет.

- Журналист: Да, но в то же время Трамп говорит, что симпатия Путина – его преимущество, а не недостаток новой администрации, что Путин будет уважать США гораздо больше, чем раньше и не будет взламывать компьютерные сети. Что Вы думаете по этому поводу?

- Дж. Маккейн: Я вот, что думаю. Владимир Пути – убийца, бандит и продукт КГБ, который старается использовать любую ситуацию в свою пользу. Я видел уже трех президентов США – Буша, Клинтона и Обаму, которые верили в то, что с Путиным можно наладить отношения. Они хвалили его. Например Джордж Буш сказал, что он заглянул в глаза Путина и увидел его душу. А при Обаме все помнят кнопку перезагрузки отношений с Россией. Но все мы понимаем, кто такой Путин. Нам нужно вернуться к концепции времен правления Рейгана – «мир с помощью силы», потому что единственный язык, который понимает Путин – это язык силы.

Приложение 13.

Приложение 14.

Приложение 15.

Приложение 16.

